

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ОЛЬВИЯ И ЕЕ ОКРУГА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1986

Исследуются актуальные вопросы истории и культуры Ольвии — одного из крупнейших государств северной периферии античного мира.

Освещаются вопросы формирования Ольвийского полиса, денежного обращения в ранний период его истории, приводятся результаты раскопок архаических слоев Ольвии и близлежащих поселений, публикуются материалы, дополняющие сведения об истории, экономике и духовной культуре Ольвийского государства.

Для историков, археологов.

Редакционная коллегия

А. С. Русяева (ответственный редактор),
С. Д. Крыжицкий,
С. Н. Мазараги (ответственный секретарь)

Рецензенты

В. Н. Гладилін, В. М. Зубарь

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран,
археологии и документалистике

0 050700000-195
M221(04)-86 74-86

© Издательство «Наукова думка», 1986

С. Д. Крыжицкий, В. М. Отрешко

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА

В отечественной научной литературе немало внимания уделялось вопросам, связанным с проблемой формирования Ольвийского государства. В первую очередь, это попытка определения времени основания Ольвийского поселения¹, характера греческой колонизации региона², статуса Березанского поселения и его отношений с Ольвией³, характера взаимоотношений греческих первопоселенцев и варварского окружения⁴, этнической характеристики жителей архаического Нижнего Побужья⁵ и др. Тем не менее проблема формирования Ольвийского государства в силу ряда причин пока достаточно убедительного комплексного решения не получила.

Наиболее важны для освещения темы в предлагаемом аспекте время и характер основания Ольвийского поселения, политический статус ранней Березани, время становления Ольвии как города и государства, особенности развития сельской округи. Именно они способствуют решению проблемы в целом: каков характер формирования Ольвийского государства и в какой степени он соответствует общеизвестным моделям образования апоекий.

В задачу настоящей статьи входит анализ накопленных данных и разработок с последующим построением наиболее вероятной, по мнению авторов, конструкции. Авторы будут исходить из сопоставления моделей формирования античного греческого государства в условиях колонизированного региона, построенных на основании литературных и эпиграфических источников, с данными археологии Нижнего Побужья.

В связи со сказанным приведем крат-

ко основные положения, характеризующие модели, построенные по письменным источникам.

Наиболее известная модель предполагает, что апоекия — это самостоятельный полис с характерными для него установлениями. Контингент колонистов организовался еще в метрополии. Его численность — имеются в виду полноправные граждане — составляла чаще всего от 100 до 1000 человек. С целью выбора наиболее перспективного для колонизации региона обычно запрашивался дельфийский оракул, для предварительного знакомства с местностью высылались специальная комиссия. Переселившись, колонисты в первую очередь сооружали оборонительные стены города, затем проводили раздел земельных участков, чему должна была предшествовать размежевка городской территории — выделение улиц и участков под застройку, которая, судя по Витрувию [Vitruv., I, 1, 72—75], проводилась после возведения стен. Каждый полноправный гражданин нового полиса получал ойкопедон в городе (иногда с приусадебным участком), а также одав, два или более наделов в различных частях хоры. Десятая часть территории города отводилась под теменос, определенный процент земельных наделов становился храмовой и общественной собственностью⁶.

Образуемый полис мог состоять только из одного населенного пункта, либо представлять собой систему города и деревень, как, например, у Платона [Leg., 630—640], но в любом случае предполагалось строительство города.

Вторая модель отличалась от первой поэтапной системой освоения новой

территории. Для нее характерно следующее. Колонисты первоначально основывали поселения на островах или полуострове, исходя, вероятно, из соображений безопасности, а также из-за недостаточного знания местных условий. Спустя некоторое время основная масса их переселялась в глубь материка, где и строился город. При этом, естественно, первоначальное поселение, если не приходило в окончательный упадок, то, во всяком случае, занимало второстепенное положение. Широко известным примером подобной модели может служить основание Кирены в Ливии [Herod., IV, 151—161].

Необходимо подчеркнуть, что и в первой, и во второй моделях реальным действием — размежеванию осваиваемой территории, строительству города и т. д. — предшествовало конституирование алойкии еще в метрополии. Иными словами, организация полиса по времени предшествовала основанию города, хотя хронологический разрыв и невелик. Естественно, что в этих случаях город сразу же получал регулярную систему планировки, как мы можем это наблюдать, например, в Мегаре Гиблее⁷.

В качестве третьей модели образования нового государства может служить какой-либо из вариантов синойкизма, широко распространенного в эллинистическом мире, заключающегося в объединении и слиянии нескольких самостоятельных общин в единое государство⁸. Для этой модели характерно более или менее продолжительное сосуществование отдельных автономных общин по соседству друг с другом. На определенном этапе в результате либо внешнеполитического давления, либо внутренних социально-политических тенденций развития эти общины сливались в единое государство. Часто этот процесс сопровождался концентрацией основной массы населения в городском центре, как это прослеживается на примере Мегалополя и Мактиней [Xen., Hell., VI, 5, 3—5; Paus., VIII, 27—28; Diod., XV, 72, 4; Strab., VIII, III, 2]. Известно и чисто политическое решение вопроса: один из населенных пунктов становился политическим, административным и религиозным центром, а остальные при-

обретали статус ком или демов нового полиса. Этим путем в свое время было проведено объединение Атики [Aristot., Ath. pol., 41, 2; Thuk., II, 15, 2]. Интересно, что когда персы при Кире начали покорять Ионию, Биант из Приены предложил ионийцам всем вместе отплыть в Сардинию и там основать общий полис, то есть реализовать первый вариант синойкизма. Нескольким ранее Фалес Милетский предлагал реализовать второй вариант — сделать центром ионийцев Теос, а остальным городам сохранить самостоятельность на правах местных общин [Herod., I, 170]. Синойкизм в колониальных условиях, насколько нам известно, современными исследователями практически не изучался. Тем не менее вряд ли можно сомневаться в его реальности — вероятно, как вариант синойкизма можно рассматривать слияние общин Херсонеса Фракийского в единое государство под властью Мильтиада Старшего, а позднее Мильтиада Младшего [Herod., VI, 34—39]. Видимо, какой-то вариант синойкизма имел место при основании города Миркии на р. Стримон милетским тираном Гистиеем [Herod., V, 23].

Если вследствие синойкизма менялась демографическая структура расселения, то этот процесс должен был сопровождаться либо перепланировкой и ускоренным развитием какого-либо старого населенного пункта, ставшего центральным, либо основанием нового укрупненного городского поселения. В конечном итоге любую из трех моделей возможно в принципе проследить по археологическим данным.

Из сказанного следует, что в археологических источниках тот или иной путь формирования Ольвии как города и государства должен был получить определенное, пусть и косвенное отражение. Иначе говоря, попытка решения интересующей нас проблемы с помощью данных археологии внутренне не противоречива. В связи с отсутствием прямых литературных и эпиграфических свидетельств путь сопоставления характеристик синхронных слоев (прежде всего датирующих вещественных источников, а также градостроительных и архитектурных остатков) Ольвии, Березани и архаических сельских поселе-

ний Нижнебугского региона представляется правомерным.

Наиболее ранние материалы, найденные в Ольвии, были в свое время тщательно проанализированы Т. Н. Книпович. Она писала: «Среди всех имеющихся находок из Ольвии я знаю только один обломок, относящийся к концу VII в., — тот обломок, который в красках воспроизведен в «Архаическом периоде в России» Б. В. Фармаковского. Все остальные находки сделаны уже значительно позже; они не могут принадлежать ни VII в., ни даже началу VI в. до н. э. Только со второй четверти, особенно с середины VI в. до н. э. количество находок заметно увеличивается. Это впечатление подтверждает и некрополь Ольвии, в котором самые ранние погребения принадлежат середине VI в. до н. э.»⁹.

Десятилетия раскопок, проводившихся после появления статьи Т. Н. Книпович, практически ничего не изменили в характеристике керамического материала. Лишь VII в. до н. э. датируется все тот же единственный фрагмент, найденный Б. В. Фармаковским¹⁰. Среди керамики первой половины VI в. до н. э. Л. В. Копейкина, пытавшаяся удревнить время основания Ольвии, смогла отнести к началу века только один фрагмент ойнохои¹¹. Иначе говоря, Т. Н. Книпович была абсолютно права, утверждая, что только со второй четверти, особенно с середины VI в. до н. э. количество находок заметно увеличивается. За 80 лет систематических раскопок Ольвии ни в одной части городища — в том числе и южной — неперемещенный культурный слой и строительные остатки первой половины VI в. до н. э. обнаружены не были. Речь может идти лишь о середине VI в. до н. э.¹² Массовый же археологический материал и строительные остатки появляются в Ольвии только с третьей четверти VI в. до н. э.¹³

В связи с этим следует остановиться на датировке возникновения теменоса и агоры. Обычно этот момент датируется излишне общо и неопределенно: вторая половина VI в. до н. э.¹⁴, конец VI в. до н. э.¹⁵, вторая половина VI — начало V в. до н. э. На наш взгляд, датировку можно несколько уточнить.

В культовых ямах и углублениях теменоса найдены обломки ранних краснофигурных киликов, причем большинство из них расписано лучшими афинскими мастерами. Редкость подобных находок как в Ольвии за пределами теменоса, так и вообще в Северном Причерноморье позволила К. С. Горбуновой высказать достаточно убедительное соображение, что большинство этих сосудов покупалось специально для культовых целей¹⁶. Датировки этих находок на теменосе¹⁷ позволяют считать, что в 525—515 гг. до н. э. теменос уже существовал, что дает нам *terminus ante quem* для возникновения теменоса. В тех же ямах и углублениях на теменосе найдено большое количество керамики третьей четверти VI в. до н. э.¹⁸ На ряде аттических мелкофигурных киликов этого времени имеются посвящения Аполлону Дельфилию¹⁹. Правда, Е. И. Леви весьма осторожно предполагает, что надписи могли быть вырезаны позднее, однако никаких аргументов в пользу этого предположения не высказывает²⁰. Таким образом, можно полагать, что теменос появился все-таки еще в третьей четверти VI в. до н. э. С другой стороны, среди огромного количества архаических материалов, найденных здесь, лишь немногие фрагменты могут быть отнесены ко времени ранее середины VI в. до н. э.²¹, что дает нам соответствующий *terminus post quem*. Далее, надо думать, что если бы данная территория была освоена в первые годы третьей четверти VI в. до н. э., то такие находки следовало бы ожидать в гораздо большем количестве. Интересно и то, что здесь открыты остатки полуземлянки с очагом, видимо жилой²², которую Н. А. Карасев и Е. И. Леви явно не смогли или не сочли возможным связать с функционированием теменоса (в тексте соответствующих публикаций о ней не упоминается). Иначе говоря, данная территория первоначально была занята жилой застройкой, существование которой ни здесь, ни на расположенном поблизости участке АГД, ни вообще где-либо в Ольвии ранее середины VI в. до н. э. не зафиксировано. Все это дает основание считать, что теменос не мог

возникнуть в начале третьей четверти VI в. до н. э., а появился позднее, ближе к концу века, скорее всего где-то между 535—525 гг. до н. э. Судя по имеющимся материалам, весьма вероятно, что в это же время была выделена и ольвийская агора²³.

Появление темепоса и агоры дает основание для выделения периода, предшествовавшего этому событию, в самостоятельный, начальный этап существования Ольвийского поселения (ориентировочно от 550 до 535—525 гг. до н. э.).

Об Ольвии этого времени мы знаем только по нескольким полуземлянкам, открытым в северной части Верхнего города²⁴. Имелись ли аналогичные или какие-либо иные структуры начала третьей четверти VI в. до н. э. в других частях Верхнего города, сказать трудно. Если они и были, то, очевидно, в небольшом количестве, и, скорее всего, плотность застройки была невелика. Так, при раскопках ни одной постройки этого этапа к югу от участка АГД не обнаружено (по поводу слишком заниженной датировки — середина VI в. до н. э. — здания, опубликованного Л. В. Копейкиной²⁵, мы уже писали²⁶, оно относится ко времени не ранее конца VI в. до н. э.). Ольвия на этом этапе представляла собой хаотическое скопление земляночных и полуземляночных жилищ. Не было ни четкой квартальной структуры, ни, тем более, регулярной прямоугольной планировки, то есть территория поселения не имела продуманной размежевки, которая могла бы иметь место в случае существования здесь с самого начала государственной структуры. Не обнаружены оборонительные стены, отсутствовали на этом этапе темепос и агора.

Переходя к характеристике сельских поселений Нижнего Побужья, следует прежде всего подчеркнуть неодновременность их возникновения. Так, по имеющимся данным, наиболее ранняя керамика поселений Березапского лимана датируется началом — первой половиной VI в., а на северных поселениях Бугского лимана — третьей четвертью VI в. до н. э.²⁷ Массовый материал в первом случае относится к середине VI — первой четверти V в.

до н. э., во втором случае — к последней четверти VI — первой четверти V в. до н. э. В градостроительном отношении эти поселения имели хаотическую «кустовую» застройку, что в той или иной мере было прослежено практически на всех раскапывавшихся памятниках (Бейкуп, Викторовка 1, Большая Черноморка 2, Каборга 1, Широкая Балка 1, Чертоватое 2, Чертоватое 7, Старая Богдановка 2)²⁸. Какие-либо элементы регулярности и четкой регламентации не прослеживаются. Как показали исследования последних лет, архаические поселения отличались в основном своими размерами (от 0,1 до 70 га), в градостроительном же отношении были, судя по всему, однородны. Характер застройки во второй половине VI в. до н. э. — земляночный и полуземляночный. Обычно встречается большое количество хозяйственных ям. Улицы и кварталы отсутствовали, комплексы построек и ям размещались на местности свободно.

Таким образом, можно констатировать, что в градостроительном аспекте Ольвия на первом этапе не имела каких-либо видимых отличий от рядовых сельских поселений.

В отличие от других памятников, поселение на о-ве Березань имело в это время существенно иной характер. Так, по данным Л. В. Копейкиной, на участке Г уже в середине — третьей четверти VI в. до н. э. строятся многокамерные наземные дома, а само поселение (во всяком случае, в этой его части) получает четкую прямоугольную систему планировки²⁹.

Сопоставление этих данных позволяет прийти к однозначному выводу о том, что Ольвия на первом этапе своего существования не могла, в отличие от Березани, занимать главенствующее положение в регионе. И, следовательно, сельские поселения близ Ольвии не могли составлять ее хору в классическом понимании этого термина. Поэтому первая из «литературных» моделей к Ольвии не приложима.

Возникает вопрос, что же Ольвия представляла собой на следующем этапе ее существования. Судя по археологическим источникам, Ольвия в конце третьей четверти VI в. — начале V в.

до н. э. стала резко развиваться. Это проявилось в возникновении теменоса и агоры, в увеличении объема строительства, в основном земляночного и полуземляночного, и, как следствие, в росте плотности застройки, в появлении элементов градостроительной стабильности и регламентации, которые прослеживаются на участках АГД и агоры. Так, раскопки на участке АГД показали, что главная продольная улица появилась во второй половине VI в. до н. э. и сохранялась на протяжении всего догетского времени³⁰. В районе агоры расположение ряда полуземлянок конца VI в. до н. э. и подвалов эллинистических домов³¹ совпадает, а по ориентации примерно соответствует полуземлянкам АГД. Плотность застройки, судя по раскопкам на участке АГД, приблизительно в два-три раза выше, чем на поселениях Большая Черноморка 2, Чертоватое 7, Широкая Балка, Чертоватое 2 или Старая Богдановка 2. Следует отметить, что среди полуземлянок удельный вес прямоугольных построек в Ольвии выше, чем на периферии — последнее, скорее всего, объясняется более высокой плотностью застройки при наличии определенной градостроительной регламентации.

В последней трети VI в. до н. э. в Ольвии происходят взаимосвязанные изменения как количественные — увеличение плотности застройки и, по-видимому, территориальный рост поселения, так и качественные — выделение теменоса и агоры, появление элементов градостроительной регламентации. Подобные изменения при оставшейся качественно прежней характеристике остальных поселений региона свидетельствуют о существенном изменении роли Ольвии. Эти изменения сопровождаются демографическими изменениями на территории хоры — судя по всему, именно в последней трети VI в. осваивается правобережье Бугского лимана к северу от Ольвии и левобережье Бугского лимана к югу от Николаева. На данной территории в конце третьей четверти VI в. основываются такие поселения, как Старая Богдановка 2, Чертоватое 2, Чертоватое 7, Лупаревое 2³².

Вернемся к Ольвии. Возникновение

агоры свидетельствует о резком развитии дистрибутивной функции, а с учетом появления элементов градостроительной регламентации — о возникновении институтов агораномов и астиномов³³. Далее, значительный рост количества населения требовал конституирования органов самоуправления. И наконец, с началом функционирования теменоса Ольвия, несомненно, становится религиозным центром Нижнего Побужья. Так, хотя в указанное время существовали и другие святилища и храмы (на Бейкушском поселении имеется святилище Ахилла³⁴, как храмы интерпретируются некоторые постройки, возможно, относящиеся к более позднему времени — к началу V в. до н. э.³⁵), ни одно из них не могло иметь значения, подобного ольвийскому теменосу. Достаточно указать на количество посвящений, на существование фиаса нумениастов во главе с эсимнетами — ольвийскими эпонимами³⁶. Судя по письму Ахиллодора, на религиозные празднества в Ольвию приезжали жители других населенных пунктов, в том числе березанцы³⁷. Здесь был центр культа Аполлона Дельфиния, о значении которого свидетельствует распространение дельфинчиков в Нижнем Побужье — с семантической точки зрения они являлись символами этого бога, то есть Ольвия являлась центром самого важного культа в Нижнем Побужье.

Все сказанное дает основание считать, что в начале второго этапа произошли изменения и в политическом статусе Ольвии. О появлении полисного статуса может свидетельствовать также начало литья дельфиновидных монет. Логично предположить, что это событие тесно связано с выделением ольвийского теменоса, где в архаическое время преобладал культ Аполлона Дельфиния (появление дельфинов во второй половине VI в., связь этих монет именно с Ольвией, равно как и семантическая связь с культом Аполлона Дельфиния сомнений не вызывают). Ю. Г. Випоградов сообщает о серии граффити ПО, ПОЛЕ и ПОЛЕОС, относящихся к последней четверти VI — первой четверти V в. до н. э.³⁸ По-видимому, именно Ольвия названа полисом в

письме Ахиллодора (конец VI или начало V в. до н. э.)³⁹.

Внутренние изменения в Ольвии сопровождалась активизацией аграрного освоения Нижнего Побужья, по преимуществу в районе Бугского лимана. Несомненно, что основание этих новых сельских поселений проходило под контролем Ольвии.

Естественной нижней границей второго этапа развития Ольвийского поселения явилась первая половина V в. до н. э., когда произошли существенные изменения. Город приобретает квартальную структуру. Совершается переход к массовому наземному домостроительству — на месте землянок и полуземлянок возводятся жилые дома обычных для Греции типов и здания общественного назначения⁴⁰, на теменосе воздвигается храм Аполлона Дельфиния⁴¹. Изменяются — видимо, в связи с общей перепланировкой — границы теменоса и агоры⁴². На участке АГД возникает второй теменос⁴³. До середины V в. до н. э., как можно предполагать по данным Геродота [Herod., IV, 50], Ольвия обносится оборонительными стенами. Таким образом, к середине V в. до н. э. Ольвия полностью превращается в греческий город обычного облика. Политический статус ее в это время сомнений не вызывает — к первой половине V в. относится древнейшая известная ольвийская проксекия⁴⁴, примерно к середине века принадлежит описание этого полиса Геродотом (Herod., IV, 50—54).

Необходимо отметить, что на сельских поселениях Нижнего Побужья, как и в Ольвии, в начале V в. до н. э. однокамерная полуземляночная застройка начинает сменяться многокамерной наземной. Это прослеживается, в частности, на таких памятниках, как Большая Черломорка 2, Старая Богдановка 2, Козырка 9⁴⁵. Однако к началу второй четверти V в. до н. э. жизнь на подавляющем большинстве поселений замедляется. Совпадение этого явления с увеличением территории Ольвии, развертывание здесь массового наземного камечно-сырцового домостроительства позволяют предполагать, что в указанное время жители сельских поселений сконцентрировались в городе⁴⁶.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Основание Ольвийского поселения относится к середине VI в. до н. э. Среди различных мнений о времени основания этого населенного пункта VII в. до н. э. — по А. С. Уварову, В. В. Латышеву и Б. В. Фармаковскому⁴⁷, первые десятилетия VI в. до н. э. — по Е. И. Леви, Л. М. Славину и др.⁴⁸, археологическое подтверждение имеет только точка зрения Т. Н. Книпович и С. А. Жебелева о второй четверти — середине VI в. до н. э.⁴⁹

Совершенно очевидно, что Ольвийское поселение до конца третьей четверти VI в. до н. э. полисом или иным автономным политическим образованием являться не могло. Это подтверждает стихийный характер основания Ольвийского поселения, тем самым лишая целесообразности попытки связать время возникновения с литературными данными. Более того, при стихийности древнейшего этапа существования конкретная дата появления здесь первого поселения особой роли не играет. Возникновение здесь одной или нескольких полуземлянок не являлось организованным (в аспекте формирования государства) актом.

В связи с этим сообщение Евсевия [Euseb., II, 88] об основании Борисфениды в 645/644 г. до н. э. реальнее всего, вслед за М. Ф. Болтенко, отнести к поселению на о-ве Березань⁵⁰. Сведения же Псевдо-Скимна об основании Ольвии во время «мидийского владычества» [Ps.-Scymn., 8] практического значения не имеют, поскольку мидийцами называли и мидийцев, и персов, что дает в совокупности крайне широкий хронологический диапазон. Если вслед за В. П. Яйленко допустить, что в первоисточнике могло иметься в виду не мидийское, а лидийское владычество⁵¹, то значимость этого для датировки возникновения Ольвии практически снижается до нуля.

Столь же очевидно как то, что Ольвийское поселение до конца третьей четверти VI в. статуса полиса не имело, так и то, что в начале V в. до н. э. оно им уже обладало. Отсюда следует, что формирование полиса произошло между 535 и 475 гг. до н. э., по вероятнее всего, по указанным выше причинам,

именно в конце третьей четверти VI в., где-то между 535 и 525 гг. до н. э.

В Ольвии VI—V вв. до н. э. время оформления социально-политической структуры и урбанизации не совпадает. Городом Ольвия становится не ранее начала V в. до н. э., скорее всего во второй четверти V в. до н. э., то есть примерно на полвека позднее возникновения политической организации. Процесс урбанизации, несомненно, был постепенным и окончательное завершение получил в результате концентрации в Ольвии сельского населения Нижнего Побужья.

Это дает основание предполагать, что в Нижнем Побужье не нашла отражения и вторая «литературная» модель формирования государства — от форпоста на полуострове к городу внутри материка. Во-первых, при этом новый город должен был бы сразу получить основные урбанистические черты, а не спустя полвека — жители Березани вполне имели возможность не спешить с переселением в ольвийские землянки. Во-вторых, основание Ольвийского полиса и его резкий демографический рост в последней четверти VI в. отнюдь не сопровождалось одновременным упадком Березани и явно не связаны с переселением сюда основной массы березанцев. В-третьих, слишком значителен хронологический разрыв между основанием поселения на Березани и формированием полиса в Ольвии, составляющий не менее века. Это гораздо больше того, что предполагает «литературная» модель.

В связи с изложенным возникает вопрос о статусе других населенных пунктов Нижнего Побужья, их соотношений с Ольвией. Для этого необходимо прежде всего коснуться проблемы статуса Березанского поселения на различных этапах его существования. На этот счет существуют различные мнения. Так, Э. Р. Штерн считал, что на Березани долгое время находилась сезонная стоянка, куда милетяне заезжали летом для рыбной ловли и торговых операций⁵². Естественно, о политической организации сезонников говорить не приходится. Сейчас, однако, никто не сомневается, что поселение с самого начала было не сезонным, а имело по-

стоянный характер. В этом случае, как справедливо отметил В. В. Лапин, его жители должны были составлять определенным образом организованный коллектив⁵³. Ряд исследователей называет Березань эмпорием⁵⁴. Подобное словупотребление оправдано, если хотя бы подчеркнуть торговое значение поселения, хотя, учитывая полисемантичность этого термина, здесь более приемлемо определение «торговая фактория», предложенное И. Б. Брашинским и А. Н. Щегловым⁵⁵. С точки же зрения социально-политической организации термин «эмпорий» непонятен — современные исследователи, противопоставляющие «эмпорий» «полису», свое понимание термина в указанном аспекте не раскрывают. Аптичные же авторы называли эмпорием даже Афины, то есть вкладывали в него сугубо экономическое содержание [Strab., VII, 2]. По нашему мнению, вопрос о политическом статусе Березани обычно соотносится с определением характера ее экономики излишне прямолинейно. Даже признание главенствующей роли торговли отнюдь не означает, что это была торговая фактория, а не полис — ведь являлся же полисом такой торговый центр, как Невкратис. Для решения проблемы статуса Березани существенное значение имеет, во-первых, то, что это было достаточно значительное постоянно обитаемое поселение, которое не могло бы существовать без определенной социально-политической организации, во-вторых, то, что это поселение долгое время являлось единственным форпостом греческой цивилизации как в Нижнем Побужье, так и в Северном Причерноморье вообще. Иными словами, Березань не могла быть составной частью какого-либо более крупного политического образования и должна была иметь самостоятельную политическую организацию.

Естественно, возникает вопрос о форме этой организации. Вряд ли можно согласиться с В. В. Лапиным, который определяет Березанское поселение как «зародыш полиса», поскольку под полисом (в данном случае Ольвийским) он понимал «...всю совокупность объединенных экономически, политически и культурно греческих поселений,

соответствующим центром которой на определенном этапе стал г. Ольвия»⁵⁶. Действительно, на том этапе, когда Березанское поселение было в Нижнем Побужье единственным, оно не могло являться центром совокупности населенных пунктов. Однако полис — это отнюдь не система поселений, это социально-политическая структура, форма существования раннеклассового общества. По представлениям древних греков, полис — это прежде всего коллектив свободных людей, организованных в гражданскую общину. Под властью этой общины находились представители тех или иных категорий зависимого населения⁵⁷. Могла ли существовать на Березани такая структура? На наш взгляд, да. Первопоселенцы Березани не были инородным включением в среде жителей негреческого населенного пункта, не находились под контролем какого-либо государственного образования, местного или греческого, возникшего в Нижнем Побужье ранее (в этом случае статус Березани, форма организации населения определялись бы извне, со стороны). Следовательно, в этих условиях ничто не мешало березанцам образовать полис, то есть скопировать (воссоздать) привычную социально-политическую организацию, существовавшую на их прежней родине, как это обычно и осуществлялось в греческой колонизационной практике⁵⁸, а не ограничиться неким зародышем будущей, но для них уже привычной и естественной социально-политической организации.

Вряд ли также можно рассматривать Березань и как «микрполис»⁵⁹. Конечно, группа людей могла организовать полисную структуру лишь при определенном численном уровне. Однако какой уровень можно считать достаточным? Вопрос этот, насколько нам известно, мало разработан. По С. Я. Лурь, например, один из беотийских полисов насчитывал всего 64 гражданина⁶⁰. Если исходить из письменных источников, контингента из 100—150 переселенцев было достаточно для основания нового полиса⁶¹. Надо думать, что березанцев во второй половине VII в., не говоря уже о VI в. до н. э., было больше⁶². Что же каса-

ется самого определения «микрполис», то надо сказать, что использование его и ему подобных из-за неясности содержания термина может в настоящее время лишь ввести в заблуждение. Другое дело, что полис полису, конечно, рознь, и антиковедение давно и настоятельно нуждается в разработке соответствующей типологии.

Таким образом, в настоящее время не существует адекватной альтернативы предположению, что Березань с момента своего основания являлась полисом. В данном случае имеется в виду форма социально-политической организации населения. Что же касается других аспектов проблемы, то археологические данные воссоздают следующую картину. Элементы градостроительной регламентации и планировки вплоть до середины VI в. до н. э. не прослеживаются, жилые и хозяйственные постройки представляли исключительно землянками и полуземлянками. После середины VI в. до н. э. на участке Г, по данным Л. В. Копейкиной, начинается строительство многокамерных наземных домов, появляется прямоугольная планировка⁶³. В другой части поселения, на участке О, по данным В. В. Лапина, никаких изменений в градостроительстве в это время не происходит, смена земляночного домостроительства наземным относится здесь к началу V в. до н. э.⁶⁴ Неясным остается вопрос о березанских теменосе и агоре, хотя в существовании первого вряд ли можно сомневаться, судя по развитию погребального обряда (в частности, архитектурных сооружений), по наличию храма на участке В. В. Лапина. Несомненно и существование агоры.

Березанское поселение не являлось торговой факторией, нельзя приравнивать его и к рядовым аграрным поселениям. По своему демографическому и экономическому потенциалу Березань резко превосходила любое известное нам сельскохозяйственное поселение региона. Экономика Березани явно не ограничивалась сельским хозяйством — сравнивая ее с аграрными населенными пунктами, мы не можем не заметить таких функций города, как средоточие ремесла, узел коммуникаций, центр торговли и т. д. Надо сказать, что

К. К. Марченко совершенно справедливо констатировал сезонный характер Ягорлыцкого поселения⁶⁵ — в соответствии с этим, уже с конца VII в. до н. э. экономику Березани невозможно рассматривать без учета разнообразного ремесленного производства Ягорлыка. Таким образом, Березань по социальному составу населения существенно отличалась от аграрных пунктов. Несмотря на полуземляночное домостроительство и отсутствие регулярной планировки, Березань не деревня. Вероятно, можно охарактеризовать ее как вначале полугородское поселение, степень урбанизации которого постепенно возрастала.

Теперь рассмотрим рядовые аграрные поселения. Около половины из них площадью 0,1—0,2 га представляли собой, скорее всего, хутора, принадлежавшие отдельным семьям. Подавляющее большинство остальных средней площадью около 2 га можно рассматривать как деревни, где в период максимального расцвета (конец VI — начало V в. до н. э.) проживало не более 15—20 семей. Здесь могли существовать небольшие соседские общины. Как показали исследования Ольвийской комплексной экспедиции 1983 г., на трех известных нам крупных поселениях площадью до 70 га могло проживать до 100—120 семей. Здесь могли существовать сравнительно крупные общины. Следует, однако, отметить, что эти поселения обладали весьма «рыхлой» структурой и состояли из ряда усадеб (соответствующих по своему характеру хуторам), расположенных на расстоянии 20—40 м друг от друга, без признаков регламентации застройки. Судя по вещественному материалу, крупные поселения заселялись постепенно.

Наблюдаемое археологически распыление сельского населения на обширной по протяженности полосе побережья Березанского, Днепровского и Бугского лиманов дает основание предполагать стихийность, неодновременность переселения в эти края отдельных семей и групп колонистов. В противном случае, надо думать, они скорее бы основали в соответствии с колонизационной практикой один населенный пункт, размежевав прилегающие к нему земли. Сле-

дует обратить внимание и на то, что до конца третьей четверти VI в. до н. э., то есть до появления ольвийских темноса и агоры, до радикальных изменений в размере и характере Ольвии, в Нижнем Побужье было основано не более десятка поселений средней площади⁶⁶. Ясно, что их крайне немногочисленное население — 100, максимум до 200 семей — не могло быть независимо от Березани. Большинство поселений этого времени группируются в районе Березанского лимана и, вполне возможно, было основано березанскими выходцами.

Подавляющее же большинство аграрных населенных пунктов возникает в последней трети VI — начале V в. до н. э.⁶⁷, после того как Ольвия становится демографическим, политическим и религиозным центром Нижнего Побужья. В этих условиях трудно представить себе самостоятельное существование не только отдельных хуторов, но и крупных поселений вроде Чертоватого 2 или Чертоватого 7. Сравнительно небольшие коллективы, в силу тех или иных причин вынужденные переселиться в Нижнее Побужье, не могли не попадать в зависимость от уже существовавших здесь более крупных политических организмов. Надо добавить, что по обычной колонизационной практике, как известно, эпойки почти всегда обладали менее привилегированным статусом по сравнению с первопоселенцами или их потомками⁶⁸.

Все сказанное, даже с учетом определенной недостаточности фактического материала, позволяет реконструировать следующую картину. Древнейшее из нижнебугских поселений — Березанское — было основано во второй половине VII в. до н. э., точнее в 646—625 гг. до н. э. Вероятнее всего, контингент первопоселенцев в соответствии с обычной колонизационной практикой с самого начала был организован в гражданскую общину — полис. Вполне допустимо предполагать, особенно учитывая многочисленные орудия сельскохозяйственного назначения⁶⁹⁻⁷⁰, что ближайшие к поселению земельные угодья (непосредственно на полуострове или, быть может, далее — на материковом плато) были размежеваны на

наделам. Однако в отличие от распространённой «литературной» модели основание апойки не сопровождалось строительством города — Березань трудно охарактеризовать иначе как полугородской населённый пункт (в иностранной литературе — *Dorf-Stadt*⁷¹), причем деревенских черт было, судя по всему, вначале больше.

Спустя некоторое время, за пределами собственно березанской хоры (территории, занятой наделами жителей Березани) начинают возникать небольшие сельскохозяйственные поселения — на берегах Березанского, Днепровского и Бугского лиманов. В первой — начале второй половины VI в. до н. э. количество их невелико, в пределах десятка — Очаков 1, Бейкуш, Викторовка 1, Большая Черноморка 2, Каборга 1, Широкая Балка 1, Закисова Балка, Ольвия. Вполне возможно, что значительную, если не основную, часть их обитателей составляли выходцы с Березани. Скорее всего, эти немногочисленные небольшие поселения находились в зависимости от Березани.

Однако к концу третьей четверти VI в. до н. э. (где-то между 535—525 гг.) ситуация резко изменилась. Ольвия становится центром Нижнебугской конгломерации и приобретает статус полиса. С этого момента активизируется и аграрное освоение региона. Судя по всему, этот процесс характеризовался тремя основными моментами: большим количеством групп колонистов, малочисленностью каждой из них и перманентностью — одна или несколько семей приезжали, выбирали место, селились, распаивали землю. Спустя некоторое время (год, два, три) приезжала следующая группа и селилась в некотором отдалении от первой. Именно перманентный характер заселения в сочетании с небольшим составом отдельных групп и, видимо, отсутствием угрозы со стороны населения степей привел к заселенности столь протяженной полосы побережий лиманов. Трудно сказать, стимулировался ли сознательно этот процесс березанцами, а позднее ольвийцами. Однако вряд ли можно сомневаться, что группы эпоиков инкорпорировались сначала Березанским, а затем Ольвийским полисом.

Важно отметить следующее. Приобретение Ольвией полисного статуса изменило ее роли и значения, как уже отмечалось, отнюдь не сопровождается упадком Березани, который бы прослеживался археологически. Изменению статуса Ольвии сопровождалось, по археологическим данным, резким и существенным ростом ее населения, но нет оснований считать, что это было обусловлено притоком сюда жителей Березани, поскольку следов резкого уменьшения численности березанского населения не прослеживается. Мало того, если ориентироваться на существующие палеодемографические подсчеты⁷², то численность ольвиополитов даже при минимальных цифрах во второй половине VI в. до н. э. настолько превышала численность березанцев, что возможность реализации в Нижнем Побужье второй «литературной» модели явно отпадает.

Единственным реальным объяснением существенного возрастания демографического потенциала Ольвии и региона в целом, является признание факта переселения сюда в последней трети VI в. большого количества переселенцев из метрополии. Особое внимание необходимо обратить на качественную неоднородность колонизационного процесса. В Ольвию — ранее небольшую деревню — переселился сравнительно многочисленный и организованный коллектив. Видимо, именно этим можно объяснить, почему античная традиция сохранила известия об основании Борисфениды и Ольвии⁷³. Большинство же переселенцев прибывало отдельными семьями или небольшими группами, что и привело их к рассредоточению на нескольких десятках аграрных населенных пунктов. Точнее говоря, мы видим в Нижнем Побужье как заранее организованный, так и стихийный вариант освоения новых территорий.

Разделяя предположение Ю. Г. Виноградова о том, что жители Березанского поселения могли принимать участие в основании Ольвии⁷⁴, мы не склонны придавать такой возможности особое значение для политических отношений Ольвии и Березани. Количество березанских переселенцев не мог-

ло быть значительным, а сам по себе факт участия отдельных выходцев из какого-либо населенного пункта в основании другого недостаточен для вывода о политическом объединении. В сущности, выходцы из Березани могли принимать участие в основании не только Ольвии, но и любого другого поселения Побужья. Возникает вопрос: почему же именно Ольвия в конечном итоге стала единственным полисом региона? Кровная (по Ю. Г. Виноградову) заинтересованность березанцев в основании Ольвии отнюдь не очевидна. Быть может, им был выгоден рост численности сельского населения Побужья, но что березанцы — оставаясь жить на Березани — выиграли от того, что главенствующая роль в регионе перешла от них к Ольвии? Скорее всего, реальная ситуация была иной — прибывший в Ольвию коллектив переселенцев подавлял своей многочисленностью и силой, в результате чего березанцам пришлось на более или менее приемлемых условиях влиться в новую политическую структуру. Сходные примеры известны в истории сицилийских апойкий по Фукидиду [Thuk., I, 11—35]. В этом варианте Ольвийский полис не мог быть перенесен с Березани, а был организован в результате появления в Побужье многочисленного коллектива новых переселенцев. После того как Ольвия заняла ведущее положение в регионе, аграрное освоение Нижнего Побужья продолжалось, и ольвиополиты должны были политически инкорпорировать все новые и новые группы перманентно прибывающих переселенцев.

Необходимо отметить следующее: Ольвия, приобретя черты полиса как социально-политической структуры, не стала одновременно городом. В конце VI в. до н. э. мы видим в Нижнем Побужье систему, состоявшую из нескольких десятков аграрных поселений и двух полугородских центров (один из которых — Ольвия — был доминирующим). В широком плане такая картина типична не только для Нижнего Побужья, но и для ряда других регионов Северного Причерноморья. Нам не известен архаический пункт в Северном Причерноморье (за исключением

Торика), который бы сразу после основания имел регулярную систему планировки. В Нимфес, Фанагории, Мирмекии, Никонии начальной стадией являлось земляничное строительство⁷⁵. Только через продолжительное время осуществляется урбанистический переход. Для ряда центров сходными являются проблемы урбанизации и становления государственности. Вероятно, здесь проявляется специфическая закономерность колонизации Северного Причерноморья. Это объясняется участием в колонизационном потоке прежде всего земледельцев, плохо знакомых с практикой градостроительства; стихийностью процесса, не нашедшей адекватного отражения в «литературных» моделях, которые описывают прежде всего организованный вариант колонизации; продолжительностью и перманентностью процесса переселения. Тема аграрной колонизации в антиковедении не нова, но накопленные археологические материалы позволяют вернуться к этому вопросу на новом уровне.

Существует мнение, согласно которому появление в Нижнем Побужье многочисленных сельских поселений объясняется целенаправленной деятельностью ольвиополитов по созданию своей аграрной базы⁷⁶. Видимо, это не совсем так. Целенаправленно организованный процесс должен был бы найти какое-то отражение в археологических источниках — как это прослеживается в Западном Крыму IV—III вв. до н. э. В Нижнем же Побужье следов целенаправленной организации мы не наблюдаем. На наш взгляд, активизация освоения этого региона во второй половине VI в. связана преимущественно с усилением иммиграции из метрополии, чему способствовало покорение малоазийских греков персами. Таким образом, представляется реальным рассматривать Ольвию в последней четверти VI — начале V в., в отличие от известных «литературных» моделей, как полис со стихийно формирующейся хорой.

В последней трети VI в. до н. э. Ольвия постепенно урбанизируется, и в начале V в. этот процесс приобретает скачкообразный характер — имеется в

виду массовый переход от земляночного к наземному домостроительству⁷⁷. Характерно, что этот переход прослеживается синхронно и на ряде поселений⁷⁸, что может свидетельствовать о том, что, во-первых, ликвидация рядовых поселений еще не предполагалась, и во-вторых, что определенные процессы хозяйственного и социального развития были аналогичны в Ольвии и сельских поселениях.

Первичная урбанизация Ольвии заканчивается на рубеже первой-второй четверти V в. до н. э., когда многочисленные аграрные поселения прекращают существование, а их население, по нашему мнению⁷⁹, концентрируется в городе. Возникает вопрос, к которому неоднократно обращались исследователи после установления факта массовой гибели поселений⁸⁰, — в чем причина этого факта?

Наибольшее развитие получила точка зрения К. К. Марченко, который связывает ликвидацию поселений с целенаправленной политической скифами: скифские цари, желая монополизировать хлебную торговлю, создали условия, при которых дальнейшее функционирование ольвийской хоры стало невозможным⁸¹. Однако это не бесспорно. Прежде всего вряд ли можно говорить о ликвидации ольвийского сельского хозяйства — скорее, произошла просто его реорганизация в направлении концентрации и упорядоченности: в Ольвии сосредоточилось население, в окрестностях Ольвии — обрабатываемые земельные угодья. Практически это реально: так, например, клеры Херсонеса, расположенные в окрестностях города на Гераклеийском полуострове, занимали площадь около 10 000 га⁸². В окрестностях Ольвии вполне можно было располагать такой же или даже большей территорией. Кроме того, у нас нет убедительных данных, чтобы можно было говорить о конкуренции Ольвии и Скифии в хлебной торговле. Во-первых, ситуация на средиземноморском рынке определялась не Ольвией, и предполагаемая ликвидация ольвийского экспорта мало что могла изменить в отношении спроса-предложения или цен на хлеб в международной торговле того времени. Во-вторых, емкость средизем-

номорского хлебного рынка, насколько это известно из источников⁸³, была достаточно велика, чтобы подобная конкуренция между третьестепенными экспортерами не носила столь острого характера (мы говорим «третьестепенными», поскольку Ольвию нельзя ставить в один ряд ни с Боспором или Сицилией, ни тем более с таким гигантом, как Египет). Наконец, если исходить даже из политической ситуации, предлагаемой К. К. Марченко, то возникает вопрос: если скифы контролировали и лесостепь и Ольвию, то почему они предпочитали именно лесостепной экспорт? Зачем скифам нужно было затрачивать нерациональные усилия на подрыв ольвийского сельского хозяйства, если они спокойно могли собирать дань, как это позднее делали сами во главе с Сайтафарном? Наконец, если следовать концепции К. К. Марченко, то уже в первой половине V в. до н. э. следовало бы ожидать резкого обогащения степной аристократии или же существенного роста греческого импорта в лесостепь. Ни то, ни другое археологически не прослеживается. Более того, по данным Н. А. Онайко уровень греко-скифской торговли в начале V в. до н. э. падает⁸⁴. Что же касается степной аристократии, то богатые курганы, столь характерные для IV в., в указанное время еще не появились.

Развивая концепцию К. К. Марченко, Ю. Г. Виноградов считает, что Ольвия в V в. до н. э. находилась под протекторатом скифских царей, которыми и была ликвидирована хора и проведена урбанизация Ольвии⁸⁵. Однако, как мы уже говорили, произошла не ликвидация, а реорганизация сельского хозяйства греков Нижнего Побужья. Относительно уровня производства ольвиополиты вряд ли понесли существенные потери — количество трудоспособного населения не уменьшилось, плодородной земли в окрестностях Ольвии было достаточно, переквалификации земледельцев в торговцев и моряков в массовом количестве не произошло (если ориентироваться на снижение уровня греко-скифской торговли), то есть аграрное производство осталось на прежнем уровне или даже интенсифицировалось (благодаря концентрации,

упорядоченности, близости к рынку и другим сопутствующим изменениям). Что же касается политического аспекта проблемы, то концентрация греческого населения в одном населенном пункте неминуемо должна была привести прежде всего к консолидации греческого общества и тем самым к усилению Ольвийского полиса — в отношении его внешнеполитических и военных возможностей, а также во внутренних делах. Судя по литературным источникам, именно это и происходило в аналогичных ситуациях. Так, во время Пелопоннесской войны мессеняне говорили афинскому полководцу Демосфену: «Этолийский народ велик и воинствен, но живет по деревням, не защищенным стенами, разделенным большими расстояниями... Прежде, чем они соберутся для взаимной помощи, покорить их нетрудно» [Thuk., III, 94, 4—5]. Афиняне, подавляя восстания союзников, как и следовало ожидать, заставляли их срыгать стены [Thuk., I, 101; I, 108; I, 117; I, 114, 50]. Митиленцы, готовясь к войне с афинянами, проводили принудительный сивойкизм полисов на Лесбосе [Thuk., III, 2—3] и наоборот, чтобы держать мантинейцев в повиновении, спартанцы заставили их разрушить город и расселиться по деревням [Xen., Hell., 102]. Таким образом, трудно предполагать, что концентрация нижнебугских греков в Ольвии, сооружение крепостных стен было бы в условиях протектората в интересах скифов. Ну и, наконец, ожидать, что скифы могли урбанизировать Ольвию — скифы, понятия не имевшие о градостроительстве, государственной структуре, архитектуре, о строительной технике, вряд ли приходится.

В свете сказанного более реально искать причины коллапса ольвийской сельской округи в другом. Наиболее возможной причиной может быть следующая: как это ни парадоксально на первый взгляд, к сокращению хоры привело отсутствие надлежащей ее организации и, следовательно, четкой связи, защиты и др., что явилось результатом стихийности ее создания. Несомненно, что данная имманентно детерминированная тенденция, скорее всего, могла быть и действительно бы-

ла усилена влиянием внешних факторов. Соответствующим «катализатором» могла являться неустойчивая обстановка в Скифии, военная активизация степных племен. Вопрос о неспокойной обстановке в степях достаточно убедительно развит К. К. Марченко⁸⁶.

От стихийности, раздробленности и разбросанности — к сжатию и организованности хоры. Исходя из этого становится логичным и понятным дальнейшее развитие хоры в IV в. до н. э. — ее пространственное развитие, но уже на базе четкой регламентации и целеустремленности. Именно на рубеже V—IV вв. до н. э. с развитием города потенциала приольвийской хоры V в. до н. э. стало нехватать, и полис предпринял меры для ее расширения⁸⁷.

Выше мы попытались наметить наиболее вероятный вариант формирования Ольвийского государства. При этом выяснилось, что практически ни одна из трех «литературных» моделей не может быть полностью применима к конкретным явлениям колонизации Нижнего Побужья. Эти модели характеризуют прежде всего урбанизированные варианты колонизации, в то время как в нашем случае имеет место своеобразный «рустифицированный». Кроме того, следуя как античному авторам, так и основным эпиграфическим памятникам, внимание концентрируется прежде всего на заранее организованной и руководимой части колонизационного процесса. В Нижнем же Побужье не меньшую роль играли явления стихийные, мало контролируемые (мы имеем в виду перманентное аграрное заселение эпойками), казавшиеся, возможно, большинству античных авторов либо мало существенными, либо широко известными и тем самым не заслуживающими внимания.

Особенности греческой колонизации Нижнего Побужья, по-видимому, имели место и в других регионах как Северного (в частности, Боспора), так и Северо-Западного (в частности, Истрии) Причерноморья. Однако вопрос этот требует дальнейшего изучения.

¹ Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. — ИГАИМК, 1934, вып. 104, с. 103; Копейкина Л. В. Итоги

- исследования архаической Ольвии.— ХКААМ, с. 131—142.
- ² Лалин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья.— Киев, 1966.
- ³ Виноградов Ю. Г. О политическом единстве Березани и Ольвии.— ХКААМ, с. 75—84.
- ⁴ Лалин В. В. Греческая колонизация..., с. 35—39; *Островерзов А. С.* Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией в VII—V вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1978.
- ⁵ Марченко К. К. Взаимодействие эллинических и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н.э.— ПГКСЗП, с. 130—138; *Русяева А. С.*, *Скряжнская М. В.* Ольвийский полис и каллииды.— ВДИ, 1979, № 4, с. 25—36; *Отрешко В. М.* Каллииды, алазоны и поселения Нижнего Побужья.— СА, 1981, № 1, с. 27—40.
- ⁶ Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н.э.— М., 1982, с. 241—246.
- ⁷ *Vallet G., Villard F.* Mégara Hyblaea, IX: Les problèmes de l'Agora et de la cité archaïque.— *Mélanges d'archéologie et d'histoire*, 1969, t. 81, p. 7—35.
- ⁸ *Der kleine Pauly*.— Stuttgart, 1975.— Bd 5, 458 S.
- ⁹ *Книпович Т. Н.* К вопросу ..., с. 103.
- ¹⁰ *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России.— Спб., 1914, табл. 1, 1.
- ¹¹ *Копейкина Л. В.* Итоги ..., с. 138.
- ¹² *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С.* Найдавніші житла Ольвії.— *Археологія*, 1978, 28, с. 3—25.
- ¹³ Там же, с. 3—25.
- ¹⁴ *Копейкина Л. В.* Итоги ..., с. 132.
- ¹⁵ *Яйленко В. П.* АГ-1, с. 148.
- ¹⁶ *Горбунова К. С.* Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса.— В кн.: *Ольвия: Теменос и агора*. М.; Л., 1964, с. 187.
- ¹⁷ Там же, с. 175—187.
- ¹⁸ *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса.— В кн.: *Ольвия. Теменос и агора*. М.; Л., 1964, с. 164.
- ¹⁹ *Леви Е. И.* Новые посвященные надписи Аполлону Дельфиню из раскопок Ольвии.— ИСАМ, с. 96—100.
- ²⁰ Там же, с. 96—100.
- ²¹ *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса, с. 163.
- ²² *Карасев А. Н.* Монументальные памятники ольвийского теменоса.— В кн.: *Ольвия. Теменос и агора*. М.; Л., 1964, с. 33, рис. 4.
- ²³ *Леви Е. И.* Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры (1951—1960 гг.).— Там же, с. 14; *Леви Е. И.* Архаическая керамика из раскопок ольвийской агоры 1968—1969 гг.— КСИА, 1972, вып. 130, с. 45—52. *Леви Е. И.* Раскопки ольвийской агоры и теменоса (1971—1974 г.).— КСИА, 1978, вып. 156, с. 36—45.
- ²⁴ *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С.* Найдавніші житла ..., с. 3—25.
- ²⁵ *Копейкина Л. В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период, с. 184—196.
- ²⁶ *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С.* Найдавніші житла ..., с. 23.
- ²⁷ *Отрешко В. М.* Западный район Ольвийской периферии в позднеархаическое время.— НОСА-2, с. 94.
- ²⁸ К истории ольвийской сельской округи / *С. Д. Крыжицкий, С. Б. Буйских, А. В. Бураков* и др.— ИААСП, с. 3—7.
- ²⁹ *Копейкина Л. В.* Особенности развития поселения на о-ва Березань в архаический период.— СА, 1981, № 1, с. 192—197.
- ³⁰ *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С.* Найдавніші житла..., с. 3—25.
- ³¹ *Лейпунская А. Н.* О периодизации застройки Верхнего города Ольвии.— АИУ, с. 107.
- ³² К истории ольвийской округи / *С. Д. Крыжицкий, С. Б. Буйских, А. В. Бураков* и др., с. 3—7.
- ³³ *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С.* Найдавніші житла..., с. 19.
- ³⁴ *Русяева Г. С.* Культурные предметы с поселения Бейкуш поблизу о-ва Березань.— *Археологія*, 1974, 2, с. 22.
- ³⁵ *Лалин В. В.* Греческая колонизация..., с. 119.
- ³⁶ *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса, с. 140—143; *Русяева А. С.* Земледельческие культы..., с. 12—14; *Карышковский П. О.* Ольвийские эпонимы.— ВДИ, 1978, № 2, с. 82—88.
- ³⁷ *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо с о-ва Березань.— ВДИ, 1971, № 4, с. 74—100.
- ³⁸ *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье.— В кн.: АГ-1, с. 386.
- ³⁹ *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо..., с. 74—100.
- ⁴⁰ *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья.— Киев, 1982.
- ⁴¹ *Карасев А. Н.* Монументальные памятники ..., с. 33.
- ⁴² *Леви Е. И.* Раскопки ольвийской агоры и теменоса, с. 36—45.
- ⁴³ *Русяева А. С.* О функциональном назначении нового общественного комплекса Ольвии.— АИУ, с. 109—110.
- ⁴⁴ Надписи Ольвии, № 1.
- ⁴⁵ *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Буракова А. В.* и др. К истории Ольвийской сельской округи, с. 3—7.
- ⁴⁶ Там же, с. 3—7.
- ⁴⁷ *Фармаковский Б. В.* Ольвия.— Спб., 1914; *Уваров А. С.* Исследования о древностях юга России.— Спб., 1851; *Лагышев В. В.* Исследование об истории и государственном строе г. Ольвии.— Спб., 1887.
- ⁴⁸ *Леви Е. И.* Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии.— СА, 1941, № 7, с. 308—317.
- ⁴⁹ *Книпович Т. Н.* К вопросу..., с. 103; *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье.— М.; Л., 1953, с. 263.
- ⁵⁰ *Болтенко М. Ф.* До питання про час виникнення та назву давньої йонійської оселі над Бористеном.— ВОРК, 1930, ч. 4/5, с. 36.
- ⁵¹ *Яйленко В. П.* Архаическая Греция.— АГ-1, с. 138.
- ⁵² ОАК за 1908 г., с. 87.

- ⁶³ Лапин В. В. Греческая колонизация..., с. 147.
- ⁶⁴ Копейкина Л. В. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса.— ПГКСВП, с. 19; Виноградов Ю. Г. О политическом единстве..., с. 75—83.
- ⁶⁵ Брашинский И. Б., Щеглов А. Н. Некоторые проблемы греческой колонизации.— ПГКСВП, с. 29—46.
- ⁶⁶ Лапин В. В. Греческая колонизация..., с. 147.
- ⁶⁷ Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис на эллинистическом Востоке.— М., 1979, с. 31—36.
- ⁶⁸ Яйленко В. П. Греческая колонизация..., с. 241—246.
- ⁶⁹ Русаева А. С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII—V ст. до н. е.— Археологія, 1979, 30, с. 3—18.
- ⁶⁹ Дурье С. Я. История Греции.— Л., 1940, с. 18.
- ⁶¹ Яйленко В. П. Греческая колонизация..., с. 241—246.
- ⁶² Лапин В. В. Греческая колонизация..., с. 124.
- ⁶³ Копейкина Л. В. Особенности развития..., с. 192—197.
- ⁶⁴ Лапин В. В. Греческая колонизация..., с. 146.
- ⁶⁵ Марченко К. К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья.— ВДИ, 1980, № 1, с. 135.
- ⁶⁶ Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В. и др. К истории Ольвийской сельской округи, с. 3—7.
- ⁶⁷ Там же, с. 3—7.
- ⁶⁸ Яйленко В. П. Греческая колонизация..., с. 241—246.
- ⁶⁹⁻⁷⁰ Хранятся в фондах ИА АН УССР и АМ АН УССР.
- ⁷¹ Thomlinson R. Urban structure.— New York, 1965.
- ⁷² Крыжицкий С. Д., Русаева А. Б. Найдавніші житла..., с. 24.
- ⁷³ Карышковский П. О. Заметки об Ольвии и Борисфене.— ЗОЛО, 1967, № 2, с. 83—88.
- ⁷⁴ Виноградов Ю. Г. О политическом единстве..., с. 81.
- ⁷⁵ Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья, с. 11—15, 59—65, 45—46.
- ⁷⁶ Марченко К. К. Модель греческой колонизации..., с. 139, 141.
- ⁷⁷ Крыжицкий С. Д. Жилые дома..., с. 46.
- ⁷⁸ Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В. и др. К истории Ольвийской сельской округи, с. 5.
- ⁷⁹ Отрешко В. М. Западный район..., с. 94; Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В. и др. К истории Ольвийской сельской округи, с. 7.
- ⁸⁰ Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В. и др. К истории Ольвийской сельской округи, с. 7.
- ⁸¹ Марченко К. К. Модель греческой колонизации..., с. 142—143.
- ⁸² Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического.— Симферополь, 1964.
- ⁸³ Трофимова М. К. Из истории эллинистической экономики.— ВДИ, 1961, № 2, с. 46—68.
- ⁸⁴ Онайко Н. А. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья.— СА, 1962, № 1, с. 66—82.
- ⁸⁵ Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила.— ВДИ, 1961, № 2, с. 107.
- ⁸⁶ Марченко К. К. Модель греческой колонизации..., с. 142.
- ⁸⁷ Отрешко В. М. Из истории Ольвийской хоры, с. 36—37.

С. Б. Буйских

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ПРОСТРАНСТВЕННО-СТРУКТУРНОГО
РАЗВИТИЯ ОЛЬВИЙСКОЙ ХОРЫ
(VI—II вв. до н. э.)

Широкомасштабное планомерное исследование ольвийской хоры, предпринятое в 70—80-х годах, значительно расширило круг наших знаний об Ольвии, одним из крупнейших античных государств Северного Причерноморья, устранило существенный разрыв между материалами города и хоры. Созданная источниковедческая база позволяет на современном этапе перейти к комплексному решению ряда ранее не решенных вопросов истории, экономики, социально-политического устройства, материальной и духовной культуры Ольвии.

К числу таких проблем относится, в частности, и изучение пространственно-структурного развития сельской округи Ольвии на разных этапах ее существования. Данная статья посвящена изучению влияния стратегического фактора на формирование границ хоры, выявлению ее топографических и структурных особенностей, по сравнению с организацией сельскохозяйственных территорий других государств Северного Причерноморья.

Первый этап греческой колонизации Нижнего Побужья обычно связывают с

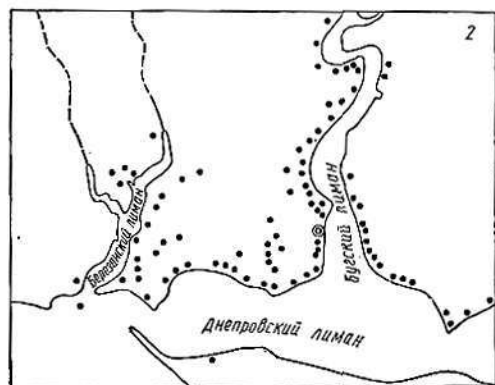
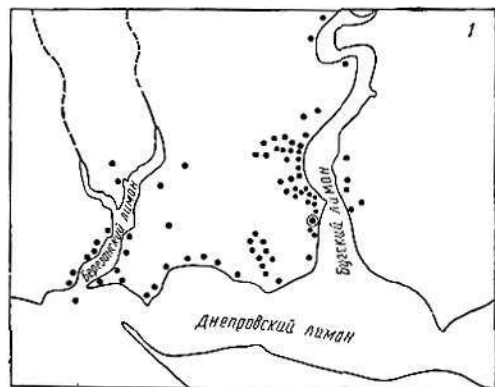

Рис. 1. Пространственное развитие ольвийской хоры VI—II вв. до н. э.:
1 — схема расположения поселений начала VI — второй четверти V в. до н. э.; 2 — схема расположения поселений первой четверти IV — начала II в. до н. э.

появлением ионийского поселения на о-ве Березань, которое во второй половине VII — начале VI в. до н. э. являлось единственным населенным пунктом в этом районе¹.

На протяжении VI в. до н. э. происходил процесс освоения греками прибрежной материковой зоны (рис. 1, 1). Берега Бугского, Днепровского и Березанского лиманов покрывались густой сетью поселений. В начале VI в. до н. э. возникло и ольвийское поселение².

В связи с оттоком населения в Ольвию³ во второй четверти V в. до н. э. жизнь на большинстве поселений Нижнего Побужья прекратилась⁴. Ко второй половине — концу V в. до н. э. население полностью сосредоточилось в Ольвии и на Березани⁵, составившими единый государственный организм — полис⁶.

Для раннеархаического периода гово-

рить о хоре как о составной части государства нет оснований, так как само Ольвийское государство еще находилось в процессе становления, и вопрос о выборе места для столицы полиса еще не был решен. В силу своего географического расположения группа поселений Березанского лимана была тесно связана в экономическом и политическом отношении с Березанью⁷, тогда как памятники правого берега Бугского лимана тяготели к Ольвийскому поселению⁸. Возможно также, что на каком-то этапе доминирующее положение в районе сохраняла за собой Березань⁹.

По-видимому, хора Ольвии как государства сформировалась во второй половине VI в. до н. э.¹⁰ Северная граница хоры проходила на широте современного Николаева (Варваровка)¹¹. Восточные приграничные поселения располагались на левобережье Бугского лимана¹². Наиболее удаленным в южном направлении было Ягорлыцкое поселение в районе Гилеи¹³. По вопросу же западной границы хоры и государства единого мнения нет.

Так, В. Л. Зуц считает, что поселения Бугского и Березанского лиманов входили в состав ольвийской хоры, а более отдаленные западные «тяготели к ней»¹⁴. Л. М. Славин проводит границу хоры на 70—80 км к западу от Ольвии до Тилигула¹⁵. По мнению И. Б. Брашинского, поселения, открытые на берегу Одесского залива, входили в орбиту экономической экспансии Ольвии¹⁶. В. В. Лапин полагал, что на обширной территории от древней Ольвии до современной Одессы размещалось несколько греческих полисов¹⁷.

Нам представляется, что наиболее близка к истине А. С. Русяева, проводящая границу раннеархаической хоры Ольвии по правому берегу Березанского лимана¹⁸. На наш взгляд, это подтверждается следующими фактами. Архаические поселения на Березанском лимане концентрируются в его низовьях¹⁹. Северная граница их распространения проходит по линии: с. Каборга (левый берег) — с. Лиманы (правый берег). К востоку от поселений левого берега, на значительном удалении от них в степь, зафиксирована большая группа памятников, классифицируемая как се-

зояные пастушеские стоянки²⁰. Подобных стоянок в степи к западу от поселений правого берега и на берегах Тузы нет.

Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции ИА АН УССР показали, что поселений архаического времени нет не только на удаленных от Ольвии Хаджибейском и Куяльницком лиманах²¹, но и на ближнем, соседнем с Березанским Тилигульском лимане²². Они появляются лишь в пригородах Одессы²³ и на Днестровском лимане²⁴. Таким образом, имеющийся культурно-территориальный разрыв между Березанским и Днестровским лиманами, вероятно, не может свидетельствовать об искусственном удлинении территории ольвийской хоры до Одессы²⁵ и подтверждает, что западную границу ольвийской хоры VI—V вв. до н. э. следует проводить по Березанскому правобережью.

При рассмотрении месторасположения поселений ольвийской хоры архаического времени отметим следующие особенности. Все они, за исключением степных пастушеских стоянок, размещены по берегам лиманов (рис. 1, 1) или в непосредственной близости от них²⁶; находятся они в труднодоступных местах — на высоких коренных плато, часто на мысах²⁷; имеют естественную защиту — глубокие балки, овраги, перепад рельефа и т. д. Эти природные укрепления наряду с выходами питьевой воды являлись, по-видимому, безусловным правилом топографии архаической хоры²⁸.

Наиболее цельную картину расположения архаических поселений в выгодной связи с окружающим рельефом можно видеть на Березанском лимане (рис. 1, 1), где они образуют определенную систему²⁹. Поселения, как правило, занимают выдвинутые в лиман мысы, с каждого поселения просматриваются остальные, а также о-в Березань.

Следует отметить также, что архаические поселения иногда наплаиваются на поселения эпохи поздней бронзы³⁰, иногда на их месте возникают впоследствии поселения первых веков нашей эры, но в большинстве случаев они расположены выше поселений поздней

бронзы, на обрывистых берегах лиманов или более высоких склонах оврагов.

Наличие искусственных оборонительных укреплений для этого времени не прослеживается ни на одном памятнике³¹. Кроме того, населенные пункты ремесленной, ремесленно-земледельческой и земледельческой направленности³² не носят военно-стратегического характера. Наоборот, структура некоторых из них, заключающаяся в паличии трех-четырёх землянок и десятка хозяйственных ям (Козырка VI, XIII, XVIII)³³ заставляет предполагать, что жители таких хуторков в случае нападения могли полагаться только на собственные силы.

Хозяйственная специализация отдельных районов хоры (Ягорлыцкий — ярко выраженный ремесленный³⁴, Березанский — земледельческо-скотоводческий³⁵, Аджигольский — скотоводческий³⁶) имела под собой производственно-экономическую основу и не учитывала стратегических соображений.

Возможно, лишь на наиболее крупных поселениях могли находиться специальные постройки, которые использовались как убежища для укрытия жителей. Примером такого общественного строения может служить объект, исследованный Нижне-Бутской экспедицией ЛОИА АН СССР на позднеархаическом поселении Старая Богдановка 2 в 14 км к северу от Ольвии³⁷.

Здесь были открыты остатки большой наземной постройки, расположенной на мысу, в юго-восточной части поселения. Постройка (рис. 2, 1) имела правильную прямоугольную форму с длинной стороной 28—30 м. Ширина внешних стен достигала 1,2 м. Они были возведены, очевидно, из сырца, на двух сохранившихся параллельных цоколях, сложенных из поставленных орфостатно небольших плиток известняка. Общая площадь памятника могла составлять более 800 м².

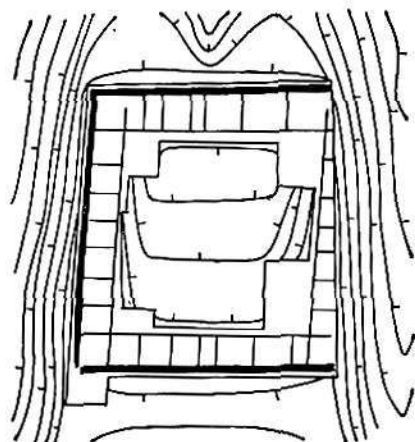
Сооружение разделялось внутри на три функционально различные части. Северо-восточный угол строения (140 м²) был занят блоком небольших прямоугольных помещений, с западной стороны к нему примыкал внутренний двор (около 140 м²), выложенный известняковыми плитками. Остальная

0 10 М

1

0 15 М

2

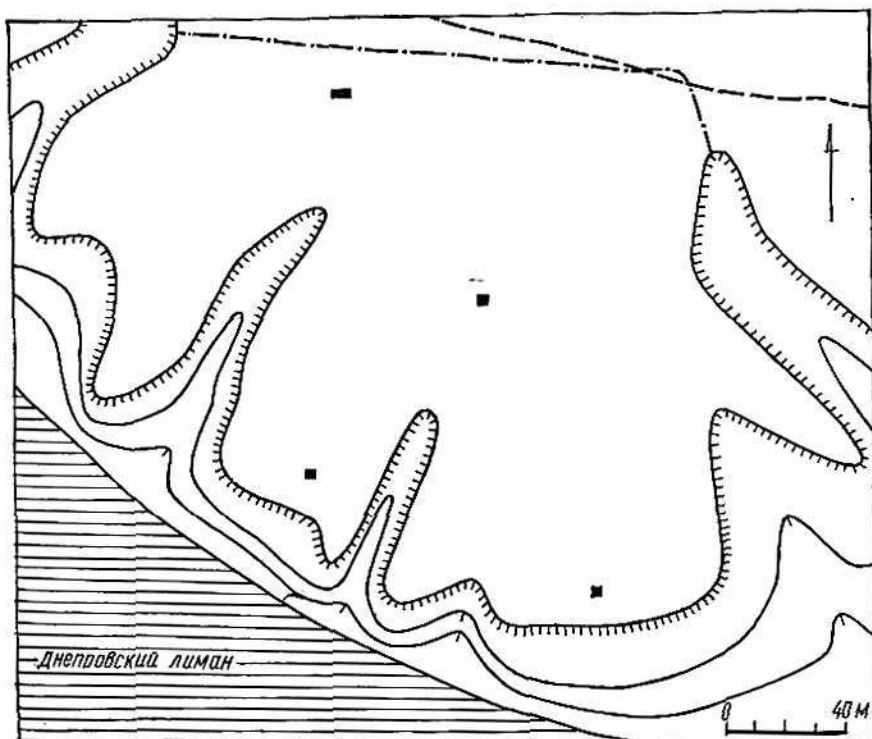

Рис. 2. Некоторые типы сооружений и населенных пунктов ольвийской хоры VI—II вв. до н.э.:

1 — убежище (Старая Богдановка 2); 2 — усадыба (Дедова Хата); 3 — неукрепленное поселение (Софиевка 2).

часть постройки (560 м²) представляла свободное пространство.

Местоположение постройки, ее огромная площадь, необычная мощность обводных стен, строго специфичные особенности планировки, отсутствие следов очагов и хозяйственных ям дали основание авторам раскопок видеть не жилое, а общественное назначение открытого объекта, призванного в момент опасности выполнять роль убежища для обитателей поселения и их скота³⁸.

Таким образом, на раннем этапе истории Ольвии (в течение всего VI — начала V в. до н. э.) учет внешнего фактора проявился лишь в общих принципах топографии и географии поселений. Естественные оборонительные возможности поселений, даже имевших специальные убежища, не носили выраженного стратегического характера. Вероятно, это объясняется тем, что военно-политическая обстановка этого времени в Нижнем Побужье была благоприятной для полиса. И как только сложились необходимые условия для городского строительства³⁹, в первой половине V в. до н. э.⁴⁰ население оставило сельскую округу, сосредоточившись в районе Ольвии и начав интенсивные работы по сооружению городских кварталов, оборонительных и культовых построек, зданий государственного и общественного назначения. Особенно остро необходимость в большом количестве рабочей силы ощущалась при возведении фортификационных сооружений.

Высказывавшиеся в литературе предположение, согласно которому жизнь на поселениях оборвалась в результате миграционного потока скифов⁴¹ или даже установления над Ольвией протектората Скифского царства⁴², археологическими данными пока не подтверждается. Следов разрушений и пожаров, свидетельствовавших бы об их гибели, нет, как нет и следов возможного захвата этих поселений кочевниками. Скорее можно предполагать, что известная активизация военно-политической деятельности скифов на исторической арене Северного Причерноморья после похода Дария в 514 г. до н. э.⁴³ и, как следствие ее, — ухудшение греко-скифских взаимоотношений⁴⁴ лишь ускори-

ли строительство надежно защищенного крепостными стенами военного, политического, экономического и культового центра полиса.

Начало второго этапа в истории хоры⁴⁵ связано с возникновением в первой четверти IV в. до н. э. целого ряда поселков (рис. 1, 2) с развитым каменным домостроительством на местах прежних населенных пунктов либо на новых местах. Поселения эти просуществовали недолго — примерно на рубеже второй и последней трети IV в. до н. э. жизнь на них прекращается⁴⁶. По-видимому, они пострадали и были разрушены в результате похода Зопириона на Ольвию в 331 г. до н. э.⁴⁷

Вскоре поселения отстраиваются. Начинается третий, последний период в истории хоры догетского времени⁴⁸. Территория ее теперь достигает наибольших границ⁴⁹. Появляются поселения в верховьях Березанского лимана⁵⁰, на правом берегу Днепровского лимана⁵¹, возникают поселения и на Кинбурнской косе⁵². Самым северным пунктом хоры, как и в архаическое время, остается Варваровка.

Южную материковую границу хоры и государства в целом⁵³, видимо, можно локализовать на побережье Ягорлыцкого и Джарылгачского заливов. Последние поселения IV — середины III в. до н. э. расположены близ с. Ивановка, Голопристанского р-на (Ивановка V, IX)⁵⁴. За ними по берегу встречаются лишь отдельные окатанные фрагменты амфор. За г. Скадовском и эти находки прекращаются и вновь появляются лишь у с. Александровка, Каланчакского р-на, где открыты два поселения IV—II вв. до н. э.⁵⁵ Этот разрыв, а также то обстоятельство, что на эллинистических поселениях Александровка I, II найдены обломки херсонесских амфор, позволяет предполагать что в районе Джарылгачского залива кончалась сфера ольвийских владений и начиналась дальняя херсонесская периферия. На одной линии с Ивановкой, к северу от нее, на правом берегу Днепровского лимана находились крайние восточные пункты хоры — Софиевка I, II⁵⁶. Возможно, в состав государства входило и Белозерское поселение (Метрополь?), расположенное в месте слива

ния р. Конки с Днестром⁵⁷. Что касается западной границы хоры, то и для эллинистического времени ее установление представляется сложным.

Большинство исследователей считает, что границей ольвийской государственной территории в это время на западе был Березанский лиман⁵⁸. Э. И. Диамант на основе находок ольвийских монет предполагает, что все черноморское побережье, вплоть до Одесского залива, находилось в IV—III вв. до н. э. под влиянием Ольвии, а «граница ольвийского полиса (или реально контролируемой территории) проходила гораздо западнее, чем это принято думать»⁵⁹. Одними из основных опорных пунктов Ольвии на западе Э. И. Диамант называет поселение у Лузановки, близ Куяльницкого лимана, и у с. Кошары на Тилигульском лимане⁶⁰. Считает их входившими в состав Ольвийского государства и В. М. Отрешко⁶¹.

Разведка, проведенная Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции ИА АН УССР на Тилигульском лимане, зафиксировала здесь 12 поселений эллинистического времени⁶², в том числе и Кошарское городище, известное еще с начала XIX ст.⁶³ Однако о безусловной принадлежности этих поселений к ольвийской хоре говорить еще рано. Подъемный материал и материалы шурфов более напоминают синхронные скифские памятники, чем поселения ольвийской хоры на ближнем Березанском лимане⁶⁴.

В результате периодических раскопок Кошарского городища здесь открыты жилые и хозяйственные многокамерные постройки, получен большой керамический и нумизматический материал, свидетельствующий о связях и оживленной торговле с античными центрами, в том числе и с Ольвией⁶⁵. Однако до сих пор еще полно не обследованы остатки оборонительных сооружений городища, некрополь, а главное — не получены надежные эпиграфические данные о том, действительно ли городище являлось древним Одессом⁶⁶.

Возникновение новых поселений и расширение сельскохозяйственной округи Ольвии как жизненно важной и необходимой экономической базы полиса было результатом политической актив-

ности государства в конце V—III вв. до н. э. «Не исключено, — указывает А. С. Русяева, — что ближайшие соседи Ольвии (каллипиды, алазоны и скиф-пахари) начали заниматься земледелием под влиянием Ольвии и, главным образом, для ее потребностей»⁶⁷. В этом аспекте можно предположить, что Ольвия, нуждавшаяся в большом количестве хлеба для собственного потребления, а также для импорта⁶⁸, закрепила территорию в районе Тилигула за оевшими на землю кочевниками, которые могли войти в состав ольвийской хоры на союзнических, договорных началах. Территориально-административным центром этого района хоры, форпостом Ольвии на западе, могло стать Кошарское городище, основанное для обеспечения торговых операций полиса, так как морские суда, направляясь к Ольвии из Средиземноморья, могли бы без захода в Днепро-Бугский лиман получать зерно прямо в устье Тилигула.

Для окончательного решения вопроса необходимо продолжение работ на Кошарском городище и на упоминавшихся выше поселениях. Возможно, они могли принадлежать каллипидам, поскольку Помпоний Мелла сообщает, что Аксак являлся границей между каллипидами и аксаками [Pomp. Mella., De chor., II, 1, 7], а Тилигульский лиман в научной литературе как раз и связывается с древним Аксаком⁶⁹. При такой постановке вопроса мы могли бы предполагать, что западная граница ольвийской хоры в эллинистическое время проходила именно здесь⁷⁰.

В целом же эллинистическая периферия Ольвии не только раздвинула свои границы, но и внутри неё происходит процесс освоения новых площадей. Так, количество новых населенных пунктов на правом берегу Бугского лимана с 20 поселений, существовавших в архаический период, теперь возрастает до 35⁷¹. При восстановлении поселений после похода Зооприона, увеличивается и их площадь⁷². Топография населенных пунктов хоры напоминает размещение архаических поселений — они располагаются преимущественно так, что при отсутствии искусственных укреплений имеют природную защиту в местах, усиливавших их обороноспособность. При-

мером может служить поселение Софиевка II, расположенное на обрывистом плато правого берега Днепровского лимана, окруженном балками (рис. 2, 3).

Однако отличительной чертой этого времени является возникновение на хоре памятников нового типа — больших, отдельно стоящих усадеб⁷³, открытых в последнее время в уроч. Дедова Хата, у сел Козырка, Кателино, Прибутское, Старая Богдановка⁷⁴. Усадьбы разделяются на два основных типа: здания, приближающиеся в плане к квадрату, с одним двором, но периметру которого сгруппировано по одному ряду помещений; прямоугольное в плане сооружение с двумя дворами, разделенными одним помещением⁷⁵.

Наиболее исследована усадьба № 1 в уроч. Дедова Хата⁷⁶. Усадьба расположена на высоком правом берегу Бугского лимана, на плато, с двух сторон окруженном оврагами. Здание усадьбы (рис. 2, 2) в плане имело почти правильную квадратную форму. Площадь здания 1200 м². Все здание было разделено на 12 отсеков⁷⁷, площадь каждого из них от 9 до 12 м². Помещения соединялись между собой попарно, одно из парных помещений имело выход во двор. Внешняя обводная стена усадьбы толщиной 1 м и стены, отделявшие помещения от двора (0,5 м), на всю высоту были выложены из камня. Кладки стен иррегулярные, сложенные по трехслойной системе перевязки из рваного известняка на глиняном растворе. Большой двор площадью 620 м² составлял 52 % общей площади усадьбы⁷⁸. Усадьба имела два входа — с северной и южной стороны. В юго-западной части двора располагался колодец.

Несмотря на ряд особенностей⁷⁹, ольвийская усадьба в целом носит характерные черты северопричерноморских сельских усадеб античного времени, открытых на Гераклеяском полуострове в окрестностях Херсонеса⁸⁰, на земледельческой территории Калос-Лимена⁸¹, на сельской округе Херсонеса в Северо-Западном Крыму⁸², на хоре европейского Босфора⁸³. По размеру и планировочной структуре она наиболее близка усадьбе клера № 25 на Гераклеяском полуострове⁸⁴ и особенно зда-

нию, открытому на поселении Панское I, имевшему идентичную с ней общую площадь 1200 м² и площадь двора 600 м²⁸⁵.

Не отрицая социально-экономических основ существования памятников этого типа на ольвийской хоре⁸⁶, можно предполагать, что причипами их появления были в определенной мере и соображения безопасности. Во-первых, возникают они вскоре после нашествия Зопариона, появление которого с 30-тысячной армией на территории государства застало врасплох жителей неукрепленных поселений, не успевших укрыться за стенами Ольвии. Да она, по-видимому, и не могла вместить большинство населения хоры в этот критический момент, так как количество только горожан составляло в это время более 10 тыс. человек⁸⁷. Укрепленные усадьбы, по-видимому, и возникают как следствие урока, полученного в ходе внезапной войны. Вероятно, Ольвия поощряла частную инициативу землевладельцев по строительству укрепленных усадеб, так как после длительной и трудной осады, стоившей ей невероятного напряжения сил и средств [Магроб., Saturn., I, XI, 33], финансировать мероприятия по укреплению населенных пунктов хоры не могла. Во-вторых, замкнутость планировки усадеб, мощные внешние стены, топографические условия расположения, возможность содержать достаточные запасы зерна и питьевой воды говорят о том, что обитатели усадеб могли удерживать осаду со стороны небольших военных отрядов⁸⁸. В-третьих, расположение усадеб в непосредственной близости от поселений (так, в районе поселения Дедова Хата I открыты три усадьбы⁸⁹, близ поселения Чертоватое II — семь усадеб⁹⁰) и наличие на них большого двора может говорить о том, что усадьбы во время военной угрозы могли служить временным укрытием для жителей этих поселений.

Эти соображения подкрепляются данными по хоре античных государств Причерноморья и Средиземноморья. Эллинистические сельские усадьбы, как правило, укрепленные, были типичны для островной и материковой Греции⁹¹. Степень их укрепленности постоянно

зависела как от внутренних социальных противоречий в полисах⁹², так и в большей степени отражала особенности их внешнеполитических условий⁹³.

Так, в Греции в IV—III вв. до н. э. на хоре строилось большое количество укрепленных усадеб, домов-башен⁹⁴, отдельно стоящих башен [Demosth. Or., XLVII, 56]. Много башен известно на о-ве Тенос, где они служили укрытием от пиратов⁹⁵. Башни, находившиеся на территории Гераклеяского полуострова, служили укреплением для расположенных вблизи сельских усадеб⁹⁶. При этом в округе Херсонеса мощность башен окраинных усадеб особенно возрастала, так как наделы, на которых они стояли, граничили с землями, принадлежавшими таврам⁹⁷.

Все эти сельские сооружения способствовали укреплению обороноспособности государства. Как античные государства Северного Причерноморья, так и отдельные состоятельные землевладельцы не останавливались перед большими работами и связанными с ними расходами для возведения фортификационных сооружений⁹⁸. В этом плане особая роль хоры Боспора и хоры Херсонеса было ограждение используемой территории особыми линиями оборонительных сооружений для защиты от нападений кочевников⁹⁹. Валы, защищавшие обширные территории, с глубокими рвами перед ними известны на Керченском полуострове¹⁰⁰. Страбон, ссылаясь на Исократу, сообщает, что Асандр отгородил таким образом перешеек у Меотиды [Strab., VII, 4, 6]. Это должно было обезопасить от нападений европейскую часть Боспора. Специально укреплен был и обширный сельскохозяйственный район Киммерика в южной части Керченского полуострова¹⁰¹. Земледельческая территория Калос-Лимена, подвластного Херсонесу, со стороны открытых равнинных пространств Тарханкутского полуострова, была защищена искусственным ограждением длиной более 2 км¹⁰².

Большая часть усадеб Гераклеяского полуострова была хорошо укреплена. Западная же его оконечность — Маячный полуостров, где открыты неукрепленные усадьбы¹⁰³, — была надежно защищена с суши оборонительной стеной,

усиленной шестью башнями¹⁰⁴. Традиция ограждения сельскохозяйственной территории полиса характерна и для других районов античного мира, в частности для хоры Метапонта¹⁰⁵.

Для греческих полисов в позднеклассическую и эллинистическую эпохи характерна система, сочетавшая защиту собственно города с обороной сельскохозяйственной территории путем создания системы укреплений по границам хоры и в глубине ее¹⁰⁶.

Структура хоры Ольвии известна не так детально, как, к примеру, организация сельскохозяйственной территории Херсонеса. Возможно, при дальнейших исследованиях будут открыты ныне неизвестные типы памятников, появятся новые научно обоснованные разработки¹⁰⁷, однако на данном этапе можно считать бесспорным факт, что организованных систем обороны, о которых шла речь выше, ольвийская хора в эллинистическое время не знала.

Это, по-видимому, можно объяснить относительно стабильным внешнеполитическим положением Ольвии в последней четверти IV в. до н. э. — первой половине III в. до н. э.¹⁰⁸ Оно резко изменилось во второй четверти — середине III в. до н. э., когда поселения и усадьбы ольвийской хоры погибают от мощного удара варваров, разоривших практически все эллиптические поселения¹⁰⁹, от Днестра до Буга. Сельская округа государства приходит в полное запустение. Слабые признаки жизни прослеживаются лишь на поселениях левого берега Бугского лимана, однако и там она угасает в начале II в. до н. э.¹¹⁰ и возрождение хоры начинается лишь в конце I в. до н. э., уже после ликвидации последствий гетского нашествия¹¹¹.

Таким образом, изучение пространственно-структурного развития ольвийской хоры VI—II вв. до н. э. показывает, что в догетское время фактор стратегической обороны и связанное с ним укрепление территории государства определяющего значения не имели¹¹². На это указывает полное отсутствие специальных фортификационных сооружений и оборонительных рубежей, неравномерное распределение поселений на территории сельской округи, отсутствие общей системы контроля тер-

ритории и секторов, оборона которых была ба закреплена за отдельными укрепленными пунктами.

Тем не менее влияние внешнего фактора в истории хоры проявилось и территориально, и структурно. Неукрепленные поселения архаики, поздней классики и раннего эллинизма размещались главным образом на высоких берегах лиманов, в местах, имевших природную защиту, связанную с особенностями рельефа, и источники питьевой воды¹¹³. Основной ольвийской государственной территорией в догетское время, по-видимому, был полуостров, образуемый Бугским, Буго-Днепровским и Березанским лиманами¹¹⁴. Эти серьезные водные препятствия, относящиеся к классу стратегических барьеров¹¹⁵, могли служить в качестве природных границ полиса¹¹⁶. Четкие естественные границы государства, по-видимому, признавались и соседними племенами¹¹⁷. Что касается территории к востоку, западу и югу от них, то они могли охраняться и использоваться самими ольвиополистами, и находиться под совместным протекторатом Ольвии и окружающих ее племен. Возможно, часть этих территорий могла быть заселена «союзными миксаллинами» декрета в честь Протогена [РЕ, I², 32]. Севернее широты г. Николаева сфера ольвийских владений, по-видимому, не распространялась.

Наиболее ранним (конец VI — начало V вв. до н. э.) типом сооружения, функционально отражавшим внешний фактор топографии хоры, было убежище (рис. 2, 1), имевшее обводные стены и большое свободное пространство. Следующим этапом было появление на хоре (первая треть III в. до н. э.) больших замкнутых усадеб (рис. 2, 2) с ограждавшей и защищавшей их каменной стеной.

Оборона хоры в догетский период подчинялась чисто тактическим задачам — защите жителей и имущества отдельных населенных пунктов. Поселения и усадьбы в рамках обороны государства не могли противостоять ощутимой военной силе. Ведущим типом населенного пункта было неукрепленное поселение (рис. 2, 3).

По-видимому, в VI—II вв. до н. э.

взаимоотношения Ольвии с окружающим варварским миром, вне которых были серьезные военные потрясения 331, 250—240 и 48 гг. до н. э., особенности социально-экономической структуры не требовали от государства проведения крупных оборонительных, в том числе фортификационных мероприятий. В связи с этим главным стратегическим центром полиса в догетское время был город, собственно Ольвия, на укреплении обороноспособности которого и сосредоточивались основные усилия государства¹¹⁸.

¹ Яйленко В. П. Архаическая Греция.— АГ-1, с. 140.

² Русаева А. С. Земледельческие культи Ольвии догетского времени.— Киев, 1979, с. 27.

³ Крижицкий С. Д., Русаева Г. С. Найдавніші житла Ольвії.— Археологія, 1978, 28, с. 24.

⁴ Рубан В. В. О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского периода.— В кн.: 150 лет ОАМ: Тез. докл. конф. Киев, 1975, с. 131.

⁵ К истории ольвийской сельской округи / С. Д. Крижицкий, А. В. Бураков, С. В. Буйских и др.— ИААСП, с. 7.

⁶ Виноградов Ю. Г. О политическом единстве Березани и Ольвии.— ХКААМ, с. 81, 82.

⁷ Отрешко В. М. Позднеархаические поселения Березанского лимана.— ОМАУ, 1, с. 33.

⁸ Рубан В. В. Исследование античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг.— НОСА-2, с. 88.

⁹ Яйленко В. П. Архаическая Греция, с. 149; Марченко К. К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья.— ВДИ, 1980, № 1, с. 133.

¹⁰ Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье.— АГ-1, с. 380.

¹¹ Рубан В. В. Исследование античных памятников..., с. 88; Марченко К. К. Модель..., с. 139; Отрешко В. М. Калляпиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья.— СА, 1981, № 1, с. 34.

¹² Бураков А. В., Буйских С. В. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО 1976 г., М., 1977, с. 274.

¹³ Островерзов А. С. Древнегреческое поселение ремесленников близ устья Днепра.— ОМАУ, 1, с. 30—31.

¹⁴ Зуц В. Л. Территория Ольвийской державы догетского часу. Археологія, 1969, 22, с. 86.

¹⁵ Славин Л. М. Некоторые итоги изучения ольвийской хоры.— ХКААМ, с. 180.

¹⁶ Брашинский И. Б.— Реп. на кн.: Wasowicz A. Olbia pontique et son territoire.— Paris, 1975.— СА, 1977, N 3, с. 300—308.

¹⁷ Данин В. В. Ольвия: Хора.— Археологія УРСР. К., 1971, т. 2, с. 308—309.

- ³⁶ Русаева А. С. Указ. соч., с. 27.
- ¹⁶ Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО 1973 г., М., 1974, с. 253.
- ²⁰ Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б. и др. К истории..., с. 4; Отрешко В. М. Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время.— ПОСА-2, с. 94.
- ²¹ Бураков А. В., Буйских С. Б. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО 1978 г., М., 1979, с. 310.
- ²² Буйских С. Б., Бураков А. В. Отчет о разведках по Тилигульскому лиману в 1977 г.— ПЛ ИА АН УССР, 1977/1, ф. е. № 9093, с. 23.
- ²³ Диамант Э. И. Раскопки поселений античного времени на побережье Одесского залива VI—III вв. до н.э.—150 лет ОАМ: Тез. докл. юбил. конф. Киев, 1975, с. 117—119.
- ²⁴ Озотников С. Б. Поселения VI—V вв. до н.э. в Нижнем Подпестровье.— ИААЮЗУ, Киев, 1980, с. 84—85, рис. 1; Озотников С. Б. Исследования античных поселений в Нижнем Подпестровье.— АО 1977 г., М., 1978, с. 367—368.
- ²⁵ Отрешко В. М. З історії ольвійського поліса в IV—I ст. до н.е.— Археологія, 1982, 41, с. 34.
- ²⁶ Разведки Периферийного и Геофизического отрядов Ольвийской экспедиции / А. В. Бураков, В. М. Отрешко, С. Б. Буйских и др.— АО 1975, М., 1976, с. 311.
- ²⁷ Отрешко В. М. Позднеархаические поселения..., с. 32.
- ²⁸ Буйских С. Б. Стратегический фактор в топографии Ольвийской хоры догетского времени.— АПАИ, с. 78.
- ²⁹ Отрешко В. М. Позднеархаические поселения..., с. 32.
- ³⁰ Бураков А. В., Отрешко В. М., Буйских С. Б. и др. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО 1974 г., М., 1975, с. 283.
- ³¹ Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б. и др. К истории..., с. 8; Отрешко В. М. З історії..., с. 36.
- ³² Рубан В. В. [Рец. на кн.:] Wasowicz A. Olbia pontique et son territoire.— Paris, 1975.— ВДИ, 1977, N 2, с. 151.
- ³³ Рубан В. В. Типы античных памятников правобережья Бугского лимана.— АПАИ, с. 73.
- ³⁴ Островергов А. С. Про чорну металургію на Ягорлицькому поселенні.— Археологія, 1978, 28, с. 35; Буйских С. Б., Островергов А. С. Работы на Ягорлицьком поселении.— АО 1977 г., М., 1978, с. 304.
- ³⁵ Отрешко В. М. Позднеархаические поселения..., с. 33.
- ³⁶ Данные разведки 1975 г., проведенной по Аджигольской балке (Бураков А. В., Отрешко В. М., Буйских С. Б. и др. Разведки Периферийного и Геофизического отрядов..., с. 311), и раскопок 1982 г. (Буйских С. Б. Работы на ольвийской периферии.— АО 1982 г., М., 1984) поселения Аджигол 1 в устье балки позволяют пред- полагать, что в позднеархаическое время Аджигольская балка была одним из районов отгонного скотоводства Ольвийского государства. Десять пунктов, равномерно распределенных по всей длине 45-километровой степной балки и имеющими незначительный культурный слой, по-видимому, служили сезонными пастушескими стоянками, а поселения Аджигол 1 площадью 75 000 м² — базой зимовки скота и, возможно, переработки животного сырья. Об этом свидетельствуют крупные размеры поселения, его местонахождение, а также большое количество найденных здесь костей крупного и мелкого рогатого скота — быка домашнего — 780, овцы и козы — 339. Для сравнения приведем цифры по поселению Чертоватое VII, где на близкой площади найдено соответственно 187 и 50 костей.
- ³⁷ Марченко К. К. Убежище позднеархаического времени в Нижнем Побужье.— АО 1979 г., М., 1980, с. 302.
- ³⁸ Марченко К. К., Доманский Я. В. Античное поселение Старая Богдановка-2.— АСГЭ, 1981, вып. 22, с. 73; Марченко К. К., Доманский Я. В. Древнейшее общественное сооружение в Нижнем Побужье.— КСИА, 1982, № 172, с. 64.
- ³⁹ Крыжицкий С. Д., Русаева Г. С. Найдавніші житла..., с. 24.
- ⁴⁰ Рубан В. В. О периодизация..., 191; Рубан В. В. Исследования античных памятников..., с. 88.
- ⁴¹ Доманский Я. В., Марченко К. К. Некоторые вопросы античной истории Нижнего Побужья.— В кн.: 150 лет ОАМ: Тез. докл. юбил. конф. Киев, 1975, с. 121.
- ⁴² Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье, с. 400; Островергов А. С. Этапы в характер греко-скифских экономических связей в Подпестровье и Побужье.— ИААЮЗУ, с. 34.
- ⁴³ Черненко Е. В. Поход Дария в Скифию.— ДСС, с. 3.
- ⁴⁴ Марченко К. К. Модель..., с. 142—143.
- ⁴⁵ Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б. и др. К истории..., с. 11.
- ⁴⁶ Рубан В. В. О периодизация..., с. 131.
- ⁴⁷ Каришковский П. О. З історії Ольвії в IV в. до н.е.— Праці ОДУ, 1956, т. 146, Сер. іст. наук, вип. 5, с. 167—169.
- ⁴⁸ Рубан В. В. Исследования античных памятников..., с. 88.
- ⁴⁹ Wasowicz A. Olbia pontique et son territoire.— Paris, 1975, p. 87, 103.
- ⁵⁰ Бураков А. В., Буйских С. Б. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО 1976 г., М., 1977, с. 274—275.
- ⁵¹ Там же, с. 274.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Ряд исследователей (например, Отрешко В. М. З історії Ольвійського поліса в IV—I ст. до н.е.— Археологія, 1982, 41, с. 34), считает, что в состав Ольвийского государства входили и острова — Ахиллов Бег (о-в Тендра) и Лэвка (о-в Зменний). Более аргументированным нам представляется другое мнение, согласно которому святилища Ахилла на этих островах могли

- охраняться ольвиопопитами или находиться под их покровительством, контролем, опекой (*Голстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте.—Спб., 1918, с. 38—45; *Ростовцев М. И.* Новая книга о Белом острове и Таврике.—ИАК, 1918, вып. 65, с. 183—185), а сами острова не были составной частью полиса (*Диамант Э. И.* Монетные находки Кошарского поселения: К вопросу о западной границе ольвийского полиса.—В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К., 1978, с. 248).
- ⁵⁴ *Буйский С. Б., Бураков А. В.* Отчет о разведке по побережью причерноморских заливов в 1977 г.—НА ИА АН УССР (1977/2, ф. е. № 9094, с. 16).
- ⁵⁵ Там же, с. 7—8.
- ⁵⁶ Там же, с. 9.
- ⁵⁷ *Шевле М. М.* О местоположении Метрополя.—АПАИ, с. 74.
- ⁵⁸ *Зуц В. Л.* Указ. соч., с. 85—87; *Wasowicz A.* Op. cit., p. 63—64, 81—85, 103—108; *Русяева А. С.* Указ. соч. с. 27; *Крыжицкий С. Д.* Основные итоги работы Ольвийской экспедиции.—КСИА АН СССР, 1979, вып. 159, с. 12, рис. 2, 4, 5.
- ⁵⁹ *Диамант Э. И.* Монетные находки..., с. 249.
- ⁶⁰ Там же, с. 249.
- ⁶¹ *Отрешко В. М.* 3 історії..., с. 34.
- ⁶² *Буйский С. Б., Бураков А. В.* Отчет о разведках по Тилигульскому лиману в 1977 г.—НА ИА АН УССР, 1977/2, ф. е. № 9094, с. 17.
- ⁶³ *Стемпковский И. А.* Исследование о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского между Тирасом и Борисфеном.—Спб., 1826, с. 33, 35.
- ⁶⁴ *Буйский С. Б., Бураков А. В.* Указ. соч., с. 25.
- ⁶⁵ *Славин Л. М.* Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949—1950 рр.—АП, 1955, т. 5, с. 147; *Диамант Э. И.* Раскопки античного поселения у с. Кошары: Материалы XIII конф. IA АН УРСР, К., 1972, с. 222—225; *Диамант Э. И.* Раскопки на некрополе Кошарского городища.—АО 1974 г., М., 1975, с. 274—275; *Сымонович Э. А.* Античный памятник на Тилигульском лимане.—КСОГАМ за 1962 г., с. 145—153; *Сымонович Э. А.* Ольвийские монеты Кошарского городища.—ВДИ, 1969, № 2, с. 105—106.
- ⁶⁶ *Сымонович Э. А.* О древнем Одессе.—ВДИ, 1954, № 4, с. 146—150.
- ⁶⁷ *Русяева А. С.* Указ. соч., с. 29.
- ⁶⁸ *Русяева А. С., Скржинская М. В.* Ольвийский полис и каллипиды.—ВДИ, 1979, № 4, с. 29.
- ⁶⁹ *Гошкевич В. И.* Записка об археологических исследованиях в Херсонской губернии.—Труды МАО, 1909, т. 22, вып. 1, с. 182; *Сымонович Э. А.* Античный памятник..., с. 145; *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977, с. 30.
- ⁷⁰ *Русяева А. С., Скржинская М. В.* Указ. соч., с. 28—29.
- ⁷¹ *Рубан В. В.* Исследование античных памятников..., с. 88.
- ⁷² *Рубан В. В.* Разведка по правобережью Бугского лимана.—АО 1974 г., М., 1975, с. 346.
- ⁷³ *Рубан В. В.* Исследования античных памятников..., с. 88.
- ⁷⁴ *Рубан В. В.* Открытие античных усадеб на территории ольвийской хоры.—В кн.: XIV Междунар. конф. античников соц. стран: Гез. докл., Ереван, 1976, с. 367—368; *Рубан В. В., Рычка В. В.* Исследование античных памятников близ Ольвии.—АО 1976 г., М., 1977, с. 362; *Рубан В. В., Буйский С. Б.* Исследования в уроч. Дедова Хата.—АО 1975 г., М., 1976, с. 386; *Рубан В. В., Отрешко В. М.* Раскопки поселения Чертоватое II.—АО 1975 г., М., 1976, с. 387.
- ⁷⁵ *Рубан В. В., Рычка В. В.* Указ. соч., с. 363.
- ⁷⁶ *Рубан В. В.* Античная усадьба на побережье Бугского лимана.—АО 1973 г., М., 1974, с. 335—336; *Рубан В. В.* Комплекс памятников античного времени в уроч. Дедова Хата на Бугском лимане.—КСИА, 1978, № 156, с. 32—35.
- ⁷⁷ *Рубан В. В.* Комплекс памятников..., с. 34.
- ⁷⁸ *Рубан В. В., Буйский С. Б.* Указ. соч., с. 386.
- ⁷⁹ *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (IV в. до н.э.—IV в. н.э.). Киев, 1982, с. 45.
- ⁸⁰ *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического: К истории древнего земледелия в Крыму.—ХС, 1961, вып. 6, рис. 1, 2, 19—26; *Кругликова И. Т.* Земельные наделы херсонеситов на Гераклеяском полуострове.—КСИА АН СССР, 1981, вып. 168, с. 12, рис. 2.
- ⁸¹ *Щеглов А. Н.* Исследования сельской округи Калос-Лимена.—СА, 1967, № 3, с. 240, рис. 2; с. 249, рис. 9.
- ⁸² *Щеглов А. Н.* Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг.—КСИА, 1965, вып. 103, с. 141, рис. 49; *Щеглов А. Н.* Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху.—КСИА АН СССР, 1970, вып. 124, с. 21, рис. 6; *Щеглов А. Н.* Тарханкутская экспедиция в 1969—1975 гг.—КСИА, 1978, вып. 156, с. 166—167, рис. 1, 2.
- ⁸³ *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора.—М., 1975, с. 56, рис. 19; с. 86, рис. 40.
- ⁸⁴ *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического, с. 204, рис. 63.
- ⁸⁵ *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху.—Л., 1978, с. 80.
- ⁸⁶ *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома..., с. 45; *Отрешко В. М.* 3 історії..., с. 34—46.
- ⁸⁷ *Славин Л. М.* Ольвия как город в VI—I вв. до н.э.—СА, 1953, № 28, с. 295.
- ⁸⁸ Об этом, возможно, говорит и то, что среди находок на усадьбе Дедова Хата 1 было найдено большое количество наконечников стрел (*Рубан В. В.* Античная усадьба на побережье Бугского лимана.—АО 1973 г., М., 1974, с. 336). Поскольку охота в жизни населения Ольвии и ее хоры играла незначительную роль — в слоях V в. до н.э. дикие животные составляют

- всего 2,5 % от общего числа особей, а в IV—II вв. до н.э. не более 5 % (*Журавлев О. П.* Остеологические исследования Ольвии 1972—1979 гг.— АПАИ, с. 84), находки стрел могут свидетельствовать об использовании их не столько для охоты, сколько в военных целях.
- ⁸⁹ *Рубан В. В.* Комплекс памятников..., с. 34.
- ⁹⁰ *Рубан В. В., Рычка В. В.* Исследование античных памятников близ Ольвии, с. 362.
- ⁹¹ *Pestika I.* Homestead Farms in Classical and Hellenistic Hellas.— In: *Problemes de la terre en Grece ancienne*.— Paris, 1973, p. 143—147.
- ⁹² *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья.— Причерноморье в античную эпоху, 1953, вып. 5, с. 125, 163.
- ⁹³ *Кругликова И. Т.* Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове.— КСИА АН СССР, 1981, вып. 163, с. 15; *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым..., с. 120—121.
- ⁹⁴ *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым..., с. 61—62.
- ⁹⁵ *Daresté R., Haussoullier V., Retnach Th.* Recueil des inscriptions juridiques grecques.— Paris, 1891, p. 102.
- ⁹⁶ *Блаватский В. Д.* Земледелие..., с. 121—127.
- ⁹⁷ *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым..., с. 121.
- ⁹⁸ *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья.— Причерноморье в античную эпоху, 1954, вып. 7, с. 105.
- ⁹⁹ *Блаватский В. Д.* Земледелие..., с. 163; *Блаватский В. Д.* Очерки..., с. 100.
- ¹⁰⁰ *Шмидт Р. В.* К исследованию боспорских оборонительных валов.— СА, 1941, № 7, с. 268 сл.; *Гриневич К. Э.* Оборона Боспора Киммерийского на основании археологического материала.— Учен. зап. Том. ун-та, 1947, № 7, с. 58—62; *Сохальский Н. И.* Вали в системе обороны Европейского Боспора.— СА, 1957, № 27, с. 91—106; *Масленников А. А.* Еще раз о боспорских валах.— СА, 1983, № 3, с. 14—22.
- ¹⁰¹ *Зеест И. Б.* Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг.— ВДИ, 1949, № 2, с. 92, рис. 1.
- ¹⁰² *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым..., с. 86.
- ¹⁰³ *Кругликова И. Т.* Земельные наделы..., с. 14.
- ¹⁰⁴ *Блаватский В. Д.* Земледелие..., с. 116; *Щеглов А. Н.* Полис в хора.— Самферополь, 1976, с. 41.
- ¹⁰⁵ *Adamesteau G.* Problèmes de la zone archéologique de Métaponte.— RA, 1967, Fasc. 1, p. 25—27.
- ¹⁰⁶ *Garlan I.* La Défense du territoire à l'époque classique.— In: *Problèmes de la terre en Grece ancienne*. Paris, 1973, p. 149—160.
- ¹⁰⁷ К одной из таких необходимых разработок относятся и вопрос о клерах Ольвии. В настоящее время сделаны первые шаги к постановке этой проблемы (*Отрешко В. М.* О клерах Ольвии.— АПАИ, с. 75—76; *Шишкин К. В.* Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей.— СА, 1982, № 3, с. 235—242). Специального исследования требует и вопрос о самом статусе хоры в системе Ольвийского государства в сравнении с другими античными центрами Северного Причерноморья. Известно, например, что на Боспоре Киммерийском кроме хоры городов существовали общегосударственная сельскохозяйственная округа, храмовые земли и земли частных лиц.
- ¹⁰⁸ *Рубан В. В.* Внешнеполитический фактор в истории населения хоры греческого периферийного полиса (на примере Ольвии догетского времени).— В кн.: АИУ, с. 110.
- ¹⁰⁹ В начале третьей четверти III в. до н.э. вместе с ними прекращают существование гетские поселения правобережья Днестровского лимана и левобережных скифские (*Мелюкова А. Я.* Население Нижнего Подднестровья в IV—III вв. до н.э.— МИА, 1971, № 177, с. 39—54). Обезлюдение буго-днестровского междуречья в это время исследователи связывают с походами кельтских племен (*Рубан В. В.* Из истории приольвийских поселений правобережья Бугского лимана IV—III вв. до н.э.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 80—83), а конкретно в районе Ольвии с галатским нашествием (*К истории... / С. Д. Крыжицкий, А. В. Бураков, С. Б. Буйских и др., с. 12; Отрешко В. М. З історії... с. 43—45).*
- ¹¹⁰ *К истории... / С. Д. Крыжицкий, А. В. Бураков, С. Б. Буйских, с. 12; Рубан В. В. О периодизации..., с. 132.*
- ¹¹¹ *Бураков А. В.* Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры.— Киев, 1976, с. 5.
- ¹¹² *Буйских С. Б.* Оборонительные сооружения Ольвийского государства первых веков нашей эры: Автореф. дис. ... канд. вст. наук.— Киев, 1984, с. 17.
- ¹¹³ *Буйских С. Б.* Стратегический фактор в топографии Ольвийской хоры догетского времени..., с. 78—79.
- ¹¹⁴ *Отрешко В. М.* Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья.— СА, 1981, № 1, с. 40; *Марченко К. К.* Модель..., с. 139.
- ¹¹⁵ *Клаузевиц К.* О войне.— М., 1936, т. 2, с. 123.
- ¹¹⁶ *Зуц Л. В.* Территория Ольвийской державы догетского часу.— Археология, 1968, 22, с. 85—86.
- ¹¹⁷ *Русяева А. С., Скржинская М. В.* Указ. соч., с. 29.
- ¹¹⁸ *Буйских С. Б.* Оборонительные сооружения..., с. 8—9. В вступлении данной статьи не входит решение вопросов, связанных с укреплением города в догетское время, и в частности проблема ранних оборонительных сооружений, упоминаемых Геродотом [Herod., IV, 78—79], что требует отдельного исследования.

**ЖИЛОЙ РАЙОН ОЛЬВИИ К ЮГО-ЗАПАДУ
ОТ АГОРЫ (1972—1977 гг.)**

С трех сторон торгово-административного, общественного и культового центра Ольвии — комплекса агоры и главного теменоса, занимающих доминирующее положение в планировке Верхнего города, расположены жилые районы. Один из них, размещавшийся к юго-западу от агоры и получивший наименование Центрального квартала, исследуется уже с 1956 г.

В результате работ 1956—1971 гг. были раскрыты в плане его восточная половина и центральная часть западной. Площадь квартала — около 3000 м². Раскопки были доведены до уровня эллинистических слоев, получена стратиграфия культурных напластований V в. до н. э.— II в. н. э.¹ Слои архаического и классического времени почти не исследовались. Лишь в трех местах (на территории домов Е-4, Е-11, Е-17) Л. М. Славным исследованы остатки до слоя V—IV вв. до н. э.

Это определило основные задачи работ последующих пяти лет — завершение раскрытия эллинистических слоев по всей площади квартала; исследование более ранних культурных горизонтов в тех местах, где это возможно без разрушения открытых памятников; окончательное уточнение стратиграфия участка.

Исследования показали, что застройка территории будущего Центрального квартала началась не позднее середины VI в. до н. э. — в это время сооружаются главным образом полуземляночные жилища, открытые теперь на значительной части Верхнего города². Позднее здесь строятся сырпovo-каменные жилые дома. Строительство эпохи эллинизма началось со значительных перестроек уже существовавших сооружений и выравнивания дневной поверхности. В результате культурные слои Центрального квартала представляют собой очень сложную картину смены остатков разных эпох от VI в. до н. э. до II в. н. э., многочисленных разрушений и перестроек, в связи с

чем исследование слоев VI—IV вв. до н. э. затруднено.

Самые ранние сооружения выявлены практически на всей исследованной территории в тех местах, где раскопки доведены до материка, в частности под полами подвалов (открыто более 250 м²). Обычно они возведены на древней дневной поверхности или впущены в материк. В результате работ последних лет на площади восточной части Центрального квартала открыто не менее девяти полуземлянок и несколько ям. К сожалению, большинство из этих сооружений дошло до нас в состоянии плохой сохранности, однако и по таким остаткам можно проследить некоторые закономерности их планировки и хронологии.

Полуземлянки обычно в плане круглые (№ 198, 214) или прямоугольные (№ 197, 250, 305, 317), площадью 9—15 м², заглублены в полевку и материк на 0,6—1 м. Внутри часто прослеживаются ямки от столбов, хозяйственные ямы и ниши, очаги, небольшие возвышения. Входы в землянки можно наметить только предположительно. Полы толщиной 1—2 см были глинобитными, иногда на них прослеживаются отпечатки циновки из растительных волокон.

Не все полуземлянки можно точно интерпретировать как жилые, так как отсутствуют очаги, лежанки и др. Возможно, некоторые из этих сооружений несли сугубо хозяйственные функции.

Полуземлянки располагались группами и существовали, скорее всего, синхронно или с небольшой разницей во времени. Три из них в северо-западной части квартала были расположены по одной линии восток—запад, в юго-западной — север—юг. Остальные пока не объединяются в определенную систему, хотя можно заметить, что они расположены попарно или недалеко от упомянутых выше групп (№ 222).

В южной части квартала находится полуземлянка № 198, которая по сво-

ей сохранности значительно выделяется среди остальных — только в юго-восточном углу она нарушена ямой № 211. Ее планировка и конструктивные особенности аналогичны остальным полуземляночным жилищам Центрального квартала, поэтому целесообразно привести ее полное описание.

Она круглая в плане, заглубленная в полевку на 1 м. На этом уровне прослежена древняя дневная поверхность. Пол глинобитный, стены от высоты 60—70 см от уровня пола наклонены внутрь. Наземные части стен не сохранились. В западной части полуземлянки была устроена длинная возвышенная площадка (2,60×0,80×15 м), в юго-западном углу — небольшая «платформа», представляющая собой эллипсоидное в плане возвышение размером 85×55×8 см, вырезанное в материковом грунте. В центральной части ее верхней плоскости — небольшое углубление (65×30×3 см), ограниченное бортами шириной 5—8 см. Каких-либо оснований для трактовки этой площадки как имевшей культовое назначение нет³. По-видимому, она имела сугубо хозяйственное назначение. Непосредственно возле платформы, с ее западной стороны, находится врезанная в стенку ниша (1,47×0,70×0,75 м), заполненная легким золистым грунтом. В южной части полуземлянки располагались три небольшие ямки (диаметр 20—25 и 38 см, глубина 7—10 и 18 см), из которых большая могла служить для установки сосуда, а две другие — для столбов.

Полуземлянка пережила два строительных периода, близких хронологически — здесь прослежены два уровня глинобитного пола, нижний из которых лежал непосредственно на материке.

Описанная полуземлянка представляет собой типичное сооружение середины — второй половины VI в. до н. э. Она была разрушена не позднее начала V в. до н. э. В ее темном мусорно-золистом заполнении, обильно насыщенном керамикой, не встречено вещей ранее середины VI в. до н. э., а наиболее поздними являются фрагменты чернофигурных глубоких киликов начала V в. до н. э.,

роспись которых выполнена в беслой и небрежной манере.

Плохая сохранность остальных полуземлянок на территории Центрального квартала не позволила выявить их полностью, однако при их исследовании удалось проследить особенности этих сооружений.

Так, в полуземлянке № 197 прослежены остатки от пиповки из растительных волокон на глинобитном полу и следы столбов по углам. Ямки от шестов выявлены в северной и центральной частях полуземлянки № 222 и др.

В полуземлянке № 250 выявлен очаг со сводом из поставленных на ложковые стороны сырцовых кирпичей размером 0,50×0,25×0,11 см. Печь была, очевидно, округлой в плане (диаметр сохранившейся части 0,8 м), точные ее размеры не прослеживаются. Под не сохранился, но, судя по нижнему уровню остатков свода, он находился на уровне пола, лежащего на материке. Очевидно, очаг представлял собой глинобитный под, окруженный сырцовыми кирпичами. Рядом с очагом находилась яма для золы.

В западной части полуземлянки № 258 были сделаны углубления для установки сосудов. Аналогичные углубления, вероятно, устраивались и в других помещениях. Все эти детали позволяют полнее представить характер интерьера полуземляночных жилищ второй половины VI в. до н. э.

Заполнение всех полуземлянок имеет сходный характер — это темный золистый мягкий грунт со значительным количеством керамических и других материалов. Хронологические рамки для всех полуземляночных комплексов одни и те же — вторая половина VI — начало V в. до н. э. *In situ* ничего не сохранилось. В начале V в. до н. э. эти сооружения перестали существовать — именно этим временем датируются самые поздние находки в их заполнениях.

Категории находок во всех комплексах сходны — преобладает амфорная керамика (70—80 %), столовая посуда составляет 15—20 % (вместе с чернолаковой), кухонная — 1,5—6 % (в полуземлянке № 197 найдено больше

кухонной керамики, чем в остальных — 6%), лешная посуда — меньше 1%. Часто встречаются дельфинчики (по 20—40 штук), фрагменты мелких бронзовых и железных изделий, кусочки шлака, серы, кости животных (быка, овцы, козы) и рыб (осетровых и карповых).

Среди амфорной керамики четко определяются три основные группы второй половины VI — начала V в. — ионийские амфоры на поддонах, хиосские пухлогорлые типа I, красноглиняные с усеченно-конусовидными ножками. Среди последних представляет интерес фрагмент горла с энглифическим, грубо прочерченным до обжига П (80?) и полосами красной краски, расположенными по вертикали. На амфорах с усеченно-конусовидными ножками изредка встречаются энглифические знаки Ф, А или знаки граффито, не всегда поддающиеся интерпретации. Подобные знаки, скорее всего, выделяющие серии готовых сосудов в мастерских, есть и на других амфорах одновременных групп, в частности хиосских.

Категория толстостенной хозяйственной керамики представлена небольшим количеством фрагментов корчаг и лутериев. Одна из корчаг сделана из красной глины с грубыми примесями. Стенки ее почти вертикальны, чуть вогнуты, дно плоское, с небольшим закруглением стенок сосуда в придонной части. Венчик массивный, в разрезе трапециевидный, верхняя образующая горизонтальна, внешняя скошена, с подсечкой. На верхней плоскости одного из фрагментов венчика — три вдавленных кружка диаметром 0,5 см, расположенных треугольником. Такие корчаги встречаются в позднеархаических слоях греческих поселений.

Лутерии представлены образцами, характерными для VI—V вв. до н. э.; это массивные сосуды с резервуаром округлой формы, со слабо выделенными венчиками, приближающимися в сечении к треугольнику, на широком низком поддоне.

Широко представлена различная столовая посуда, открытые и закрытые формы: килики, чаши, тарелки, рас-

писанные простыми поясками лака, с геометрической, растительной и сюжетной орнаментацией (чернофигурная керамика), различная керамика без орнаментации — красноглиняная, сероглиняная и др.

Среди значительной по объему группы столовой керамики с росписью коричневатым лаком поясками встречаются кольцеобразные сосуды (аски), тонкостенные хиосские кувшинчики с белой облицовкой, красноглиняные тарелки на низком поддоне с округлым краем (в орнаментации применеп и пурпур), столовые клазоменские амфоры с орнаментацией в виде пупальцев кальмара или спрута⁴, амфоры стиля Фикеллюра и др. Вся эта керамика известна во второй половине VI — начале V в. до н. э. и происходит из различных центров ионийского круга.

Чернофигурная керамика представлена значительным количеством фрагментов. Это в основном килики на низких и высоких подставках, чаши, ольпы и лекифы. Фрагменты сосудов часто настолько мелки, что форма их с трудом реконструируется.

Основная масса чернофигурной керамики относится ко второй половине VI — началу V в. до н. э. Некоторые сюжеты находят себе аналогию в ольвийском материале, происходящем из других районов города. Массовой группой чернофигурной керамики являются глубокие килики на низких подставках. На одном из фрагментов киликов изображена сцена состязаний — фигуры бегунов чередуются со стоящими фигурами судей (рис. 1). Изображение выполнено бегло, с применением резных линий и пурпура. Аналогичный килик был найден в одном из углублений в районе теменоса с материалом конца VI — начала V в. до н. э.⁵ Часто встречаются килики с изображением менад, силенов, листьев, веток и гирлянд плюща, пальметт и др.

Широко представлены так называемые килики с глазами, мелкофигурные и с растительным орнаментом (floral cup). К третьей четверти — концу VI в. до н. э. следует отнести большой чернофигурный килик с изображением стоящих попарно лицом друг к другу вои-

Рис. 1. Материалы из заполнения полуземлянок.

нов и судей (?). На щитах воинов — эмблемы в виде необычных для щитов знаков. Под ручками килика — изображение журавлей⁶.

На одном из фрагментов чернофигурного лекифа третьей четверти VI в. до н. э. изображена сцена борьбы воинов, за которой наблюдают стоящие с двух сторон судьи. На плечах сосуда — стоящие фигуры. Рисунок выполнен тщательно и тонко. Примены резные линии, пурпур, белая краска, очерчены циркулем и окрашены пурпуром щиты.

На фрагментах мелкофигурных киликов третьей четверти VI в. до н. э. — изображения двух мужчин, скрестивших мечи; всадника; человека, сидящего на табурете, и др.

Различными типами представлена сероглиняная и серолощенная посуда — тарелки с округлым загнутым краем; фрагменты кувшинов и ойнохой с округлым корпусом, коротким горлом, четко профилированными отогнутыми наружу венчиками, одно- и дуствольными ручками (рис. 2).

Выше отмечалось небольшое количество лепной керамики, которая представлена в основном плоскодонными горшками с коротким горлом, орнаментированными косыми насечками по верхней плоскости венчика, пальцевым валиком и ямками, известными в Ольвии⁷.

В заполнении полуземлянок встречены различные керамические поделки, часть из которых представляет так называемые остраконы — прямоугольные с закругленными углами и круглые, сделанные из стенок чернолаковых и простых столовых сосудов. На одном из таких изделий — граффито с изображением пересекающихся прямых и закругленных линий (возможно, часть граффито составляет греческая буква «капша»).

Обнаруженные при раскрытии полуземлянок фрагменты терракот представляют широко известные фигурки «сидящей богини», покрытые белой и розовой краской, конца VI — начала V в. до н. э.⁸

Кроме перечисленного выше в заполнении полуземлянок встречены монеты-стрелки, костяные и бронзовые

наконечники стрел, бусы и другие мелкие вещи.

Описанные находки не могут играть решающей роли в интерпретации назначения полуземлянок, этнической и социальной принадлежности оставшихся их людей. Отсутствие вещей *in situ* дополнительно усугубляет эти трудности. Заполнение полуземлянок характеризует тот момент истории Ольвии, когда эти жилища уже перестали существовать. Поскольку это произошло, вероятно, тогда, когда определенная часть полуземлянок еще продолжала функционировать (трудно предположить их одновременное уничтожение в течение короткого промежутка времени), находки заполнения все же в какой-то степени характеризуют заселение ранней Ольвии. Во всяком случае, можно говорить о безусловном преобладании греческого этноса и о слабой имущественной дифференциации жителей Ольвии конца VI — начала V в. до н. э.

Остальные полуземляночные жилища на территории Центрального квартала были разрушены, их планировка и конструкции прослеживаются практически только в плане, и то частично.

В начале V в. до н. э. почти все эти сооружения были уничтожены, и на их месте выросли сырцово-каменные постройки, главным образом жилого назначения. Возможно, в это время уже функционировали ограничивающие квартал улицы, хотя они еще не были замощены.

Сооружения начала V в. до н. э., непосредственно сменявшие временные полуземлянки, дошли до нас в фрагментарном состоянии из-за более поздних нарушений. Определенно можно говорить только о двух-трех комплексах, от которых сохранились отдельные стены помещений.

К востоку от полуземлянок № 187, 198 и 214 открыта часть подвального помещения — кладка № 144, которая, судя по стратиграфическим характеристикам, сооружена в V в. до н. э. — уже при постройке дома Е-19 (конец V — начало IV в. до н. э.) подвал был уничтожен. О раннем времени постройки помещения свидетельствует

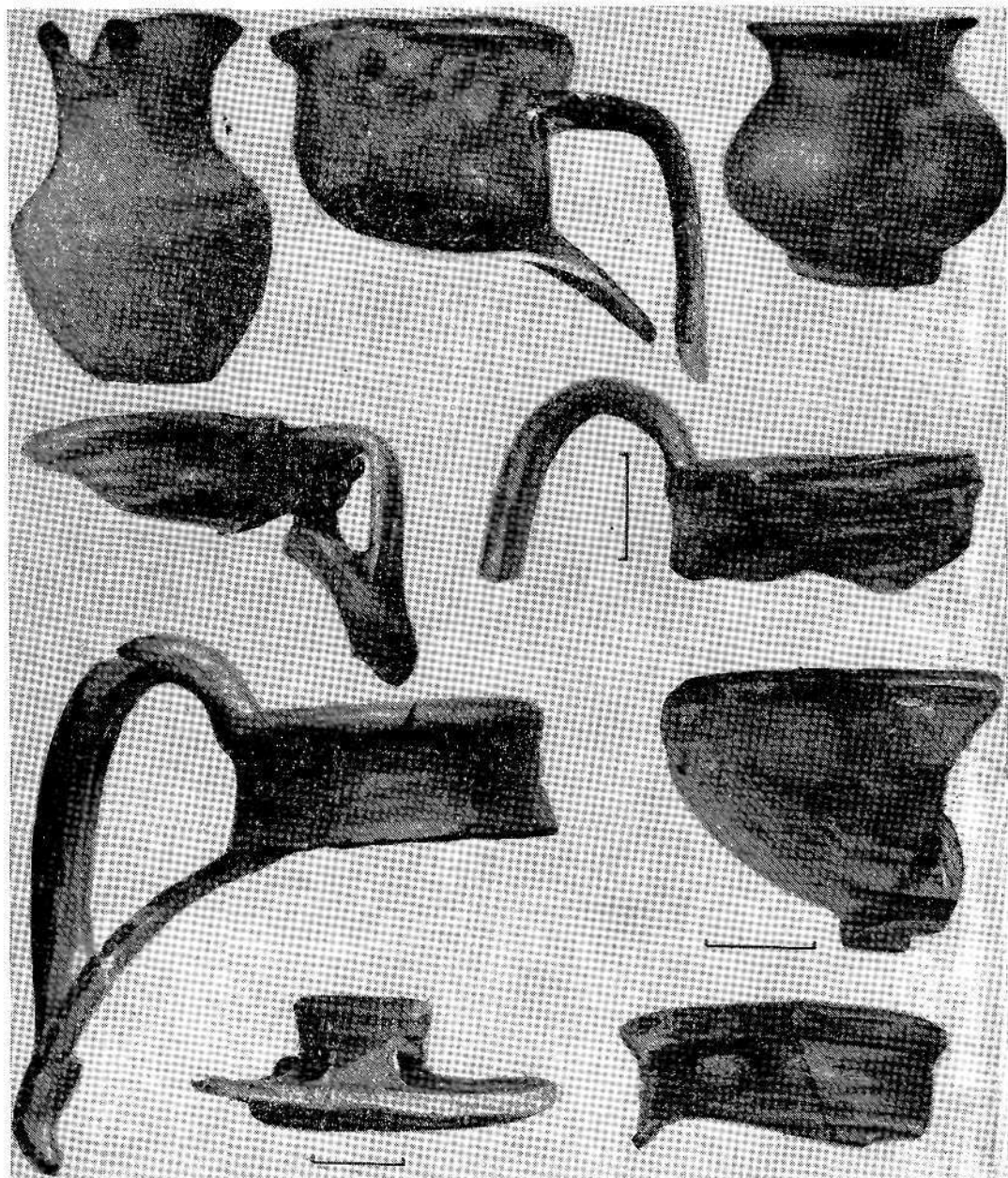

Рис. 2. Материалы из заполнения ям V в. до н.э.

тот факт, что западный конец стены уходит под восточную стену подвала № 33 дома Е-19, а уровень верхнего ряда кладки № 144 находится ниже уровня подошв степ этого подвала на 0,5 м. Это однорядная постелистая однолицевая кладка, от которой сохранилось 8—9 рядов. Сложена из прямоугольных, по фасаду хорошо выкадро-

вапных небольших плит и блоков известняка с неплотной притеской (1—1,5 см). Длина 1,75 м, высота 1,08 м.

К югу от кладки прослежен фрагмент глинобитного пола толщиной 2—3 см, лежащий на материке. На материке лежит и подошва кладки.

Материал около стены невыразителен и незначителен по объему и не

находился *in situ*, поэтому он не может играть решающей роли при определении времени постройки, однако датируется не позднее чем IV в. до н. э. (время заполнения помещения).

С сооружениями не позднее V в. до н. э. связывается и подвальное помещение с сырцовыми стенами № 291. Восточная часть помещения была нарушена и перекрыта слевым основанием № 175 эллинистического жилого дома Е-20, южная — подвалом № 25 этого же дома. Стены заглублены в полевку и материк, сложены впереплет по одпорядной постелистой системе и представляют собой однослойные однолицевые кладки из прямоугольных сырцовых кирпичей кирпичного цвета, швы между которыми заполнены глинистым грунтом. Длина стен 1,15—2,15 м, ширина 0,5—0,55 м, высота 2,7 м. Каменные цоколи отсутствуют.

Наиболее поздний материал заполнения помещения датируется временем не позднее конца V в. до н. э. (чернолаковая керамика со штампованным орнаментом) — следовательно, оно прекратило свое существование не ранее этого времени.

Оба подвала (№ 291 и со стеной № 144) разрушены, очевидно, в связи с перестройками в конце V — начале IV в. до н. э., когда строился дом Е-19.

В северной части квартала тоже существовали в это время дома с подвальными помещениями. От них сохранился фрагмент подвальной одпорядной однолицевой стены № 312, сложенной по направлению восток — запад в смопанной технике — из сырца и небрежно выкадрованных плит и блоков известняка, прямоугольных и полигональных по фасаду, главным образом постелистых, равных по слою, с неплотной притеской (3—5 см). Лицевой фасад — северный, фундаментный ряд не выделен. Верхние ряды сделаны из камней меньшего размера, чем нижние. Длина 2,4 м, высота — 1,15 м, размеры камней по фасаду — 12×14 см, 35×10 см, 45×12 см.

Западная часть кладки № 312 сложена по одпорядной постелистой систе-

ме из прямоугольных по фасаду сырцовых кирпичей размером 30—45×8—10 см. Сырцовая часть стены была покрыта глинистой обмазкой толщиной 1,5—2 см (на каменной части обмазка не прослеживалась).

Одним из широко распространенных в Ольвии типов хозяйственных сооружений были ямы, используемые в различных целях. Нескольких таких ям, устроенных в V в. до н. э., открыто на исследуемой территории. Часть из них продолжала функционировать длительное время, еще и в IV в. до н. э.

Наиболее ранней была яма № 212, неправильной, приближающейся к эллипсу, в плане формы, расширяющейся книзу. Яма заглублена по отношению к полу полуземлянки № 197 на 0,6 м, общая высота ямы от уровня древней полевки 1,4 м. Заполнение состояло из мусорного зольного грунта и содержало кости животных и рыб, угли, фрагменты разнообразной керамики второй половины VI — начала V в. Обращает на себя внимание фрагмент чернофигурной ольпы конца VI в. до н. э. с изображением верблюда.

Яма № 211 была построена в начале V в. до н. э. — она прорезала полуземлянку № 198, уже переставшую существовать в это время. Это грушевидная, округлая в плане яма глубиной 2,65 м от уровня полевки, с земляными стенками без покрытия и материковым дном. Яма была заполнена однородным грунтом с позднеарханчской керамикой. В массовом материале преобладает, как всегда, амфорный. Среди обычной бытовой керамики интересен фрагмент чернофигурного лекифа начала V в. до н. э.⁹, фрагменты различных клинков второй половины VI — начала V в. до н. э. (с медальонами, *floral cup* и др.), фрагменты ионийских сосудов конца VI — начала V в. — кольцевидного сосуда (*аска*), кратера, кувшинчика; интересна относительно редкая терракотовая фигурка сидящей обезьянки, на поверхности которой местами сохранилась белая краска¹⁰. Кроме того, в яме найдены обломки различных металлических изделий, дельфинычки, трехгранные наконечники стрел, крупные стеклянные ребри-

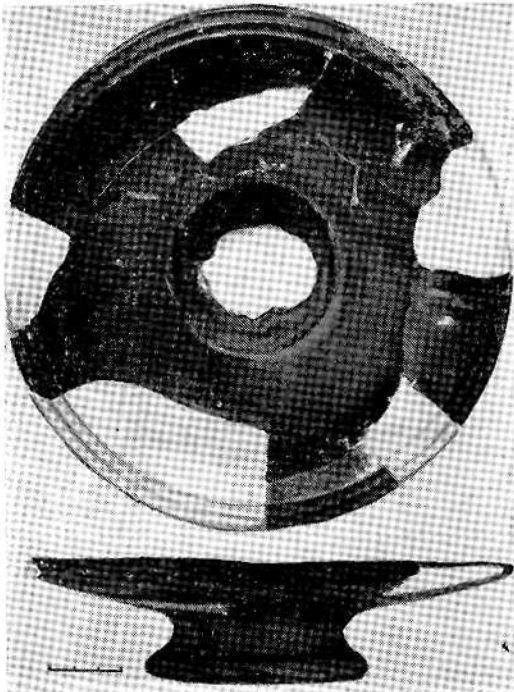

Рис. 3. Рыбное блюдо из ямы № 321.

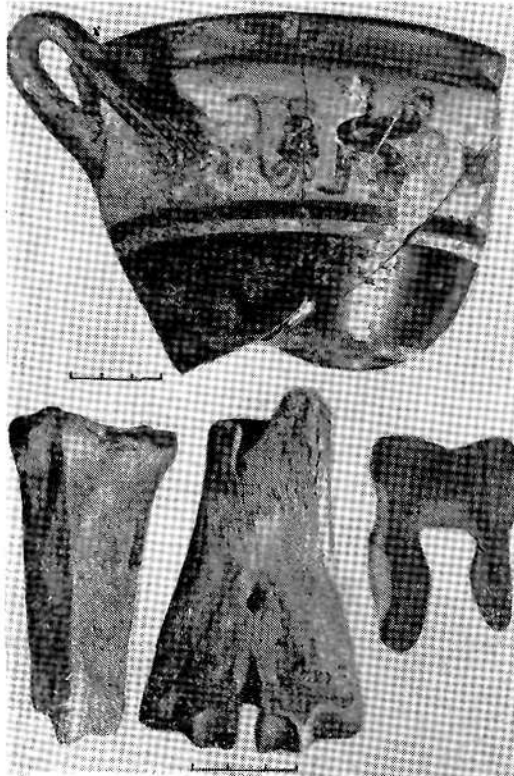

Рис. 4. Материалы из заполнения ям V в. до н. э.

стые бусы, граффиито на чернолаковых и красноглиняных сосудах.

В V в. до н. э. было устроено несколько ям на площади к востоку и югу от описанных № 125, 223, 282, 286, 319 и др. Эти ямы, обычно в плане округлые, грушевидные (№ 125, 223) или сужающиеся книзу (№ 282, 302, 303), были заглублены в культурный слой, полевку и материк. Горловины ям не сохранились — их истинную глубину можно проследить только от уровня полевки — она колеблется от 2 до 3 м. Часть ям (№ 302, 303, 282, 286) имела на стенках обмазку из толстого слоя зеленой глины¹¹. Сходен характер заполнения этих ям — темный зольно-мусорный грунт с фрагментами разнообразной керамики. Следов зерна или других подобных остатков не обнаружено.

В материале ям преобладают амфоры VI—V вв. до н. э. — хиосские пухлогорлые, с усеченно-конусовидными ножками, поддонами. В яме № 125 найдены фрагменты коринфских амфор — широкий отогнутый прямоугольный в сечении венчик, полая усеченно-конусовидная низкая ножка (без базы, с гладкой подпной) и округлая полая база ножки с коротким стволом в виде пояска-перехвата в месте перехода к широкому корпусу. Фрагменты сделаны из характерной светлой коринфской глины с крупными примесями¹².

Широко представлена здесь сероглиняная керамика (иногда лощеная) — кувшины с коротким горлом, аналоги которым есть в материалах некрополя V в. до н. э., миски с округлым загнутым краем, большие миски типа лутериев с петельчатой ручкой, ойнохойи, горшочки, светильники и др. Интересна и красноглиняная керамика — кувшины с красными полосами, чашечки; необычен фрагмент сероглиняного светильника с центральным выступом со сквозными отверстиями. Из другой керамики следует отметить чернофигурную ольну второй половины VI в. до н. э., небольшое количество чернолаковой керамики, килики на высоких ножках V в. до н. э.

Материал остальных ям V в. до н. э. аналогичен описанным (рис. 3—4).

Точная интерпретация назначения этих ям не всегда возможна. Некоторые из них, в частности, имеющие обмазку на стенах, могли быть связаны с зерновым хозяйством или хранением каких-либо других продуктов. Остальные служили каким-то другим хозяйственно-бытовым нуждам населения. Ям, связанных с ремесленным производством, здесь не обнаружено¹³.

В юго-западной части квартала открыты остатки дома E-19 конца V—IV в. до н. э. Полная планировка и границы дома не устанавливаются, так как при постройке в эллинистическое время домов E-4 и E-20 значительная часть сооружений предшествующего времени была разрушена. Открытая раскопками площадь составляет не менее 140 м², на которых выявлено не менее четырех наземных и одно подвальное помещение, расположенные рядами. Судя по двудлицевому характеру кладок северной стены помещения № 98 и восточной подвала № 33, здесь можно предполагать еще по одному помещению к северу и востоку. Площадь отдельных помещений — по 10—15 м².

Кладки цоколей сырцовых стен дома сложены из одинакового, небрежно обработанного, рваного по слою известняка по рядовой постелистой системе. Подолшвы и полы помещений лежат на полевке. Следы перестроек не выявлены. Место двора дома пока не определено. Его можно предполагать в западной части дома, где находится яма IV в. до н. э., или в южной, где открыты еще две ямы, хронологически близкие помещениям дома E-19 (V—IV вв. до н. э.).

Такое расположение двора не противоречит нормам греческого домостроительства — жилые помещения обычно располагались в северной части дома. Кроме того, именно здесь, неподалеку от Южной улицы, возможен и вход в дом. У нас нет определенных данных о наличии уличной вымостки в это время, однако существование здесь «дороги» возможно — открытые с севера и юга от нее строительные остатки не перекрываются вымосткой Южной улицы и, следовательно, существовали, возможно, одновременно с ней. Косвен-

но об этом же может свидетельствовать и характер слоя, на котором лежит нижний горизонт вымостки — это плотный, сбитый сероглинистый грунт, который мог быть длительное время открытой поверхностью дороги.

Однако необходимо заметить, что значительное расстояние этой площади от помещений E-19 заставляет сомневаться в размещении здесь двора и не утверждать это окончательно.

О времени постройки и существования дома говорит стратиграфическое положение его остатков и хронологическая характеристика паходок.

Помещения дома перекрыты сооружения предшествующего времени, где наиболее поздние находки датируются концом V в. до н. э. (яма № 125 и др.).

В конце IV в. до н. э. дом погиб, возможно, в результате пожара — по всей площади и за ее пределами заметны следы воздействия огня, в слое — много золы, углей, часть найденных материалов обожжена. Остатки дома были перекрыты плотной желтой глиной, на которой возведены стены эллинистических домов E-4 и E-20. Таким образом, дом E-19 был построен не раньше середины — конца V в. до н. э. и существовал до третьей четверти — конца IV в. до н. э.

Помещения дома располагались рядами. В южной части находился подвал № 33, к северу и западу от него — наземные помещения.

Некоторые особенности отдельных частей дома дают основания для предположений об их назначении.

Так, открытый раскопками подвал № 33 был, скорее всего, хозяйственным — здесь не прослеживается жилое назначение помещения (нет следов очагов, обмазки или штукатурки стен и др.). На полу подвала была сделана небольшая каменная перегородка, которая могла выделять часть помещения для каких-то хозяйственных целей. Материал заполнения у пола состоял главным образом из хозяйственной керамики.

В заполнении подвала, верхние слои которого образовались, скорее всего, в результате разрушения расположенных над ним помещений, находилось значительное количество фрагментов

амфор. Судя по этому, можно предполагать, что и над подвалом хранились продукты в сосудах.

Время заполнения подвала, вероятно, можно ограничить третьей четвертью IV в. до н. э. — наиболее поздние материалы здесь представлены фасосскими и гераклейскими амфорами, родосские и синопские — отсутствуют.

Помещение к северу от подвала можно интерпретировать как жилое или кухонное — здесь открыта большая печь со сводом, использовавшаяся длительное время, судя по большому количеству золы в слое вокруг нее. Никаких следов производства здесь не выявлено, и, следовательно, считать печь связанной с какой-либо ремесленной деятельностью нет оснований.

Таким образом, в южной части дома, возможно, находились хозяйственные помещения, к северу и западу от них — кухня и жилые комнаты.

Подвал № 33 представлял собой углубленное на 0,7 м ниже уровня древней дневной поверхности помещение с сырцовыми на каменных цоколях стенами площадью около 9,5 м² (3×3,15 м). Стены сложены в одной технике, из одинакового материала, соединены впереплет (за исключением соединения восточной стены с южной и северной). Цоколи выполнены по однорядной постелистой системе, приближающейся к иррегулярной, из небрежно обработанных, рваных по слою, прямоугольных и полигональных по фасаду камней средних размеров (30×18 см); сырцовые части стен — из постелистых кирпичей размером 30×6 см. Подвал подвергся сильной деформации в восточной части — здесь ниже подошвы его стен находилось углубление № 130. Южная часть подвала была отгорожена однорядной однослойной кладкой (по направлению восток — запад).

Пол подвала прослежен в уровне подошвы фундаментного ряда стен в виде желтоглинистой обмазки толщиной 1—1,5 см.

Заполнение подвала состояло из желтоглинистого грунта с керамическим материалом не позднее конца IV в. до н. э. (фасосские, гераклейские, хиосские амфоры).

К северу от подвала № 33 располагается не меньше трех наземных помещений, расположенных по направлению восток — запад. Самое восточное из них, № 124, вытянуто с севера на юг, его размер около 4,6×3,0 м. Кладки помещения (№ 71 и 77) сохранились на один-два ряда, они сложены из того же материала, что и цоколи стен других помещений дома. Глинобитный пол и подошвы стен лежат непосредственно на древней полемке.

Помещение немного (15—20 см) перекрыло яму V в. до н. э. (в северо-восточном углу). Восточная граница помещения не определена, так как оно здесь перекрыто остатками эллинистического дома Е-4.

К западу от помещения № 124 и к северу от подвала № 33 находится помещение № 98, прямоугольное в плане, вытянутое по оси север—юг (4,60×3,75), граничащее с помещениями № 180 и 124 и подвалом № 33. Пол был глинобитным (толщина 2 см), только в северной части выявлено плотное щебеночное покрытие желтого цвета толщиной 8 см. Южнее, в квадрате № 196, был открыт еще один фрагмент вымостки аналогичного устройства, но ясно, был ли он в открытом или закрытом помещении.

Кладки стен помещения сделаны в одной технике, сырцовые части помещались на кампных цоколях, сложенных по однорядной постелистой системе из полигональных и прямоугольных по фасаду плит и блоков желтоватого известняка, небрежно выкадрованных, рваных по слою, с неплотной притеской. Для выравнивания рядов часто применяются мелкие камни. Северная и восточная кладки (№ 87 и 71) — двулицевые, западная — однолицевая. Хотя здесь возможен и другой вариант — от стены сохранился восточный фасад и бутовая часть на небольшом отрезке, можно предположить, что кладка была двулицевой, а западный фасад ее разрушен.

В юго-западной части помещения № 98 была открыта печь, скорее всего хозяйственного назначения, относительно хорошей сохранности. Это было почти квадратное в плане сооружение

с закругленными углами, возвышающееся над глинобитным полом на 0,32 м. Площадь печи 1,10×0,78 м. Под печи скрыт упавшими частями свода из красной глины толщиной 8 см.

Пол помещения имел в древности уклон к востоку. При устройстве печи на многослойном основании это было учтено и поэтому по восточному фасаду было сделано пять слоев из огнеупорных материалов, подстилающих под, а по западному — три. Нижний слой — желтая глина толщиной около 10 см, выше в восточной части были насыпаны слой мелкого бута (8—9 см) и фрагментов керамики, главным образом амфор (5—6 см); затем — слой из мелкой гальки и ракушек (3—6 см). В западной части этот слой лежал непосредственно на желтоглинистой подстилке. Под толщиной 2—3 см находился на слое ракушек и гальки. Снаружи печь была обмазана толстым слоем светлой глины (2—3 см). Кроме того, с южной стороны сохранились два наклоненных к северу сырцовых кирпича (36×37×8 см), представляющих собой остаток свода. В западном — небольшое круглое отверстие (диаметр 7—8 см).

С северной стороны печи, по направлению запад—восток, проходил канал (15×15×53 см), закругленный в плане соответственно форме печи и квадратный в сечении, перекрытый подом и заполненный чистой золой. Печь и канал имеют общую стенку. Выходное отверстие канала обращено на восток, где находилось, скорее всего, и устье печи.

Перед восточным фасадом печи была устроена небольшая прямоугольная в плане яма (прослежена на глубину 0,4 м), ограниченная невысокими глиняными обожженными стенками (направление запад—восток, высота 15—20 см). Углубление было заполнено мягким волистым грунтом, почти без керамики, и служило, очевидно, для сбора золы и углей из печи.

О времени устройства печи можно судить по керамике из огнеупорных слоев под ней — здесь преобладают фрагменты фасосских амфор первой половины IV в. до н. э. и нет более поздних материалов.

Таким образом, печь № 86 — прямоугольная в плане, сводчатая с дополнительным топочным каналом. По своей сохранности она пока уникальна для Ольвии. Наиболее близкую ей аналогию представляет печь из ольвийского святилища V в. до н. э., которая отличается отсутствием капала. В устройстве свода, пода и подстилающих слоев обеих печей прослеживается определенное сходство¹⁴.

При раскрытии помещения был вынут мягкий темный золотистый грунт с большим количеством золы и углей, в котором находились кости домашних животных и разнообразная, преимущественно бытовая, керамика V—IV вв. до н. э. В заполнении помещения заслуживают внимания следующие материалы.

В верхних слоях найден фрагмент горла фасосской амфоры, сильно пережатой, но позднее середины IV в. до н. э.; фрагмент лутерия на широком кольцевом поддоне, несколько дельфинчиков и другие вещи, не выходящие за пределы IV в. до н. э.

Находившийся ниже материал ограничивается теми же хронологическими рамками, причем необходимо отметить значительную по объему группу материалов V в. до н. э. Здесь следует обратить внимание на фрагменты чернофигурной керамики, в частности с изображением пальметт и животного (зайца?), конца VI — начала V в. до н. э. с применением резьбы и белой краски. Рисунок беглый, лак с металлическим оттенком. Есть следы починки. Здесь же найдено несколько светильников открытого типа, фрагменты чернолаковой керамики, на одном из которых граффито в виде сетки, лешные горшки с широким корпусом, орнаментированные по венчику.

Фрагментарность открытых остатков западной части дома не позволяет достоверно восстановить ее планировку и определить границы дома. Можно предположить, что эта часть дома состоит из одного или двух помещений, № 242 и 180. Для их постройки площадь, где раньше находились полуземлянки второй половины VI в. до н. э., была выражена слоем довольно плотной желтоватой глины. Желто-

глинистый слой был перекрыт мягким темным грунтом с примесью золы и фрагментов керамики VI—IV вв. до н. э.

В центральной части этой площади, на расстоянии около 4 м от северного борта раскопа (он совпадает со слоевым основанием дома E-20) прослежена желтоглинистая трамбовка, ориентированная с востока на запад, шириной около 50 см, длиной около 4 м, которую предположительно можно считать основанием для перегородки между помещениями. На полу помещения находился развал печи № 190, а к западу от него — небольшой зольник. Уровень залегания подошвы развала печи № 190 близок к уровню подошвы печи № 86 в наземном помещении № 98, расположенном к востоку. Весь слой заполнения носил следы воздействия огня — в нем присутствует много золы, углей, грунт темного цвета, местами с желтоглинистыми прослойками (толщина 15—20 см).

Развал печи № 190 (125×130) находился на плотном желтоглинистом грунте, без подсыпок, обычных для печей. Состоял из беспорядочно размешанных кусков пода толщиной 6—8 см с добавлением фрагментов амфор V в. до н. э. Печина была обмазана зеленоватой глиной, с одной стороны покрашенной от воздействия огня, с грубыми примесью песка, соломы и др.

К западу от развала печи находилась зольная яма, приближающаяся в плане к прямоугольнику, длиной 0,85 м, с углублением в центре, глубиной около 25 см, заполненная мягкой чистой золой, в которой изредка встречаются кости животных и фрагменты керамики. Материал из развала печи и зольника состоял из фрагментов амфор (хисские пухлогорлые, красноглиняные с усеченно-конусовидной ножкой), кухонной и столовой керамики VI—V вв. до н. э. (биконический черполощенный кувшин, чернолаковые и чернофигурные килики, лекифы).

Кроме этого очажного развала, очевидно, к этому же помещению относятся и углубление, заполненное речным песком и ракушками. Верхний

уровень углубления совпадает с уровнем предполагаемого пола помещения (плотный грунт, на котором находился развал печи № 190). Яма с песком и ракушками имеет размер 100×10×30 см и расположена на расстоянии 1 м от развала печи № 190. К югу от этого же развала, на расстоянии 2,5 м от него, выявлена кучка зеленой глины, частично перемешанной с желтой (10×20×10 см). Такая зеленая глина, песок и ракушки часто применялись ольвиополитами при устройстве очагов и ям.

Таким образом, исследование дома E-19 дает представление о характере жилой застройки квартала в IV в. до н. э. — это многокамерные сырцово-каменные дома с подвалами и наземными частями.

Обращает внимание относительно малое число найденных здесь черепиц — очевидно, основная масса домов имела еще крыши без керамического покрытия.

Судя по отсутствию культурного слоя над полом и кладками стен, восточная часть дома E-19 была возведена на еще не застроенной территории. Это произошло не раньше конца V в. до н. э. — к этому времени относится яма № 125, перекрытая северовосточной частью помещения. Дом перестал существовать с конца IV — начала III в. до н. э., когда его остатки были перекрыты помещениями домов E-20 и E-4.

Одной из особенностей дома E-19 является наличие печей и очагов почти во всех открытых помещениях — большая печь хозяйственного назначения № 86, небольшой фрагмент очага к западу от печи № 190 (№ 131), к югу от которого находился завал фрагментов хисских пухлогорлых амфор VI—V вв. до н. э. При раскопках восточной части дома тоже отмечались остатки очагов или печей¹⁵. Однако точная их интерпретация затруднительна.

Следует заметить, что печи архаического и классического времени являются практически неизученной категорией памятников, поскольку дошли до нас в чрезвычайно разрушенном состоянии — в виде развалов печины,

очажных пятен и др. Остатки печей, в которых можно проследить их устройство, единичны. Однако и среди них можно выделить определенные типы этих сооружений.

Основная масса очагов представляет собой более или менее толстый слой глиняной грубой обмазки толщиной 3—5 см, лежащей просто на полу. Прямо сверху такого пода разводился огонь. Вариантом этого типа являются округлые в плане очаги типа жаровен с небольшим бортиком. Иногда в печине таких очагов прослеживаются ямки, в которые могли устанавливаться опоры для подвешивания сосудов над огнем.

Другой тип представлен печами, под которых сделан из фрагментов керамики и лежит на специальных подсыпках, чаще всего из мелких ракушек¹⁶. Такие же подсыпки применяются и при устройстве глиняного пода. Слой ракушек укрепляется бутовыми или обработанными камнями известняка (дом Е-18, помещение № 138а). Огнеупорные подсыпки делаются из другого материала — чистого речного песка, гравия, бута.

Наконец, третьим типом печей следует считать сводчатые печи — чаще всего прямоугольные в плане с подпорными столбами и без них, со сферическим глинобитным сводом¹⁷. Нижние уровни сводов обычно выполнены из сырцовых кирпичей, с дополнительным топочным каналом (№ 86), стоят на высоких огнеупорных основаниях.

Кроме стационарных в Ольвии встречаются и переносные глиняные купольные печи, напоминающие происходящие из Гермонысы¹⁸.

Печи, открытые в доме Е-19, предназначались для хозяйственных целей (обогрев помещений, приготовление пищи).

Таким образом, исследование площади дома Е-19 и материалов, найденных при этих раскопках, позволяет говорить о том, что это здание принадлежало, скорее всего, ольвиополиту среднего достатка, по своей планировке и другим характеристикам оно аналогично открытым ранее на площади Центрального квартала сооружениям конца классической эпохи.

Раскрытие раскопками северной части квартала показало, что в V—IV вв. до н. э. здесь существовала застройка жилыми сооружениями. Так, на площади эллинистического дома Е-18 выявлены остатки помещения: фрагмент серого глинобитного пола и часть очага — прямоугольное в плане сооружение в виде замощенной бутом площадки размером 59×47 см, сложенной из поставленных ложками прямоугольных и полигональных плехо выкадрованных плит желтого известняка (25×57×20 см, 22×10×50 см). Плиты стоят на слое светло-желтой глинистой трамбовки толщиной около 5 см, которая в свою очередь лежит на слое темного грунта (0,15 м), ниже которого находится полевка. Бутовая площадка перекрыта фрагментами керамики (стенки амфор) и засыпана слоем ракушек толщиной 10—15 см. Под печи и верхняя часть не сохранились. На западном фасаде обкладки печи, ниже уровня трамбовки, прослеживается слой, особенно насыщенный углями, золой, ракушками, мелкими пережженными костями животных.

К западу от очага открыт фрагмент стены предшествующего строительного периода (№ 153) (подопва кладки находится на 15 см ниже уровня пола у очага), от которой сохранились четыре кладки (длина 1,30 м, высота 0,55 м, ширина 0,55 м). Сложена она по однорядной рядовой системе из полигональных в плане и прямоугольных по фасаду небрежно выкадрованных равных по слою и неплотно притесанных плит известняка, которые выходят ложками на южный, лицевой фасад. Фундаментный ряд не выделен, он лежит на культурном слое толщиной 15 см, ниже которого следует полевка. Материал слоев, окружающих и подстилающих очаг № 154 и кладку № 153, охватывает VI—IV вв. до н. э.

При исследовании этих слоев найдены горло пухлогорлой хиосской амфоры (тип Хиос I) с редко встречающимся энглифическим знаком на раздутой части горла, состоящим из двух кружков и овала между ними (анотропей?); килики на низком поддоне второй половины V в. до н. э., фраг-

мент фигурного сосуда — верхняя часть женской головки, волосы и брови которой покрыты черным лаком.

К югу от описанных сооружений открыты остатки дома, стены одного из помещений которого имеют уникальную для Ольвии конструкцию. Здесь выявлены два смежных наземных помещения. От западного (№ 268) сохранилось только четыре горизонта глинобитных полов на небольшой площади (100×75 см). В восточном помещении № 269 прослежен такой же пол размером 5,9×5 м, который по всему периметру был окружен небольшими глубокими ямками (диаметр 15—20 см, глубина 40—50 см). Ямки находились на расстоянии 20—70 см одна от другой, причем в пределах каждой стены можно выявить определенные закономерности в их размещении. По западной стороне их шаг составлял 20—70 см, по южной — 50—80, по северной — 55—75 см. По восточной стороне большая часть ямок была разрушена, поэтому расстояние между ними установить трудно.

В южном конце восточной стены обнаружен отпечаток горизонтально расположенной на полу жерди — нижний горизонтальный прут плетня. Ямки могли служить для установки относительно тонких столбов — основы плетня. Каких-либо следов глинистой обмазки стен не обнаружено.

В центре южной стены прослеживается вход в помещение — здесь выявлен небольшой выступ пола от линии стены, ограниченный с запада и востока двумя небрежно обработанными полигональными плитами известняка, которые могли служить опорами для деревянной обвязки проема. Ширина проема 0,9 м.

Пол представляет собой плотное глинобитное покрытие серого цвета, лежащее на полевке, в его юго-восточном углу прослежено скопление небольших ямок (диаметр 5—7 см), занимающее площадь около 1,8×2 м. Ямки могли предназначаться для укрепления тонких шестов (сущильня?).

В культурном слое над полом помещения прослеживалось большое коли-

чество очажных пятен, следов обожженности, прослоек золы и др. Однако на уровне пола, в центре его площади, обнаружено только одно очажное пятно, тонкое и плохой сохранности.

Найденные в заполнении помещения материалы не дают оснований для его интерпретации. Возможно, это была постройка, одно из помещений которой было перекрыто легким навесом, опирающимся на плетневый каркас (хозяйственный сарай?)¹⁹.

Помещения подобного устройства редки в Северном Причерноморье²⁰. Установка плетней прослеживается иногда на периферийных поселениях, известно упоминание о них и у Витрувия²¹. Однако в Ольвии такое сооружение встречено впервые.

Таким образом, результаты работ последних лет на площади Центрального квартала показывают, что в IV в. до н. э. к юго-западу от ольвийской агоры размещались жилые и хозяйственные постройки различного устройства и назначения — многокамерные сырцово-каменные жилые дома с подвалами, хозяйственные помещения, ямы и др.

О высоком уровне городского благоустройства Ольвии IV в. до н. э. свидетельствует открытая в юго-западной части Центрального квартала гидросистема, состоящая из водостока и прямоугольного в плане водоема (сохранилась его западная стена). Здесь же прослежен еще один водосток, совпадающий по направлению с водостокom описываемой гидросистемы, но относящийся к более позднему строительному периоду.

Водосток сохранился практически полностью (6,3 м), ориентирован запад—восток, проходит ниже вымостки Западной улицы на 30—40 см, перпендикулярно к ней. Вся система имеет уклон к востоку, однако западная часть больше приближается к горизонтали, чем восточная (перепад высот составляет примерно 70 см).

Ложе водостока сделано из плотно уложенных и тщательно притесанных по месту плит известняка. Ширина ложа 15—20 см. Борты сложены из поставленных на ложки полигональных и прямоугольных плит известняка, ме-

стами стоящих в два ряда (по вертикали). Иногда в кладку включена крупная галька. Высота бортов 20—40 см. Сечение канала, заглубленного в грунт до уровня подошвы, местами (середины верхнего ряда) прямоугольное. Сверху водосток был перекрыт такими же плоскими плитами, лежащими постелями (перекрытие сохранилось лишь в центральной части канала).

По северному фасаду водосток лежит на кладке из расположенных ступенчато полигональных постелистых плит известняка. Восточный конец водостока выходит на небольшую, округлую в плане, вымощенную мелкими бутовыми камнями площадку, находящуюся на том же уровне, что и верхняя плоскость западной стены водоема (кладка № 325).

Форма водоема в плане была прямоугольной или квадратной. Сохранившаяся часть стены представляет собой два ряда однослойной одно- или двухрядной кладки. Верхний состоит из большой прямоугольной по фасаду плиты известняка (0,52×0,94 м), нижний (фундаментный?) — из двух прямоугольных по фасаду камней. Камни хорошо обработаны и подтесаны по месту, тщательно выкадрованы. В настоящее время притеска составляет около 0,5 см, но, возможно, она была более плотной — швы между камнями кладки разрушены. На верхней плите сохранились следы известковой обмазки толщиной 0,5—1 см. Кладка лежит на желтоглинистом грунте. Остатки вымостки или обмазки пола не обнаружены.

Заполнение водостока состояло из сероглинистого грунта. Посередине высоты канала проходил слой плотной зеленоватой глины толщиной 3—5 см, который может свидетельствовать об одном из этапов использования водостока. Грунт выше и ниже этой прослойки имел сходный характер.

Гидросистема существовала в доэллинистическое время — подошвы наземных стен дома Е-7, построенного не позднее начала III в. до н. э., находятся выше водостока на 35—40 см. Опа, очевидно, была предназначена для сбора воды в водоем.

Водостоки близки аналогичным устройствам, открытым в других частях Ольвии²², а вся система напоминает устройство подобного сооружения в доме А-3²³.

В настоящее время на площади Центрального квартала открыты три каменных водостока IV в. до н. э. В северо-западном углу квартала (площадь эллинистического дома Е-12) был открыт небольшой фрагмент водостока № 51 аналогичного устройства и направления, но меньших размеров. В этой связи следует заметить, что оба канала (№ 314 и 51) размещены приблизительно на равном расстоянии от Южной и Средней улиц (около 15 м)²⁴.

Третий водосток открыт в северо-восточной части квартала (площадь эллинистического дома Е-11)²⁵, имеет направление север — юг и выходит, вероятно, к Средней улице на расстоянии около 10 м от ее угла.

В расположении водостоков прослеживается определенная система — все они находились на расстоянии около 10—15 м от углов соответствующих улиц, направлены перпендикулярно к ним и ведут в глубь жилых комплексов.

Работы последних лет на одном из центральных участков Верхнего города Ольвии позволяют уточнить некоторые вопросы, связанные с историей и экономикой полиса.

Так, одной из важных проблем является периодизация исторических событий, которая должна была найти свое отражение и в памятниках материальной культуры. В частности, в застройке Центрального квартала выделяются следующие этапы.

Первый этап — середина VI — начало V в. до н. э. Начало застройки квартала, когда массовым типом жилищ ольвиополитов были полуземляночные помещения. Обычно они располагались группами, однако какой-либо закономерности в их размещении на местности, в отличие от участка АГД, пока не прослеживается. Рядом с полуземлянками, очевидно, устраивались хозяйственные ямы (в Центральном квартале их удалось проследить только в двух-трех случаях). Дворы или

хозяйственные участки возле полуземлянок не выявлены.

Второй этап — с начала V в. до н. э. до его конца. Начинается активное сырцово-каменное строительство — строятся дома с наземными и подвальными помещениями. К этому времени относится и большинство ям, часть из которых могла служить для хранения зерна или других продуктов. Сооружения этого периода представлены фрагментарно, так как они подверглись разрушениям при перестройках конца V — начала IV в.

Третий этап — с конца V — начала IV в. до н. э. до третьей четверти IV в. до н. э. В Центральном квартале строятся большие многокамерные дома сложной планировки. Примером таких домов впервые является относительно полно открытый жилой комплекс этого времени (дом E-19). Хотя полностью восстановить планировку E-19 пока невозможно, все же можно говорить о его подобию эллинистическим домам. Жилые сооружения имеют подвальную и наземную части, помещения располагаются рядами, устраиваются дворы, используются хозяйственные ямы. Очевидно, дом E-19 был не единственным²⁶. В это время устраиваются водоводные системы и, вероятно, мостятся ограничивающие квартал улицы.

Несмотря на значительное количество различных сооружений V в. до н. э., к IV в. до н. э. плотность застройки Центрального квартала все еще не достигла своего максимума, о чем свидетельствует тот факт, что многие сооружения этого времени возводились непосредственно на полянке. В других случаях ранние остатки перекрывались плотной желтой глиной и площадь выравнивалась.

Дома IV в. до н. э. просуществовали до конца века, когда по всей территории Центрального квартала происходят перестройки — большинство эллинистических домов строятся в конце IV — на рубеже III в. до н. э. Эти постройки следует связывать с переменами в экономической и социальной жизни Ольвии времени после осады Зопириона и перехода к эллинистическому периоду ее истории. Такая же по-

следовательность в строительстве отмечается и в других районах Ольвии (в частности, на участке АГД).

Важным моментом является установление времени первоначального заселения этой территории и дальнейшего развития ее застройки аналогично участкам Верхнего города, расположенным севернее (АГД) — с середины VI в. до н. э. строятся полуземлянки, затем начинается наземное строительство. Каждый из отмеченных этапов тесно связан с историей Ольвии и изменениями в ее социально-экономической жизни.

Первый этап строительной деятельности на площади Центрального квартала совпадает с периодом становления всех форм полисной и хозяйственной жизни. К концу VI в. до н. э. к востоку от Центрального квартала уже формируются культовый и административно-торговый центры нового полиса — теменос и агора. Постепенно налаживается и экономика города. Создается та база, на которой в V в. до н. э. отмечается резкий подъем во всех сферах деятельности ольвиополитов. Именно в это время сооружаются монументальные здания теменоса, строятся оборонительные стены, совершенствуется благоустройство города.

В последнее время исследователями предлагается следующая схема заселения Ольвии²⁷: в первой половине VI в. до н. э. поселение доходило до района будущего гимнасия. Во второй половине VI в. до н. э. заселяется северная часть Верхнего города (теменос, жилые кварталы к западу от него, торговые постройки к востоку). На северной окраине этого поселения находятся производственные районы и некрополь.

Результаты, подтверждающие это предположение, получены при раскопках Центрального квартала — заселение этой территории началось не ранее середины VI в. до н. э.

На втором этапе жизни Центрального квартала отмечается определенный подъем в строительстве, связанный с общим подъемом экономики Ольвии. Начало V в. до н. э. было в определенном смысле переломным временем для Ольвии, проявившимся в активном

освоении территории города, усиленной социально-экономической деятельности; в строительстве это нашло отражение в сооружении многокамерных домов с развитым планом и хозяйственными комплексами. Большинство ям для хранения продуктов было сооружено не раньше этого времени.

В этой связи необходимо коснуться вопроса о назначении зерновых ям Ольвии. В науке долгое время сохраняется мнение об особо значительной роли Ольвии в торговле северо-причерноморским зерном в VI—V вв. до н. э.²⁸, основанное на том, что в Верхнем городе открыты хозяйственные ямы, связываемые с зерновым хозяйством.

Большинство открытых раскопками ям было сооружено не ранее начала середины V в. до н. э. Наличие в их заполнении материалов VI в. до н. э. еще не говорит об их устройстве в это время, а стратиграфические условия и наиболее поздние предметы из ям свидетельствуют о невозможности датировать их VI в. до н. э. Таким образом, можно говорить о наличии относительно большого числа ям только с начала V в. до н. э.

Что касается назначения этих ям, то не всегда его можно установить достаточно достоверно.

Зерновые ямы должны иметь специальные устройства для хранения зерна — особо обработанные стенки и дно, обложенные камнем или глиной горловины, подготовленные для плотного закрытия крышками²⁹.

В ольвийских ямах эти признаки прослеживаются редко, как и присутствие зерна в заполнении. Следовательно, нельзя все открытые ямы считать зерновыми.

Основой для приводимого выше мнения о зерновых ямах Ольвии явился комплекс ям, открытых в районе агоры. Однако не все они интерпретируются автором раскопок как зернохранилища³⁰. Таким образом, количество ям, предназначенных для этой цели, не так уж велико.

С другой стороны, даже если и считать все открытые ямы хранилищами зерна, то, безусловно, отсюда еще не вытекает назначение этого зерна для

внешней торговли. Даже приближенные расчеты и соображения, произведенные на материалах Березани, приводят к выводу о том, что наследие для своих личных нужд должно иметь значительное количество ям-хранилищ (около 6 ям на 100 м², около 200 ям на поселение в 500 человек)³¹. Для жителей полиса был необходим определенный запас продуктов питания на зимнее время. Торговля Ольвии VI—V вв. до н. э. была, судя по многочисленному импорту, достаточно развитой, однако роль зерновой торговли в это время не следует преувеличивать. Пока у нас нет конкретных материалов, по которым можно измерить ее объем и в должной степени оценить ее значение.

Активные перестройки квартала отмечаются в конце V — начале IV в. до н. э.

В Ольвии V в. до н. э. — время значительных перемен укрепления экономики во всех ее отраслях, что приводит к стабильному положению процветающей Ольвии, сохранившемуся вплоть до третьей четверти IV в. до н. э. Растет внутреннее хозяйство города, расширяются и частично изменяются внешние связи — с конца V — начала IV в. новые центры метрополии, в частности Фасос, Менда, Гераклея, начинают торговлю с Ольвией. Это нашло отражение и в истории застройки города — на широкой площади строятся многокамерные дома с подвалами, жилыми и хозяйственными помещениями. Более конкретные причины, связанные с этим этапом строительной деятельности, пока выделить невозможно. Можно только отметить определенный переломный момент в конце V в. до н. э.

Материалы исследования Центрального квартала свидетельствуют о независимости застройки архаического, классического и эллинистического времени. Только в редких случаях в домах III в. до н. э. использовались отдельные детали более ранних домов, планировка же их обычно не связана. Не может ли это свидетельствовать об изменении состава населения этого района Ольвии после осады Зопириона?

Таким образом, с VI по IV в. до н. э. на территории, расположенной к юго-западу от теменоса и агоры, постепенно формировался жилой квартал, в котором жили ольвионолиты, скорее всего, среднего достатка. Производственные и культовые постройки здесь не выявлены. В своей истории он прошел ряд этапов, тесно связанных с историей Ольвии, сохраняя при этом свое жилое назначение.

- ¹ *Славин Л. М.* Західна сторона ольвійської агори.— *Археологія*, 1963, 15, с. 71—94; *Славин Л. М.* Раскопки западной части ольвийской агоры (1956—1960).— В кн.: *Ольвия. Теменос и агора*: М., Л., 1964, с. 189—224; *Славин Л. М.* Ольвійська агора—ВКУ. Сер. історії та права, 1967, вип. 1, с. 26—34; *Славин Л. М.* Ольвийская экспедиция 1965 и 1966 гг.—АИУ, 1967, вып. 1, с. 121—126; *Славин Л. М.* Ольвийская экспедиция 1967 г.—АИУ, 1968, вып. 2, с. 123—125; *Славин Л. М.* Основные результаты Ольвийской экспедиции 1968 г.—АИУ, 1971, вып. 3, с. 163—166; *Славин Л. М.* Роботи Ольвійської експедиції.—АДУ, 1972, вип. 4, с. 164—166; *Славин Л. М.* Открытия Ольвийской экспедиции последних лет (1966—1968).— В кн.: *Материалы XIII конф. Ін-ту археології АН УРСР*. К., 1972; *Славин Л. М.* Кварталы в районе ольвийской агоры (раскопки 1961—1970).— В кн.: *Ольвия*: Киев, 1975; *Лейпунская Н. А.* Раскопки Центрального квартала.— В кн.: 150 лет ОАМ: Тез. докл. юбил. конф. Киев, 1975, с. 121; *Лейпунская Н. А.* Раскопки жилого квартала к юго-западу от ольвийской агоры.—АО 1973 г., М., 1974, с. 301; *Лейпунская Н. А.* Раскопки жилого квартала к юго-западу от ольвийской агоры.—АО 1974 г., М., 1975, с. 124—123.

- ² *Крижицкий С. Д., Русалева А. С.* Найдавніші житла Ольвії.— *Археологія*, 1978, 28, с. 3—26.
- ³ *Козуб Ю. И.* Древнейшее святилище Ольвии.— В кн.: *Ольвия*, Киев, 1975, с. 147.
- ⁴ *Сидорова Н. А.* Архаичская керамика из раскопок Гермонассы.— В кн.: XIV Междунар. конф. античников соц. стран: Тез. докл. Ереван, 1976, с. 397; *Копейкина Л. В.* Развитие чернофигурного стиля в красномерской керамике.— В кн.: *Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху*. Л., 1979, с. 15—16.
- ⁵ *Левин Е. И.* Материалы Ольвийского теменоса.— В кн.: *Ольвия. Теменос и агора*. М., 1964, с. 148.
- ⁶ Опубликован в предстоящем сборнике: *Назарчук В. И.* Чернофигурный клинк из Ольвии.
- ⁷ *Марченко К. К.* Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI—I в. до н. э.—СА, 1972, № 4, с. 49—67.
- ⁸ Терракоты Северного Причерноморья: М.,

1970, ч. I, табл. 27 (САИ, Г-1-11). *Русалева А. С., Лейпунская Н. А.* Группа терракот из Ольвии.— В кн.: *Повые памятники древней и средневековой художественной культуры*. Киев, 1982, с. 58—59.

- ⁹ *Скудниова В. М.* Чернофигурні лекції з архаїчного некрополя Ольвії.— АП, 1958, т. 7, с. 113—130.
- ¹⁰ *Русалева А. С., Лейпунская Н. А.* Группа терракот из Ольвии, с. 63, 64, рис. 3. Подобная фигурка обезьяны V в. до н. э. найдена при раскопках Л. М. Славина на западной стороне агоры. Терракоты Северного Причерноморья: М., 1970, ч. 1, табл. 12, б, с. 30 (САИ, Г-1-11).
- ¹¹ Ямы аналогичного устройства встречены и в других местах Верхнего города Ольвии.— *Брашинский И. В.* Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960—1962 гг.—КСИА, 1965, № 103, с. 95.
- ¹² *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара из Ольвии.— Киев, 1981, с. 54, 55, рис. 7.
- ¹³ *Славин Л. М.* Кварталы в районе ольвийской агоры..., с. 27.
- ¹⁴ *Козуб Ю. И.* Древнейшее святилище Ольвии, с. 139—140. Подобные по конструкции печи открыты на Березани. Сообщение В. В. Лалипа.
- ¹⁵ Л. М. Славин предполагает существование здесь металлообрабатывающей мастерской.— *Славин Л. М.* Кварталы в районе ольвийской агоры..., с. 27.
- ¹⁶ Там же, с. 21.
- ¹⁷ *Брашинский И. В.* Раскопки в районе теменоса Ольвии..., с. 95—96.
- ¹⁸ *Козуб Ю. И.* Передместе Ольвии.— *Археологія*, 1979, 29, с. 14; *Зеест И. Б.* Архаичские слои Гермонассы.— КСИА АН СССР, 1961, № 83, с. 54.
- ¹⁹ В этой связи заслуживает внимания замечание Колумеллы о хранении зерна в сараях — *Solum, De re rustica*, I, 6, 15.
- ²⁰ Смутное упоминание об аналогичном сооружении в Фанагории см.: *Кобылина М. М.* Раскопки центральной части Фанагории с 1969 г. по 1974 г.—НОСА-2, с. 59: «В архаическом слое открыт глиняный пол с отверстиями для деревянных столбов и перегородок».
- ²¹ Vitruv., II, VIII, 20.
- ²² *Карасев А. Н.* К вопросу о водоснабжении Ольвии.— СА, 1941, № 7, с. 129—139.
- ²³ *Крижицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии.— Киев, 1971, с. 36.
- ²⁴ *Лейпунская Н. А.* Отчет о работе на участке юго-запад агоры в 1972 г.— ПА ИА АН УССР; *Лейпунская Н. А.* Раскопки жилого квартала к юго-западу от ольвийской агоры.—АО 1972 г., М., 1973, с. 301.
- ²⁵ *Славин Л. М.* Раскопки западной части ольвийской агоры..., с. 204.
- ²⁶ Аналогичный характер планировки можно предположить для домов V—IV вв. до н. э., открытых позже домов E-17 и E-11.— *Славин Л. М.* Західна сторона..., с. 76; *Славин Л. М.* Раскопки западной части ольвийской агоры..., с. 403.
- ²⁷ *Копейкина Л. В.* Некоторые итоги исследования архаической Ольвии.— ХГААМ, с. 140.

²⁸ Славин Л. М. Первобытная история развития Ольвии... — ПИСПАЭ, с. 93.

²⁹ Блаватский В. Д. Античная полевая археология. — М., 1967, с. 34; Зеест И. Б. Земляные хранилища Пантикаея. — КСИИМК, 1948, № 23, с. 8; Штигельман Ф. М. Поселения античного периода

на побережье Бугского лимана. — МИА, 1956, № 50, с. 267.

³⁰ Леви Е. И. Ольвийская агора. — МИА, 1956, № 50, с. 42, 52.

³¹ Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья: Киев, 1966, с. 123, 124.

А. С. Русяева, С. Н. Мазаруги

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ У ШИРОКОЙ БАЛКИ БЛИЗ ОЛЬВИИ

Первые археологические раскопки на поселении Широкая Балка, к югу от Ольвии, были проведены в 1949 г. Б. М. Рабичкиным¹. В результате этих работ были открыты в прибрежной части хозяйственно-жилого комплекса VI—V вв. до н. э., состоящие в основном из помещений полуземляночного типа. Характер застройки, не присущий грекам, позволил автору считать, что данное поселение заселяли каллипиды². Данные об этих раскопках были опубликованы также Л. М. Славиным, который подтверждал, что общий характер памятников свидетельствует о достаточно выраженном скифском составе основной части здешнего населения³.

В 1950 г. исследования на поселении Широкая Балка были продолжены И. Д. Ратнером, однако они не опубликованы⁴. Им были открыты остатки, очевидно, большой усадьбы, состоящей из каменного дома и двора IV—III вв. до н. э., где прослеживаются два строительных периода. В дальнейшем археологические раскопки этого поселения не проводились, а само поселение Широкая Балка стало своеобразным эталонным памятником каллипидов во многих исследованиях, касающихся в той или иной мере местного населения Нижнего Побужья⁵.

В 1980 г. были проведены новые археологические работы на данном поселении, позволившие внести некоторые коррективы.

Основная задача этих работ заключалась в разведочном обследовании памятника — в изучении центральной и периферийной частей поселения, выявлении хозяйственно-жилых комплексов, выяснении стратиграфии и хроно-

логии. Значительное внимание уделялось также определению границ и размеров этого поселения в архаический период.

Поселение расположено в 2,5 км к югу от Северных ворот Ольвии, своей северной стороной непосредственно примыкает к Широкой Балке. Длинной полосой поселению тянется вдоль лимана, в центральной части заходит далеко в степь. Его площадь приблизительно 18—20 га, оно разрушено песчаными карьерами, оврагами, лесопосадками, а также в результате абразивных процессов. Западная и северная части поселения полностью распаханы плугажным плугом под лесопосадку и посевами.

В целях лучшей ориентации и в связи с тем, что поселение изрезано оврагами, было решено отдельные части его территории, расположенные между оврагами, именовать плато. Нумерация отдельных объектов, открытых на поселении, дается отдельно по каждому плато. Разведочные работы велись на четырех плато А, Б, В, Г.

Плато А находится между масляной рощей, расположенной с северной стороны в прибрежной части, и длинным глубоким оврагом с юга, разрезающим поселение с востока на запад. Оно имеет форму неправильного прямоугольника. Восточная и северо-восточная части плато разрушены карьерами и большой масляной рощей. В средней части по плато в направлении северо-восток — юго-запад пролегает неглубокая с пологими краями древняя балка. Площадь плато густо заросла высокими травами, изрезана военными траншеями, окопами. Между ними имеются не нарушенные

современными вторжениями небольшие площади. С целью выяснения стратиграфических условий залегания культурного слоя на плато А на нарушенных участках было заложено в разных частях четыре шурфа площадью 2×2 м, которые в основном показали отсутствие культурного слоя, за исключением северо-западной части. В отдельных местах в гумусном слое были найдены обломки амфор позднеархаического времени. В одном из шурфов в западной части песчаного карьера обнаружена круглая в плане яма грушевидной формы. Диаметр ямы в верхней части 1,65 м, в нижней — 2 м, глубина ямы 1,4 м. Яма была заполнена однородным плотным сероглинистым слоем, в котором находились мелкий бут, кости животных и обломки амфор второй половины VI в. до н. э. На прирезанной к шурфу со всех сторон площади никаких строительных остатков и культурного слоя обнаружено не было.

И лишь в северо-западной части плато А над древней балкой, пересекающей это плато с севера на юг, было зафиксировано наличие культурного слоя толщиной 0,7—0,8 м. Здесь был разбит небольшой раскоп прямоугольной формы площадью 75 м². На данном раскопе гумусный слой имел толщину 0,3 м, был насыщен мелким бутом и обломками керамики, главным образом амфор VI — первой половины IV в. до н. э. Среди них преобладали хиосские, клазоменские, фасосские, стаканобразные, гераклеийские. Помимо амфор здесь найдены обломки черепицы, красноглиняной, сероглиняной и лепной керамики VI—IV вв. до н. э. Под гумусом залегал сероглинистый слой толщиной 0,7—0,8 м, насыщенный большим количеством известняковых необработанных камней, керамики и костей животных. Как и в гумусном слое, здесь материал смешанный, датируется VI—IV вв. до н. э. Под сероглинистым слоем на большей части данного раскопа находился петрогнутый древний гумус. В южной части раскопа обнаружены полуземлянка № 1 и яма № 2.

Полуземлянка № 1 сохранилась пол-

ностью. В плане она имеет прямоугольную форму со слегка закругленными углами. Длина полуземлянки 3,1 м, ширина 2,6 м, высота материковых стен — 1,2 м (рис. 1). Вне помещения никаких следов от ее строительных конструкций не обнаружено. Стены вертикальные, хорошо вырезанные, без следов обмазки. Местоположение входа не обнаружено. Пол глинобитный, хорошей сохранности. Над полом лежала плотная золистая прослойка (0,01—0,02 м). В полу полуземлянки были вырыты два небольших углубления для хозяйственных целей. На расстоянии 0,4 м от южной стены и 1,2 м от восточной находилась ямка, круглая в плане, глубиной 0,2 м, диаметром 0,4 м. В ней были обнаружены обломки кухонного горшка. В 0,4 м к северу от этой ямки находилась вторая такой же формы глубиной 0,2 м, диаметром 0,15 м. В ней был обнаружен ладьевидный лепной светильник и обломки чернофигурного скифоса последней четверти VI в. до н. э. В западной части полуземлянки на полу *in situ* лежала нижняя часть раздавленной пухлогорлой хиосской амфоры этого же времени. На полу следов очага не обнаружено.

Полуземлянка была заполнена рыхлым однородным сероглинистым слоем, в котором находились обломки амфор, сероглиняной и чернофигурной керамики последней четверти VI в. до н. э. Помимо этого здесь найдены фрагмент венчика восточногреческого килика, три остракона, один из которых изготовлен из стенки клазоменской амфоры, дельфинчик, обломок железного ножа.

Таким образом, датировка самых поздних вещей среди материала, найденного в углублениях пола и в заполнении полуземлянки, не выходит за пределы последней четверти VI в. до н. э. Можно предполагать, что данная полуземлянка прекратила свое существование не ранее последней четверти и не позднее конца VI в. до н. э.

На данном раскопе никаких строительных остатков, одновременных полуземлянке, не было. С западной стороны к ней примыкала небольшая

Рис. 1. Плато А. Полуземлячка № 1.

круглая в плане яма, слегка прорезавшая западную стену помещения. Диаметр ямы в верхней части 1,15 м, в нижней — 1,25 м, глубина ямы 0,45 м. Яма была заполнена рыхлым однородным зольно-глинистым слоем, в котором находились крупные обломки амфор Менде и Гераклеи V—VI вв. до н. э. Вполне вероятно, что дальнейшее расширение раскопа может помочь выяснению планировки, характера и назначения всего хозяйственно-жилого комплекса, располагавшегося здесь на протяжении длительного периода.

Небольшие зачистки и раскопки проводились также в юго-западной части этого плато в начале большого оврага, разделяющего плато А и Б, в обрывах которого прослеживался культурный слой. С целью его исследования здесь был заложен небольшой раскоп площадью 37 м².

В западной части раскопа под гумусом на глубине 0,35 м от уровня современной поверхности выявлена группа камней, разрозненно лежащих в одном направлении по линии север—юг длиной 4,2 м. Для их исследования была сделана небольшая прирезка 0,5×1,5 м, камни лежали на древней полевке. Размер отдельных камней: 0,51×0,25×0,06 м; 0,30×0,16×0,08 м. Возможно, что здесь находилась клад-

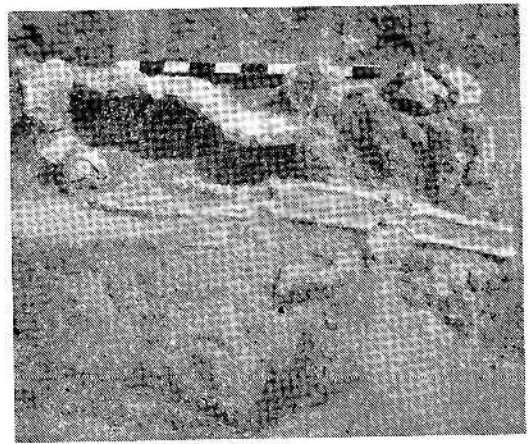

Рис. 2. Погребение № 1.

ка наземного сооружения, которая еще в древности была выбрана. Рядом найдено много обломков амфор, среди которых преобладали хоссские и фасосские V в. до н. э. Здесь также находился обломок ручки хоссской амфоры с белой облицовкой и росписью второй половины VII — первой половины VI в. до н. э., а также мелкие, мало выразительные обломки сероглиняной, серолощеной, лешной и ионийской керамики VI в. до н. э. В сероглинистом слое в юго-западной части этого раскопа открыты два погребения (рис. 2).

Могильная яма первого из них находится в культурном сероглинистом слое, слабо насыщенном обломками керамики VI — начала V в. до н. э., а также костями животных. Поэтому контуры могильной ямы не прослеживаются. Засыпана она таким же грунтом. На глубине 1,2 м от современной дневной поверхности находится каменный заклад могилы. Он сложен из белых ракушечных необработанных камней средней величины. Не исключено, что заклад мог закрывать вход в подбойную яму. К югу от камней, глубже их основания на 0,2 м, лежал скелет взрослого человека. Кости грациальные, надбровные дуги не выражены. Длина скелета 1,53 м (без костей стоп ног, которые оказались разрушенными). Судя по длине скелета и каменному закладу, длина могилы была не менее 1,8 м, ширина — не менее 0,4 м.

Скелет плохой сохранности лежал на спине головой на северо-запад. Руки вытянуты, правая слегка согнута в локте. Фаланги кистей лежат на бедренных костях. Кости стоп срезаны во время шурфовки. Инвентарь не обнаружен. Погребение находилось в слое второй половины VI в. до н. э. Под погребением также находился культурный слой этого же времени. Над ним встречались обломки амфор V—IV вв. до н. э.

Второе погребение находилось на расстоянии 3,2 м к северо-западу от погребения № 1. Оно было разрушено, очевидно, в IV в. до н. э., о чем свидетельствует культурный слой с обломками керамики этого времени, залегающий над ним. Сохранился череп взрослого человека и несколько мелких костей от скелета. Кости и череп лежали на глубине 1,8 м от уровня дневной поверхности в культурном слое. Рядом находилось несколько мелких ракушечных необработанных камней, возможно от заклада. Судя по расположению черепа, скелет лежал на спине головой на северо-запад. Сопровождающий инвентарь отсутствовал. Точную датировку обоих погребений выяснить не удалось. Можно предположить, что поскольку погребение № 2 было нарушено вторжением, судя по самым поздним находкам, в первой половине IV в. до н. э. и находилось в культурном слое второй половины VI в. до н. э., то оно могло появиться в интервале V — первой половины IV в. до н. э. Вполне вероятно, что к этому времени относится и погребение № 1.

Б. М. Рабичкиным во время раскопок поселения также открыты два погребения в разных его частях: одно безыскусное, другое было окружено кромлехом из четырех остродопных амфор и камешных плит. Внутри кромлеха находилось сожжение и погребение. Сопровождающий инвентарь состоял из бронзовой пряжки в виде льва, обломка железного меча, тридцати плоских грузил⁶. Нельзя согласиться с выводами Л. М. Славина, что инвентарь имел скифский характер.

Таким образом, проведенные на плато разведочные работы с целью выяс-

нения наличия культурного слоя, его стратиграфии и хронологии показали, что на этом плато не было сплошной застройки. Отдельные места жизнедеятельности человека были обнаружены в трех пунктах, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. За пределами этих мест культурный слой отсутствовал. В прибрежной восточной части плато, сильно разрушенной карьером, культурный слой относится ко второй половине VI в. до н. э., в северо-западной и юго-западной — к VI—IV вв. до н. э. Визуальные наблюдения на распаханной территории в западной части, наличие подъемного матерала VI—IV вв. до н. э. также указывают на эту датировку. Подъемный материал в северной части поселения, совершенно распаханной плантажным плугом, датируется VI—III вв. до н. э., встречаются также отдельные обломки амфор позднеэллинистического и римского времени, а также остатки виноделия первых веков нашей эры.

Плато Б отделено от плато А, как уже отмечалось, глубоким оврагом с обрывистыми краями, а от плато В неглубоким оврагом с пологими краями. Как и предыдущее плато, оно сильно заросло высокими травами. Поверхность изрезана траншеями, с восточной стороны — карьером, западная распахана под посевы. Северная и южная части плато полого спускаются к оврагам. Здесь наблюдается большой смыл гумусного слоя и выходы глинозема на поверхности. В центральной части этого плато между двумя оврагами были заложены разведочная траншея площадью 50 м² (2,5×20 м) по направлению север—юг глубиной 0,2—0,3 м и четыре шурфа к востоку и северо-востоку от нее. Под дерновым слоем неравномерно залегал гумусный слой толщиной от 0,1 до 0,2 м. В этом слое встречались отдельные сильно заизвесткованные обломки стенок амфор позднеархаического времени. Под гумусным слоем находился материковый слой из красноватой глины. Культурного слоя и строительных остатков здесь не обнаружено.

В незначительной степени культурный слой VI в. до н. э. был прослежен

в прибрежной части путем зачисток обрывочного края, однако здесь произошли сильные разрушения в результате абразивных процессов и устройства в данном месте карьера. На распаханной площади плато в западной части встречаются обломки амфор VI—IV вв. до н. э.

Плато В расположено в прибрежной части между двумя оврагами. Поверхность плато сильно изрезана в центральной и северо-восточной частях небольшими оврагами, военными траншеями, окопами. Слой сильно задернован. Почти вся прибрежная полоса изрезана раскопами 1949 г., с выкопками в западной части. Большой прямоугольной формы раскоп И. Д. Ратнера расположен в северо-западной части плато. С целью исследования стратиграфии и уточнения датировки культурного слоя здесь была заложена разведочная траншея (2,5×5 м) глубиной 0,4—1,8 м по направлению восток—запад. Траншея была прирезана к юго-восточной части южного раскопа 1949 г. В западной части в траншее размером 25×2,5 м непосредственно под современным гумусом толщиной 0,25—0,30 м залегал слой древнего гумуса толщиной 0,20—0,25 м. В том и другом слое встречались разрозненные мелкие камни и обломки амфор VI—IV вв. до н. э. Строительные остатки или искусственные нарушения древнего слоя здесь не обнаружены.

Совсем другая картина прослежена в восточной части траншеи. Здесь гумусный слой толщиной 0,25—0,30 м был насыщен мелкими камнями и обломками амфор VI—IV вв. до н. э. Непосредственно под гумусом находился сравнительно плотный сероглинистый слой толщиной 0,4 м, в котором преобладали обломки гераклейских, фасосских, хиосских амфор V—IV вв. до н. э. Помимо амфорных обломков здесь обнаружены фрагменты сероглиняной, серолощеной, красноглиняной, чернолаковой, восточногреческой керамики VI—V вв. до н. э. Как и в гумусном слое, вся керамика сильно заизвесткована. Под этим слоем находился сероглинистый неоднородный слой (с небольшими вкраплениями желтоглинистого), более плотный, чем предыдущий, тол-

щиной 0,5—0,6 м с обломками керамики VI—V вв. до н. э. В восточной части полосы — на расстоянии 2,3 м от восточного конца траншеи — на глубине 0,9 м открыта небольшая часть уходящей в южный борт щебеночно-черепяной вымостки. Ее размер 0,9×1 м. Вымостка расположена на плотном сероглинистом слое. В слое вымостки найден один датирующий фрагмент венчика хиосской амфоры первой половины V в. до н. э. На одном уровне с вымосткой никаких строительных остатков не сохранилось. Точная датировка ее затруднена, так как вымостка располагалась в смешанном слое V—IV вв. до н. э. По стратиграфическим данным ее можно датировать этим же временем.

Ниже уровня вымостки на глубине 1,4 м от современной поверхности открыта южная часть полуземлячного помещения № 1 вытянутой прямоугольной формы с сильно закругленными углами. Его длина 5,2 м, ширина 1,8 м, высота сохранившихся материковых стен, срезаемых в результате более поздних вторжений, 0,4—0,7 м, восстанавливаемая высота от уровня древнего гумуса 1,1 м. Стены вырезаны небрежно. В юго-восточной части помещения, очевидно, был вход, от которого сохранились частично две вырезанные в материковой глине ступеньки. Размер верхней ступеньки: длина 0,9 м, ширина 0,32 м, высота 0,23 м; нижней — длина 0,7 м, ширина 0,3 м, высота 0,1 м. Пол состоял из материковой красноватого цвета глины, перемежавшейся с гумусом.

Заполнение над полом было сероглинистое, плотное, с небольшим количеством обломков амфор позднерхаического времени. Не имеется данных, указывающих на жилой характер помещения. По всей вероятности, оно служило для каких-то хозяйственных целей.

На расстоянии 2,3 м к западу от этого помещения на том же уровне открыта восточная часть полуземлячного помещения № 2, прослеживаемого по полу и восточной стене, сильно срезанной в результате более поздних вторжений. Помещение № 2, очевидно, было прямоугольной формы, судя по прямой стене. Размер сохранившейся части полуземлянки: 2,5×1 м, высота сохра-

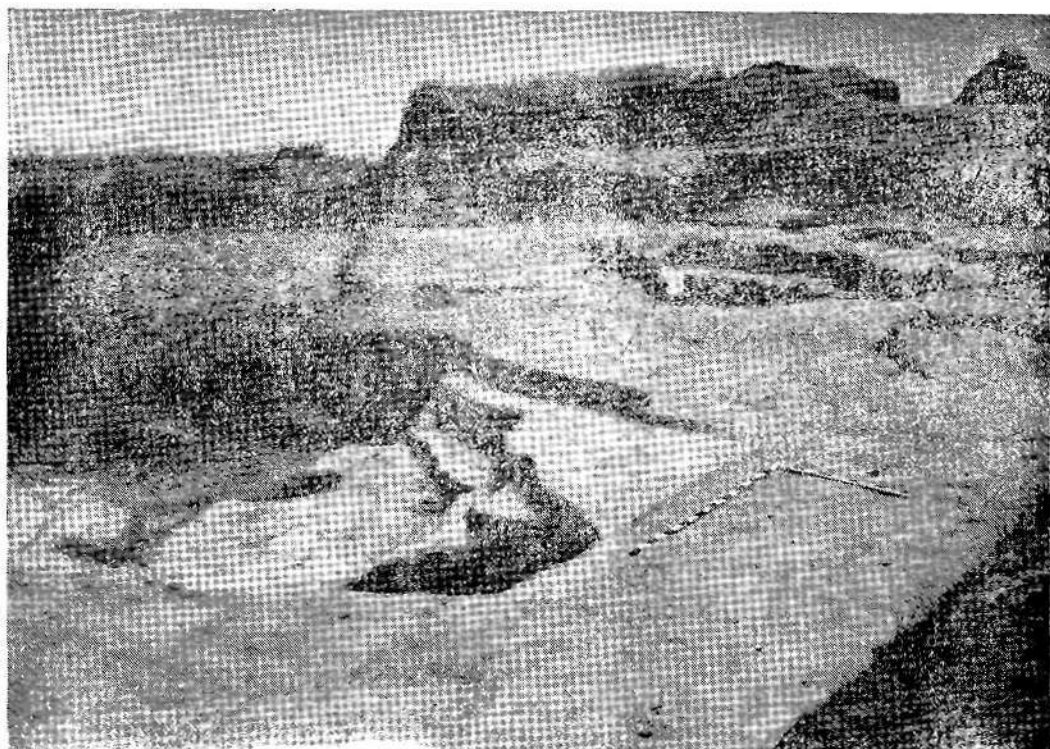

Рис. 3. Плато Г. Полуземлянки № 1—4.

нижней восточной стены 0,12 м, восстанавливаемая высота 1—1,1 м. Пол глинобитный, ровный, расположен на глубине 1,4 м от уровня современной поверхности. В северной части на полу находилась небольшая прямоугольной формы площадка размером: $0,4 \times 0,3 \times 0,2$ м. При зачистке пола было найдено дно небольшой хиосской амфоры второй половины VI в. до н. э., а в сероглиняном плотном заполнении — несколько обломков амфор, среди которых имеются клазоменские и лесбосские, фрагменты сероглиняной, кухонной и лещной посуды.

На этой полосе непосредственно к западу от полуземляночного помещения было частично открыто, судя по остаткам пола, помещение длиной 12,4 м, углубленное в землю на 1,2 м. Сохранилась часть восточной стены высотой 0,4 м. С запада — пологий вход. Пол в помещении толщиной 0,10—1,15 м состоял из плотной утрамбованной красноватого цвета глины с многочисленными темными вкраплениями.

Заполнение в этом помещении было однородным, плотным, сероглинистым,

в котором встречались мелкий бут и керамический материал, в основном обломки клазоменских, хиосских, стаканообразных, лесбосских амфор второй половины VI — первой половины V в. до н. э. Судя по этому материалу, оно прекратило свое существование в первой половине V в. до н. э. Назначение его выяснить трудно. Возможно, это было какое-то хозяйственное помещение больших размеров открытого типа (рис. 3).

Таким образом, культурный слой здесь относится ко второй половине VI—IV вв. до н. э. Какого-либо хронологического перерыва в культурном слое не наблюдается. Поскольку траншея являлась непосредственным продолжением к западу юго-западной части южного раскопа 1949 г., то полученные данные позволяют уточнить хронологические рамки существования расположенных здесь хозяйственно-жилых комплексов VI—IV вв. до н. э. Отсутствие культурного слоя к западу указывает, что в этой прибрежной части (учитывая данные раскопок 1949 г.) находилось одно или два срав-

нительно больших хозяйственно-жилых комплексов, которые существовали не только в позднеархаический период, но и в эпоху классики.

Плато Г занимает самую большую площадь. Оно тянется от глубокого оврага на севере (между плато В и Г) до Закисовой Балки на юге. Поверхность его ровная, сравнительно мало разрушенная. Пострадала от небольших оврагов только северо-восточная часть плато, где были обнаружены строительные остатки. На остальной части культурный слой не прослеживался. На двух заложённых здесь раскопах открыты четыре полуземлячки, хозяйственные ямы и завал камней.

Полуземлячка № 1 сохранилась частично. Она разрушена оползнями и при последующем строительстве: с южной стороны — полуземлячкой № 2, а с северной — № 3: очевидно, полуземлячка была округлой формы (рис. 4). Её округлость прослеживается по конфигурации пола и закруглённых южной, западной и частично северной стен. Длина 4,8 м (сохранилась полностью), ширина 4,35 м (сохранилась частично). Высота сохранившейся стены 0,2 м, восстанавливаемая высота 0,9—1 м. Пол из материковой глины без следов обмазки прослеживается плохо, в центральной части имел лёгкое понижение (0,05—0,07 м к востоку) длиной в 2,1 м.

В центральной части помещения в 2,25 м от западной стены была вырыта небольшая яма № 1, очевидно, круглой формы. Диаметр ямы 1,35 м, глубина 0,35 м от уровня пола полуземлячки. В плотном сероглинистом заполнении этой ямы найдены мелкие обломки стенок амфор, не поддающиеся датировке.

К юго-западу от ямы № 1 на расстоянии 1,55 м от западной стены и 1,15 м от южной стены полуземлячки расположена яма № 2. Судя по сохранившимся остаткам, она имела круглую форму диаметром 0,7 м, глубиной 0,4 м. Заполнение то же, что и в яме № 1.

В северо-западной части на расстоянии 0,5 м от западной стены и 0,2 м от северной расположено в полу небольшое углубление размером 0,8 по

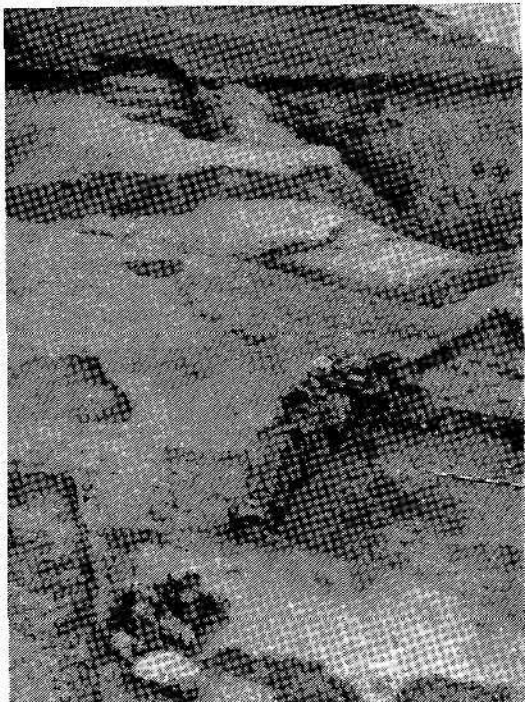

Рис. 4. Плато Г. Полуземлячки № 1—4.

длинной оси, глубина 0,2 м. Заполнение зольно-пепельное, без находок.

Заполнение полуземлячки в нижней неразрушенной части состояло из смешанного зольного и желтоглинистого слоев с небольшим количеством находок. Среди них следует отметить обломки коринфских пифосов VI в. до н. э., хиосских, клазоменских, самосских амфор второй половины VI в. до н. э., обломки стенки клазоменской амфоры с чешуйчатым орнаментом второй половины VI в. до н. э., фрагмент стенки черпачного сосуда последней четверти VI в. до н. э., а также обломки сероглиняной, кухонной, чернолаковой, лепной посуды этого же времени. Судя по позднему материалу заполнения, эта полуземлячка прекратила свое существование в пределах последней четверти VI в. до н. э.

Полуземлячка № 2 разрушила круглую полуземлячку № 1 в юго-западной части. Сохранилась частично, так как значительно разрушена оползнями с восточной стороны. Судя по сохранившейся части юго-западной и северо-западной стен, она была прямоугольной

в плане. Размеры открытой части: высота сохранившихся стен 0,2—0,3 м. С юго-западной стороны, очевидно, был расположен вход, образующий небольшое подпрямоугольное помещение размером 0,6×0,8 м. Стены в полуземлянке прямые, вертикальные, без следов обмазки. Пол из материковой глины сохранился плохо. Он залегает на глубине 1,2 м от современной поверхности. Следы очага не обнаружены. В западной части находилась яма неправильной формы размером 0,9×0,75 м. Она была заполнена рыхлым зольно-глинистым слоем с небольшим количеством находок, среди которых преобладают обломки сероглиняных тарелок. Дно ямы ровное, вырезано небрежно. Очевидно, она предназначалась для каких-то хозяйственных целей. Заполнение в сохранившейся части полуземлянки было зольно-глинистым, неоднородным. В юго-восточной части у обрыва слой был пепельный, рыхлый. В нем находились обломки серолощенных кувшинов, чаш, крышки леканы, обломки стенок хиосских и ионийских кувшинчиков, которые относятся ко второй половине VI в. до н. э.

Судя по тому, что пол в полуземлянке не глинобитный, на нем не было характерных остатков от перетлевшей камки или соломы, которой часто подстилали пол в жилых помещениях, эта полуземлянка, вероятно, имела хозяйственное назначение и существовала, как об этом можно судить по стратиграфическим данным и сопровождающему материалу из пепельного слоя, в пределах последней четверти VI в. до н. э.

Полуземлянка № 3 прямоугольной формы разрушила полуземлянку № 1 в северо-восточной части. Высота сохранившейся северо-западной стены 0,3 м, восстанавливаемая высота 0,7 м. В значительной части помещения разрушено обрывом. Пол из материковой красноватого цвета глины. Следы очага не прослеживаются. Заполнение зольно-глинистое, наполненное сравнительно большим количеством обломков керамики. Среди них обломки ионийских амфор VI в. до н. э., серолощенной и сероглиняной посуды, черполаковые килики последней четверти VI в. до н. э., а также фрагменты печины.

Как и предыдущая полуземлянка, эта, очевидно, тоже имела хозяйственное назначение и прекратила свое существование в пределах последней четверти VI в. до н. э.

На расстоянии 3,45 м к югу от полуземлячки № 2 было открыто слегка заглубленное в землю помещение № 4 с каменными стенками, над которым находился завал камней. Его размеры 2,6×2,6 м. Углублено на 0,4 м ниже уровня древнего гумуса и на 0,8 м ниже уровня современной поверхности.

Нижняя часть западной стены сложена из камней разных размеров. Система кладки орфостатная, полигональная. Центральная ее часть выложена из больших полигональных орфостатно стоящих плит размером: 0,7×0,4×0,2 м; 0,70×0,45×0,25 м; 0,43×0,40×0,15 м. Юго-западный и северо-западный углы сложены из необработанных плит средних и малых размеров, а также мелкого бута. В юго-западном углу подошва выше остальной части на 0,12—0,15 м. Рядность не соблюдена.

В восточной стене сохранились две орфостатно стоящие полигональные плиты размером 0,50×0,34×0,19 м; 0,46×0,34×0,12 м. Они расположены на расстоянии 0,66 м друг от друга и, очевидно, образуют вход в помещение. Рядом с северо-западной плитой на полу лежал плоский камень размером 0,23×0,015×0,08 м, служивший, вероятно, подпоркой для дверного столба. В южной и северной стенах камни были выбрапы. Пол помещения глинобитный, плохой сохранности, без следов обмазки, очаг не обнаружен.

Заполнение в помещении состояло из смешанного серо-желтоглинистого слоя со сравнительно большим количеством находок, среди которых преобладали обломки хиосских, стаканообразных, клазомесских амфор VI — первой половины V в. до н. э. Здесь найдено также керамическое пряслице. Помещение прекратило существование в пределах первой половины V в. до н. э.

Таким образом, на этом раскопе прослеживаются два строительных периода: ко второй половине VI в. до н. э. относятся три полуразрушенные полуземлянки хозяйственного назначения;

к первой половине V в. до н. э. — слегка заглубленное в землю помещение № 4, нижние части стен которого были обложены камнями.

К юго-востоку от этого комплекса на расстоянии 7,5 м в прибрежной части обнаружены семь хозяйственных ям (рис. 5).

Яма № 1 круглая в плане, грушевидная. Расширение книзу значительное. Диаметр ямы в верхней части 1,7 м, в нижней — 2 м. Глубина ямы от уровня древней полевки 1 м. Яма была заполнена плотным однородным сероглинястым слоем, в котором находилось небольшое количество находок, главным образом клазоменских амфор VI в. до н. э. (отдельные стенки крупных размеров), а также хиосских и протофасосских. Здесь же найдены мелкие обломки серолощенной посуды (кувшины, чаши) позднеархаического времени.

Яма № 2 расположена в 1,2 м к северо-западу от ямы № 1. В плане она такой же круглой формы, однако меньше расширена книзу: диаметр в верхней части 1,6 м, в нижней — 1,7—1,8 м, глубина ямы 1 м. В западной стене ямы имелось пишевидное углубление шириной 0,4 м, длиной 0,9 м, глубиной 0,7 м. Возле него с двух сторон стояли две каменные плиты: одна вертикальная с южной стороны размером $0,50 \times 0,25 \times 0,11$ м; вторая плита в наклонном положении поставлена к юго-западной стенке ямы. Ее размер $0,32 \times 0,25 \times 0,13$ м. В северо-восточной части на дне ямы плашмя лежала плита размером $0,45 \times 0,34 \times 0,08$. Заполнение ямы — плотное, однородное, сероглинистое. В нем встречались мелкий бут, обломки протофасосской амфоры VI в. до н. э., стенки коринфского скифоса второй половины VI в. до н. э., мелкие обломки серолощенного кувшина или ойнохой, кости животных.

Яма № 3 в плане круглая, расположена к северо-западу от ямы № 1 на расстоянии 1,2 м и к северо-востоку от ямы № 2 на расстоянии 1 м. Яма сильно расширена внизу. Диаметр в верхней части 1,9—2 м, в нижней — 2,6—2,7 м, глубина ямы 1,1 м от уровня древней дневной поверхности. Заполнена однородным серо-желтоглинистым

Рис. 5. Плато Г. Хозяйственные ямы.

слоем. В слое находилось 11 необработанных известняковых плит и одна тщательно отесанная со всех сторон, вероятно, от горловины ямы. Из находок следует отметить горло клазоменской амфоры середины — второй половины VI в. до н. э., обломки серолощенной и сероглиняной посуды, дно расписного аттического килика последней четверти VI в. до н. э.

Яма № 4 паходилась в прибрежной юго-западной части раскопа. Ее восточная часть разрушена оползнями. Яма имела круглую цилиндрическую форму диаметром 1,50 м, глубиной 0,6 м. Посередине ее дна была вырыта небольшая круглая ямка диаметром 0,9 м, глубиной 0,3 м, в нижней части диаметром 0,5 м. Яма была заполнена рыхлым сероглинистым однородным слоем с небольшим количеством находок: обломки амфор (клазоменских, хиосских), фрагмент дна лутерия, обломки сероглиняных сосудов.

Яма № 5 небольшая по размеру, круглая в плане. Расположена к юго-востоку от ямы № 1 на расстоянии 2,5 м, и к северо-востоку от ямы № 4 на расстоянии 2,9 м. Яма имеет диаметр 0,8 м, глубину 0,3 м. В наклонном состоянии на дне ямы стояла необработанная известняковая плита размером $0,60 \times 0,41 \times 0,08$ м. Заполнение рыхлое, зольно-глинистое, однородное, в нем

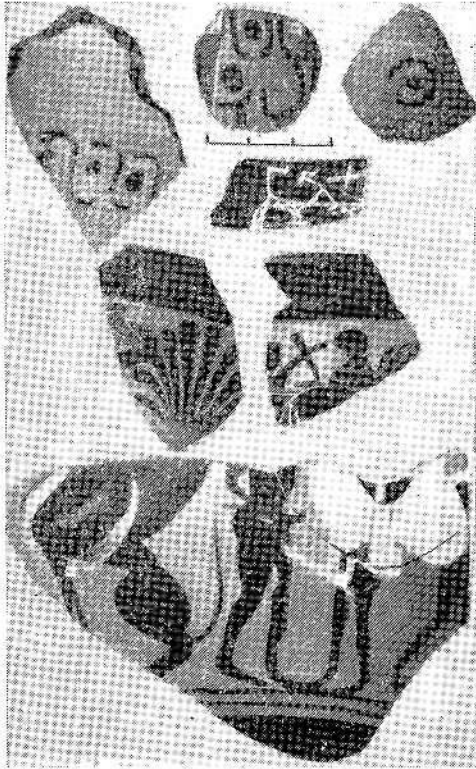

Рис. 6. Фрагменты керамики VI в. до н. э.

находился один обломок стенки сероглиняного кувшина.

Яма № 6 (у западного борта раскопа) имеет такой же характер, что и яма № 5. Она расположена от нее по прямой на расстоянии 1,2 м. Диаметр ямы 0,6 м, глубина 0,4 м, дно залегает на глубине 0,8 м от уровня современной поверхности. В сероглинистом плотном заполнении найдено одно дноце хиосской амфоры VI—V вв. до н. э.

Яма № 7 (у восточного борта раскопа) имеет в плане круглую форму диаметром в верхней части 1,2 м, в нижней 1,6 м, глубину 0,9 м. В отличие от других ям она была заполнена рыхлым пепельным слоем с мелкими углями. В этом слое было сравнительно много бутового камня. На полу в восточной части лежала большая каменная плита размером 0,68×0,37×0,18. Керамический материал представлен обломками сероглиняных чаш и кувшинов, чернотканых киликов последней четверти VI — первой половины V в. до н. э., обломками коринфских пифосов.

Очевидно, все открытые ямы предна-

значались для хозяйственных целей и представляли единый хозяйственный комплекс, который прекратил свое существование в первой половине V в. до н. э. Вполне вероятно, что эти ямы составляли единый комплекс с рассмотренным выше.

На плато Г в отличие от других участков строительные остатки относятся только к позднеархаическому времени. Не встречены здесь и находки более позднего периода, как на остальных раскопах (рис. 6, 7). На вспаханной полосе этого плато подъемный материал не обнаружен, что, очевидно, является свидетельством того, что в глубь степи в южной части поселения застройки не было, в отличие от средней и северо-западной части поселения.

На самой южной окраине плато у северного края дороги, пролгающей с северной стороны Закисовой Балки, был обнаружен клад из 7 ассов и 5 полуассов с изображением головы Горгоны на лицевой стороне, орла на дельфине и букв APIX — на оборотной, которые датируются В. А. Апохиным около 450—425 гг. до н. э. (рис. 8). Клад был разрушен, очевидно, еще в древности. В настоящее время его вымыло дождевым потоком. Монеты располагались на разном расстоянии друг от друга в вымоине длиной 8 м. Два асса обнаружены в результате разведочных раскопок в небольшой яме круглой формы, засыпанной крупнозернистым песком. Остатки культурного слоя здесь не обнаружены, однако встречались обломки фасосских амфор V в. до н. э.

Таким образом, разведочные работы на поселении помогли уточнить его площадь, стратиграфию культурных слоев, хронологические рамки его существования, характер застройки. Общая площадь исследованных участков 800 м². Установлено, что на поселении сплошной застройки не было. Она располагалась не только в прибрежной части. Широкая балка, как и некоторые другие поселения ольвийской хоры, была застроена хозяйственно-жилыми комплексами, расположенными в разных ее частях, в том числе и удаленных от берега. Причем это было характерно не только для позднеархаического времени, но и для периода классики,

Рис. 7. Фрагменты керамики VI в. до н. э.

раннего эллинизма и первых веков нашей эры. Наличие культурного слоя прослеживается только в отдельных местах, где располагались усадьбы. Соответственно поселение с самого раннего времени состояло из отдельных хозяйственно-жилых комплексов с принадлежащим каждому приусадебным земельным участком или наделом, размеры которого выяснить пока не удалось. В позднеархаический период хозяйственно-жилой комплекс составляли хозяйственные и жилые полуземлянки, а также ямы. В одном случае открыта часть одной сравнительно большой полуземлянки. Такого размера помещения известны на поселении Старая Богдановка⁷. Отсутствие развалов сырца при исследовании полуземлянок указывает, что их наземные конструкции были деревянными.

Очевидно, полуземлянки в конце VI — начале V в. до н. э. сменились заглубленными в землю жилищами, нижние части которых были выложены камнями, как это было прослежено разведочными работами на плато Г.

Судя по отдельным обломкам хисских амфор с белой облицовкой и родосско-понийских киликов конца VII — первой половины VI в. до н. э., поселенцы появились здесь, по крайней мере, в первой половине VI в. до н. э., однако широкое освоение этой территории, как и во всем Нижнем Побужье, началось во второй половине VI в. до н. э. В южной периферийной части поселение существовало только в позднеархаический период. В центральной, учитывая прибрежную и западную части поселения, культурный слой относится ко второй половине VI—IV в. до

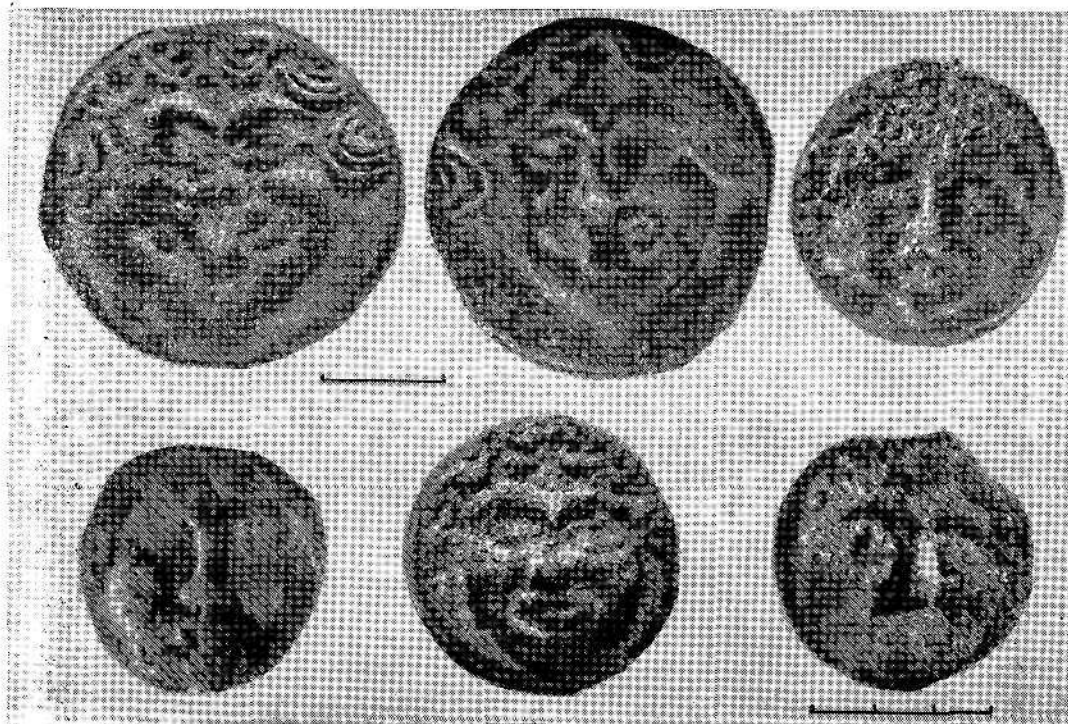

Рис. 8. Ассы из клада.

п. э. В северной, наиболее разрушенной части поселения, подъемный материал, главным образом обломки амфор, относится к VI—III вв. до н. э., I—II вв. н. э. Комплекс материальной культуры дает основание считать, что это поселение было основано и заселено эллинами в процессе общей колонизации Нижнего Побужья в VI в. до п. э. Эта территория постоянно являлась ближней хорошей Ольвией, обеспечивая ее необходимыми продуктами на протяжении длительного периода истории города.

¹ Рабичкин Б. М. Поселение у Широкой Балки.— КСИИМК, 1951, № 50, с. 114—124. В Научном архиве Института археологии АН УССР хранится статья Б. М. Рабичкина «Об основных результатах раскопок на поселении Широкая Балка».

² Рабичкин Б. М. Поселение..., с. 123—124.

³ Славин Л. М. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення в 1949—1950 рр.— АП, 1955, вип. 5, с. 132—134.

⁴ Из дневников И. Д. Ратнера ясно, что

здесь были частично открыты остатки большого каменного сооружения из восьми помещений, площадью от 10 до 19 м². В отдельных помещениях были очаги, глинобитные и моленные каменными плитами полы (Ратнер И. Д. Дневники археологических исследований у Широкой Балки: Отчет Буго-Днепровской экспедиции.— НА ИА АН УССР, фонд 1950/11).

⁵ Штигельман Ф. М. Поселение античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, 1956, № 50, с. 271—272; Граков Б. Н. Скифы.— М., 1971, с. 17; Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до п. э.— М., 1959, с. 25; Шафранская Н. В. О миксэллинах.— ВДИ, 1956, № 3, с. 37—38; Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья.— М., 1953, с. 53; Іллінська В. А., Тереножкін О. І. Скифський період.— Археологія УРСР, 1971, т. 2, с. 72—74; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сарматских племен.— М., 1977, с. 156—157; Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей.— Новосибирск, 1977, с. 136.

⁶ Славин Л. М. Указ. соч., с. 133—134.

⁷ Марченко К. К., Виноградов Ю. А., Головачева Н. В. Раскопки античного поселения Старая Богдановка II.— АО 1978 г., М., 1979, с. 364.

АНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
ЛУПАРЕВО 2

Археологические исследования в Нижнем Побужье дали возможность создать обширную источниковедческую базу, характеризующую наиболее существенные стороны истории и быта жителей многочисленных аграрных поселений округа Ольвии. Однако различные районы этой обширной культурно-исторической области изучены неравномерно. Наименее известными до сих пор остаются памятники восточного берега Бугского лимана, где мало проводились стационарные работы. Одним из исключений, по всей видимости, следует считать раскопки 1975—1977 и 1980—1981 гг. поселения Лупарево 2¹.

Собранные до начала этих раскопок сведения о памятнике были крайне скудны и, по сути, ограничивались констатацией факта его существования в позднеархаическую эпоху².

Остатки поселения Лупарево 2 находятся на высоком берегу лимана непосредственно против Ольвийского городища, на южной окраине с. Лупарево Октябрьского р-на Николаевской обл. Точные границы памятника не устанавливаются. Значительная его часть уже погибла. Протяженность сохранившегося участка по берегу, то есть с севера на юг, — около 120—130 м, в глубь плато — примерно 80 м, площадь — около 0,8—0,9 га. Практически вся эта территория занята сейчас огородами, жилыми и хозяйственными строениями села. Нетронутой осталась лишь узкая полоса вдоль берегового обрыва шириной от 5 до 15 м. На ней заметны следы современных ям и окопов времён Великой Отечественной войны.

В течение пяти раскопочных сезонов на поселении удалось полностью раскрыть площадь в 417 м². Исследованию подвергся единственно доступный прибрежный отрезок памятника — раскопы I и II (рис. 1). Мощность культурных напластований в пределах площади раскопов и, по-видимому, в целом на поселении — 0,3—0,6 м. Повсеместно под пластом почвы (его мощность около 0,25 м) залегал плотный аморфный ме-

шаный сероглинистый слой с золой, содержащий остатки строительной и хозяйственной деятельности людей. Культурный слой подстилался стерильным светло-жёлтым лессовидным суглинком плейстоценового времени.

В процессе исследований на поселении выявлены остатки 7 строительных комплексов и 34 хозяйственные ямы. В хронологическом отношении все они четко делятся на три группы. Первая группа относится к так называемому сабатиновскому этапу позднерубной культуры, вторая — позднеархаическому времени (последняя четверть VI — первая четверть V в. до н. э.) и третья — к классическому периоду (последняя четверть V — начало IV в. до н. э.).

Первую, наиболее раннюю группу памятников образует строительный комплекс № 4 с прилегающими к нему лоткообразными «канавами» (см. ни-

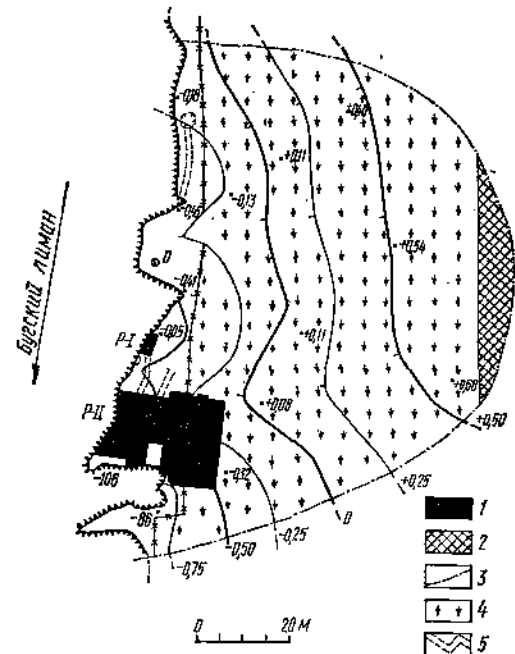

Рис. 1. План поселения Лупарево: 1 — раскопы; 2 — современная застройка; 3 — приблизительная граница поселения; 4 — действующие огороды; 5 — окопы военного времени.

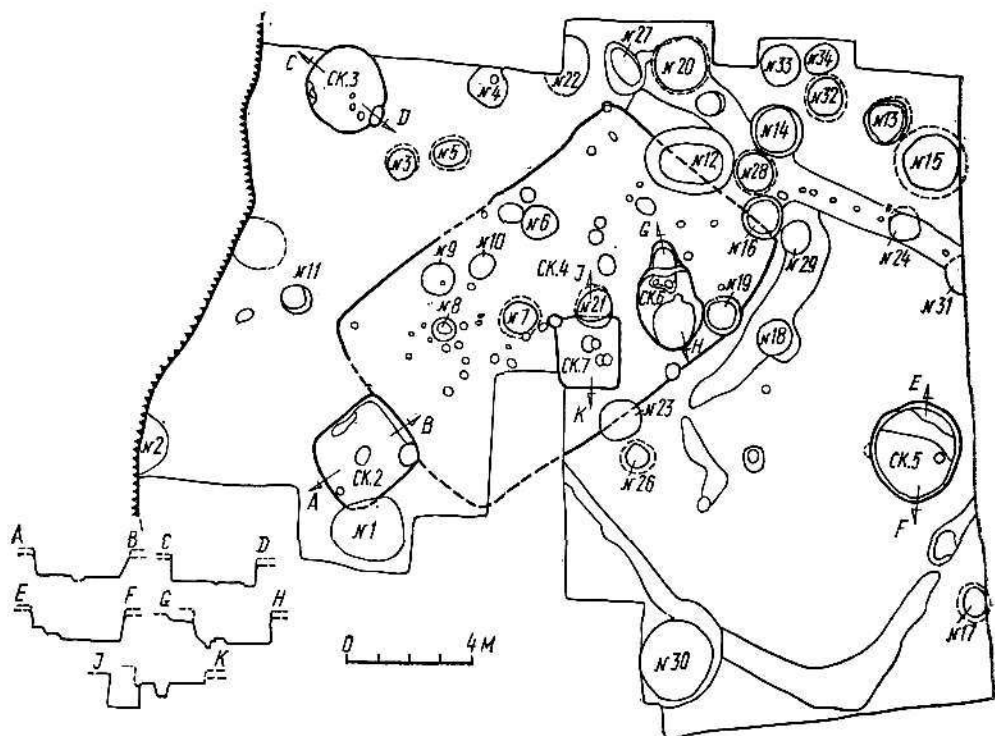

Рис. 2. План раскопа II.

же) и пять хозяйственных ям цилиндрической (№ 8—10) и грушевидной (№ 17 и 26) форм (рис. 2).

Строительный комплекс № 4 (рис. 2; 3, 1) — остатки большого (около 84 м²) четырехугольного в плане строения со сторонами 7—7,5 м и 11,5—13 м. Постройка ориентирована длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. Глинобитный пол заглублен относительно древней дневной поверхности в среднем на 0,25 м. Мощност глиняных промазок пола — примерно 0,02 м. При зачистке пола в нем обнаружено довольно много (37) ям и углублений. Большинство из них — небольшие конусовидные ямки, часть из которых — от деревянных столбов, поддерживавших в древности кровлю. Наличие целого ряда таких ямок (8) на длинной осевой линии строения дает возможность предполагать двускатный тип перекрытия.

С этим же комплексом № 4 стратиграфически, хронологически и, вполне возможно, конструктивно связываются три неглубокие (0,1—0,55 м) лоткооб-

разные в поперечном сечении «канавы», открытые в материке у его юго-восточного борта (рис. 2). Наличие в одной из них (северной) ряда небольших конусовидных ямок от деревянных столбов (рис. 3, 2) дает возможность видеть в «канавках» своего рода основания каркасных (турлучных?) стен, ограничивавших четырехугольный в плане двор площадью не менее 145—150 м².

Освоением для отпеснения строительного комплекса № 4, «канав» и указанных выпя хозяйственных ям к сабатиловскому этапу поздней бронзы послужили стратиграфические наблюдения, но прежде всего — многочисленные находки в их заполнении обломков слабопрофилированных лешых сосудов, украшенных в верхней части корпуса отпечатками веревочки, гладкими палочными и оттянутыми валиками (рис. 4, 1, 2). В составе иных, впрочем весьма невыразительных материалов этого же времени, назовем хорошо сохранившийся бронзовый нож (рис. 5, 6).

Второй, позднеархаический период

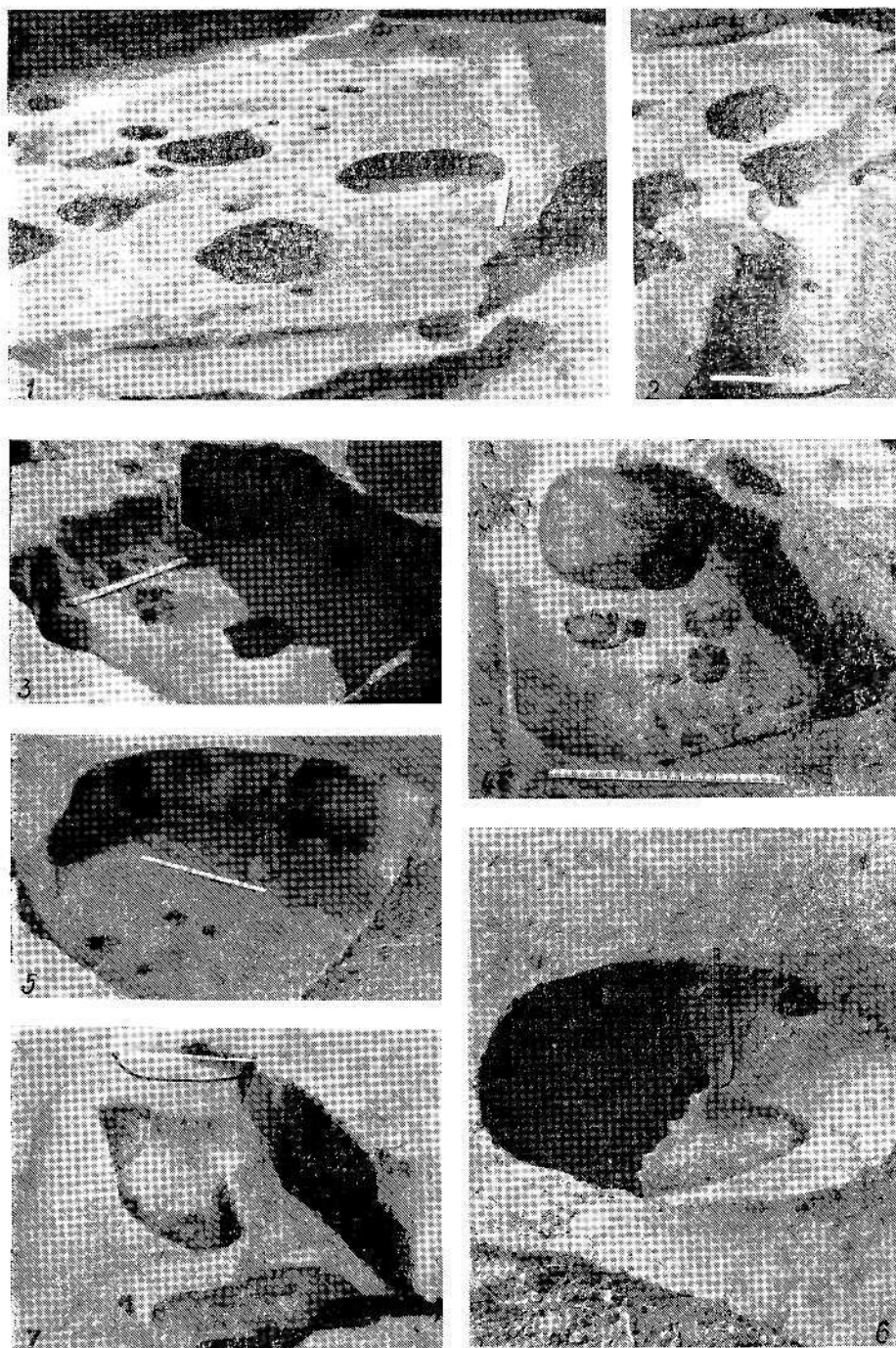

Рис. 3. Остатки строительных комплексов № 2—7:

1 — строительный комплекс № 4, вид с северо-востока; 2 — «канавка» от стены двора строительного комплекса № 4; 3 — строительный комплекс № 2, вид с севера; 4 — строительный комплекс № 7, вид с юга; 5 — строительный комплекс № 3, вид с востока; 6 — строительный комплекс № 6, вид с востока; 7 — строительный комплекс № 6, вид с юга.

Рис. 4.

1—3 — лепная керамика сабаинового этапа позднесрубной культуры; 4—7, 8 — стенка краснофигурного аррибалического лекифа классического периода; 9—13 — керамика позднеархаического периода.

представлен в наших раскопках наибольшим количеством материалов — шестью строительными комплексами (№ 1—3, 5—7) и целой серией (25) ям и углублений в материке (№ 1—7,

11—15, 18—25, 27—32), что может служить указанием на относительный расцвет жизни на поселении этого времени.

В конструктивном отношении все

строительные комплексы последней четверти VI — первой четверти V в. до н. э. — землянки. Это остатки небольших (площадью 4—7,5 м²) однокамерных круглых (рис. 2; 3, 5, 6), четырехугольных (рис. 2; 3, 3, 4) и овальной (рис. 2; 3, 7) в плане построек, заглубленных относительно древней дневной поверхности на 0,7—1,5 м. В материковом полу землянок (в центре их котлованов и у бортов) выявлено по 1—4 конусовидных ямок от деревянных столбов, поддерживавших в древности перекрытие. Для большинства комплексов поселения упомянутые ямки являются единственными следами конструкций, позволяющими хоть как-то судить об их внутреннем и внешнем устройстве. Исключением оказался лишь строительный комплекс № 5, всю северную половину которого занимали два невысокие (по 0,15 м) материковые останца — «ступеньки», именуемые лежанками; в западном борту котлована этого же комплекса была устроена (для святильника?) небольшая подчетыреугольная ниша (рис. 3, 6).

Недостаточная показательность различий площадей и архитектурно-планировочных схем описанных комплексов, отсутствие в них диагностирующих находок *in situ* создают непреодолимые трудности на пути определения функционального назначения конкретных построек. Равным образом, отсутствуют возможности идробного хронологического членения нашей выборки в пределах всего позднеархаического периода существования поселения. Единственное, что можно констатировать в настоящее время, — это общая типологическая и, вероятно, культурная близость строительных комплексов Лупарево 2 многочисленным памятникам правого берега Днепро-Бугского лимана, известным ныне по синхронным материалам Березани, Ольвии, ольвийского предместья, поселения Старая Богдановка 2 и др.³

Как отмечалось выше, ко второму периоду жизни на поселении отнесено 25 ям. В подавляющем большинстве случаев ямы имели хорошо известную в Нижнем Побужье грушевидную форму, реже — цилиндрическую (№ 18, 19, 31, 32) или овальную (№ 12 и 27).

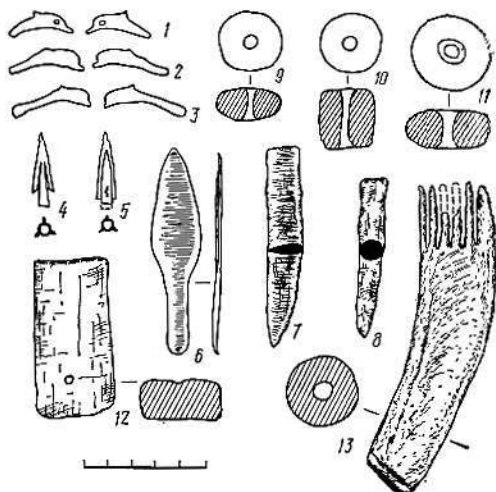

Рис. 5. Изделия из бронзы (1—6), железа (7, 8), глины (9—11), камня (12) и рога (13).

Глубина подобного рода объектов, как правило, не превышала 1—1,5 м и лишь в одном случае (№ 15) достигала 2 м. Диаметры плоских дниц у ям грушевидной формы варьировали в пределах 0,7—2,4 м; сохранившиеся диаметры их устьев несколько меньше — 0,6—1,7 м. Следы обмазки жидкой глиной или известью материковых стенок ям не обнаружены. Не найден и достаточно показательный с функциональной точки зрения вещественный материал. В силу этого по сложившейся традиции все открытые ямы рассматриваются нами как хозяйственные.

В процессе раскрытия строительных комплексов позднеархаического периода, хозяйственных ям и в окружающем их слое найдено значительное количество отходов хозяйственной деятельности людей, в том числе 11 630 обломков керамики и 3 358 костей животных. Не менее 95 % указанного материала относится к последней четверти VI — первой четверти V в. до н. э. Около 0,5—1 % находок из слоя (главным образом, обломков амфор) датируется последней четвертью V — началом IV в. до н. э. Остальная посуда (около 4—5 %) относится к сабакиновскому этапу позднеархаической культуры.

По статистическим данным 75,1 % обломков керамики составляют греческие остродонные амфоры, 14,6 % — гончарная посуда всех типов и

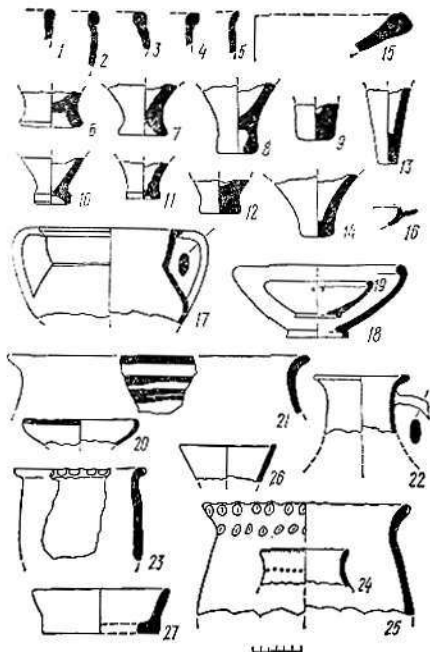

Рис. 6. Керамика позднеархаического периода.

10,3 % — лепная. Около половины удельного веса лепной керамики представляют фрагменты слабопрофилированных сосудов сабатиновского времени. Соотношение гончарной и лепной керамики позднеархаического периода без учета амфор — примерно 74 % к 26 %. В составе гончарной посуды высок процент расписной ионийской и чернолаковой аттической керамики — около 25 %.

Значительное количество обломков амфор в нашей коллекции отнюдь не означает абсолютное преобладание в керамическом комплексе поселения тары, поскольку, как правило, амфоры разбиваются на сравнительно большее число фрагментов. Несомненно, более реальное представление о количестве этой группы можно получить на основании подсчета ножек сосудов (108).

Судя по профилированным частям, набор таких амфор и их соотношение характерны для керамических комплексов Нижнего Побужья позднеархаического времени. Не менее половины обломков сосудов принадлежит хисским пухлогорлым амфорам без перехвата на горле, реже — с окрашенными венцами (рис. 6, 1—3, 8); второе по чис-

лестности место в группе занимают обломки тары так называемого протофасосского типа (рис. 6, 10, 11), далее идут красноглиняные амфоры с узкими усеченно-коническими ножками (рис. 6, 5, 9, 13) и амфоры на поддонах восточноионийских центров (рис. 6, 6, 7) ⁴; буквально единицами представлены обломки сероглиняных лесбосских амфор (рис. 6, 4) и амфор неизвестного происхождения (рис. 4, 12).

Основную часть группы привозной расписной и простой чернолаковой керамики (не менее 75—80 % обломков) составляет продукция Афин. Керамика прочих центров включает в себя фрагменты ионийской амфоры с изображением лебедя (рис. 4, 3), археологически целый ионийский килик (рис. 4, 10) и обломки коринфских котил.

Более многочисленны фрагменты столовой посуды, украшенной горизонтальными полосками красного лака (рис. 6, 16, 20, 21).

Керамика аттического производства представлена главным образом обломками и двумя археологически целыми чернолаковыми киликами на массивной кольцевой подставке (рис. 4, 11) и высокой ножке (рис. 4, 12). Паходок расписных черпофигурных сосудов этого же центра немного — они составляют не более трех десятков фрагментов киликов с рисунками, выполненными небрежно (рис. 4, 4—7). Большая их часть может быть датирована уже первой четвертью V в. до н. э.

Простая столовая и бытовая гончарная посуда поселения включает в себя обычный для позднеархаического времени набор типов и форм. Прежде всего, это сероглиняные лоцненные миски с загнутым внутрь краем, производство ольвийских керамистов (рис. 6, 19), и ряд экземпляров лоцненных кувшинов (рис. 6, 22; 6, 13). Более редки в комплексе двуручные кратерообразные лоцненные сосуды (рис. 6, 17) и сероглиняные открытые светильники.

Находки обломков толстостенной керамики единичны. Практически все они принадлежат светло- и сероглиняным массивным мискам — лутериям (рис. 6, 15). Не менее 6,5 % гончарной посуды поселения составляют фрагменты кухонных котлов и горшков.

Как уже отмечалось, группа лепной керамики позднеархаического периода занимает большое место в керамическом комплексе Лупарево 2. К сожалению, едва ли не вся накопленная коллекция сосудов такого рода состоит из небольших обломков. Данное обстоятельство затрудняет развернутую характеристику группы. Лепная керамика поселения в технологическом отношении, по всей видимости, ничем существенным не отличается от подобной посуды, известной по материалам поселений и могильников степной и лесостепной зон Северного Причерноморья V—IV вв. до н. э. Здесь так же, как и в других районах Скифии, лепные сосуды выделялись из грубой, плохо отмученной глины, содержащей в качестве искусственных добавок-отощителей большое количество шамота и дресву. Важной технологической чертой, рассматриваемой керамики поселения является полное отсутствие в ее составе сосудов с лощеной или даже подлощеной поверхностью. Вся керамика группы носит на себе следы простого заглаживания. Типологический состав группы удивительно беден. В настоящее время в ней может быть выделено всего два типа.

Основным наиболее распространенным типом лепной посуды поселения Лупарево 2 (около 98—99 %) является горшок с более или менее отогнутым наружу скругленным краем, выраженным горлом, округло выпуклыми боками и небольшим плоским дном (рис. 6, 23—25). Судя по имеющемуся материалу, виды профилей таких горшков варьировали от почти прямого края, едва намеченного горла и покатых плечей до резко отогнутого (под углом 45°) края и сильно выпуклых плечей. Соответственно с этим, несомненно, значительно варьировали и соотношения основных широтных размеров изделий. Указанное обстоятельство, несмотря на отсутствие возможности практически определить действительный размах различий и их значение для классификации, заставляет предполагать наличие в составе рассматриваемого типа двух вариантов форм — слабопрофилированных бочонковидных сосудов (рис. 6, 20) и горшков с четко выра-

женным горлом и широкими округлыми плечами (рис. 6, 23, 25), последний преобладает. Подавляющее большинство сосудов первого типа имели небольшие размеры, поскольку диаметры устьев всех подающихся измерению экземпляров ни разу не превысили 10—26 см.

Не менее 70—75 % всех горшков орнаментировано. Практически единственным видом украшений были неглубокие пальцевые или ногтевые вдавления, нанесенные в одну-две линии по горлу и краю сосудов (рис. 6, 23, 25). Крайне редко орнаментация такого рода, так называемый кольчатый орнамент, дополнялась вдавлениями соломянки (рис. 6, 24). Палепных или оттянутых валиков на керамике поселения позднеархаического периода не зафиксировано, как и наличие другого, чрезвычайно существенного с этнокультурной точки зрения элемента декора — сквозных наколов и проколов по краю. Имеем это последнее, на наш взгляд, позволяет установить типологическую и генетическую связи горшков первого типа с аналогичной посудой степных районов Северного Причерноморья раннескифского времени, в том числе и самого Нижнего Побужья, включая Ольвию, Березань⁵. С этими же материалами степной зоны Северного Причерноморья, по всей видимости, должен быть связан и второй, последний, тип лепной керамики поселения — миска в виде перевернутого усеченного конуса (рис. 2, 6).

Помимо посуды на поселении Лупарево 2 обнаружены немногочисленные материалы, относящиеся к различным сферам хозяйственной и бытовой деятельности его обитателей. В их составе — несколько каменных орудий: обломков плоских зернотерок, терочкики, точило (рис. 5, 12). Металлические предметы представлены в коллекции обломком железного ножа (рис. 5, 7), гвоздя (рис. 5, 8) и двумя экземплярами бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел (рис. 5, 4, 5).

Едва ли не единственным костяным орудием, относящимся к позднеархаическому периоду, предназначалось для обработки шкур животных. Столь же

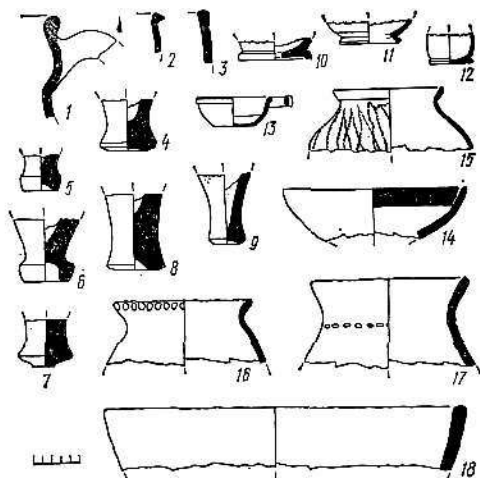

Рис. 7. Керамика классического периода.

уникальна находка рогового чесала (рис. 5, 13) *.

В отличие от этих предметов, многочисленную группу составляют так называемые намотки, изготовленные из обломков тонкостенных сосудов, реже из кости. Сравнительно часто «намоткам» придавалась форма «гребешков». На некоторых из них процарапаны граффити. Граффити встречаются не только на «намотках», но и на доньшках различных гончарных сосудов. В общей сложности их не более десятка. Чаще всего они представляют собой отдельные буквы или загадочные изображения. Исключением из данного правила является ножка чернолакового аттического килика рубежа VI—V вв. до н. э. с ранее неизвестным в ономастике Ольвии, возможно, варварским по своему происхождению именем $\chi\mu\nu\nu\alpha\lambda\eta\varsigma$ (рис. 4, 9) ⁶.

Крайне редки на поселении находки терракот. Большей частью это небольшие невыразительные фрагменты, не позволяющие судить о форме и облике статуэток. Лишь в одном случае можно с уверенностью сказать, что обнаруженный нами обломок относится к хорошо известному типу — богине на троне. К предметам культа, возможно, относятся и 13 небольших кружков из стенок амфор, найденных в заполнении

строительного комплекса № 6. Всего семью экземплярами ограничивается количество ольвийских медных дельфинчиков (рис. 5, 1—3).

Завершая описание материалов позднеархаического периода, несколько слов необходимо сказать о видовом составе стада поселения этого времени *. Есть основания полагать, что оно мало чем отличается от зафиксированного на других синхронных памятниках Нижнего Побужья, хотя, быть может, здесь было несколько более многочисленным поголовье крупного рогатого скота (21 особь), домашние овца и коза (22), лошадь — 9, собака — 7 и свинья — 1 ⁷. Подавляющее большинство домашних животных забивалось в возрасте 2,5—3 лет и старше, что может указывать на наличие развитой кормовой базы, с одной стороны, и на использование скота главным образом в качестве тягловой силы и для получения молока и шерсти — с другой.

Из диких животных на Лупарево 2 отмечена лишь лиса (2 особи). Кроме того, здесь обнаружено небольшое количество костей рыб, большая часть которых принадлежит осетровым.

Третий и последний период в жизни поселения — последняя четверть V — начало IV в. до н. э. — характеризуется всего четырьмя ямами хозяйственного назначения (№ 12, 16, 33, 34), расположенными в северо-западном углу раскопа II (рис. 2). Три из них — неглубокие с немногочисленными вещественными находками. Лишь в яме № 12 обнаружено 850 обломков керамики и 445 костей животных, среди которых встречены фрагменты позднеархаических амфор.

В группе остродонных амфор классического времени отметим обломки хисских пухлогорлых амфор с перехватом на горле (рис. 7, 1, 5, 6), обычно датруемые второй половиной V в. до н. э., профилированные части фасосских, гераклейских амфор (рис. 7, 4, 7—9) и амфор неизвестных центров (рис. 7, 3) конца V — первой половины IV в. до н. э.

Среди остальных керамических нахо-

* Определению орудий труда проведено в Трассологической лаборатории ЛОИА АН СССР.

* Osteологический материал на поселении определен О. П. Журавлевым.

док этого же периода назовем немногочисленные, но достаточно показательные хронологические обломки черпалковой и краснофигурной аттической посуды последней четверти V — начала IV в. до н. э.; скифоса (рис. 7, 10), аррибалических лекифов, один из которых украшен изображением совы (рис. 7, 11; 4, 8) и открытой чаши со штампованным орнаментом на дне (рис. 7, 11).

Группа простой столовой и кухонной посуды представлена в материалах обломками сероглиняных мисок со сферическим корпусом и вертикальным краем (рис. 7, 14), археологически целой светлоглиняной чашечкой с горизонтальной петельной ручкой (рис. 7, 13) и верхней частью красноглиняного горшка с лощеной поверхностью (рис. 7, 15).

Лепная керамика третьего периода существования поселения, по всей видимости, в основном повторяет формы посуды предыдущего времени (рис. 7, 16—18). Здесь же найдено несколько грузил от рыболовных сетей в виде предварительно скругленных стенок амфор и обожженных глиняных дисков с отверстиями, куски керамических шлаков.

Описание строительных комплексов и вещественных находок поселения Лупарево 2 позволяет сделать некоторые выводы относительно самого памятника и его места в системе сходных аграрных поселений Нижнего Побужья античного времени. Оставляя сейчас в стороне совершенно самостоятельный вопрос о характере и облике поселения на сабиниовском этапе позднерубной культуры, обратимся сразу к анализу материалов позднеархаического периода.

Как ныне известно, в Нижнем Побужье VI — первой четверти V в. до н. э. функционировало значительное количество аграрных поселений. Большинство из них возникло в середине — второй половине VI в. до н. э. В этой волне освоения греками обширной сельскохозяйственной территории поселения Лупарево 2 оказывается, видимо, одним из самых поздних, что не может не обратить на себя внимание в связи

с особым расположением памятника, прямо напротив Ольвии.

Жизнь на поселении позднеархаического периода продолжалась недолго — с последней четверти или даже с конца VI до конца первой четверти V в. до н. э. Судя по всему, оно прекратило свое существование одновременно с подавляющим большинством населенных пунктов сельскохозяйственной округи Ольвии. Данное обстоятельство, представленный облик его материальной культуры заставляют относить Лупарево 2 к числу поселений, находящихся под непосредственным экономическим, культурным и, возможно, политическим контролем Ольвийского государства.

Вместе с тем следует обратить внимание и на некоторые своеобразные черты памятника, выделяющие его среди себе подобных. Это прежде всего относительно скромный облик всего быта обитателей Лупарево 2, небольшие размеры построек, бедность керамического комплекса, инвентаря, сравнительно однородный набор лепной посуды поселения, связанный с керамикой степной Скифии.

Завершившись в конце первой четверти V в. до н. э., жизнь на поселении Лупарево 2 возобновилась в скромных масштабах приблизительно через 50 лет, то есть в последней четверти V в. до н. э. Этот последний период существования поселения оказался еще более непродолжительным. Оно было оставлено обитателями в то самое время (в начале IV в. до н. э.), когда берега Днепро-Бугского лимана покрываются сетью новых сельскохозяйственных поселений Ольвии.

¹ Раскопки Нижнебугской античной экспедиции ЛОИА АН СССР (до 1979 г. — Периферийный отряд Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР). См.: *Марченко К. К., Доманский Я. В., Головачева Н. В.* Раскопки поселений античного времени на Бугском лимане. — АО 1975 г., М., 1976, с. 353; *Работа Периферийного отряда Ольвийской экспедиции/К. К. Марченко, Я. В. Доманский, П. В. Головачева.* — АО 1976 г., М., 1977, с. 332; *Раскопки поселений античного времени в Нижнем Побужье/К. К. Марченко, Я. В. Доманский, Н. В. Головачева.* — АО 1977 г., М., 1978, с. 354; *Виноградов Ю. А.* Раскопки позднеархаического античного поселения Лупарево 2. — АИУ, с. 105; *Марченко К. К.* Ра-

боты Нижнебугской античной экспедиции.— АО 1980 г., М., 1981, с. 280.

- ² На археологической карте «Памятники Ольвийской хоры» (Крижицкий С. Д., Бурakov А. В., Буйский С. В. К истории ольвийской сельской округи.— НААСП, карта) поселение Лупарово 2 отсутствует. См., например, Крижицкий С. Д., Русаева А. С. Найдавніші житла Ольвії.— Археологія, 1978, 28, с. 3—18; Доманский И. В., Ковейкина Л. В., Марченко К. К. Из истории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. (Березань, Ольвия, ольвийская округа).— ИА, 1978, вып. 2, с. 72 и сл.; Козуб Ю. І. Поредмістя Ольвії.— Археологія, 1979, 29, с. 3 и сл.; Марченко К. К., Доман-

ский Я. В. Античное поселение Старая Богдановка 2.— АСТЭ, 1981, 22, с. 62—64.

- ⁴ Третья подгруппа. См.: Лейпунская Н. А. Керамическая тара из Ольвии.— Киев, 1981, с. 23—24, табл. 3, 4.
- ⁵ Марченко К. К. Лесная керамика Березань и Ольвии второй половины VII—VI вв. до н. э.— ХГААМ, с. 163—164, рис. 3, 7, 8.
- ⁶ Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства.— ВДИ, 1981, № 3, с. 57, прим. 58.
- ⁷ Журавлев О. И. Фауна поселения Черноморка II (на материалах костных остатков).— В кн.: Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1981, с. 152, табл. 6.

В. А. Анохин

МОПЕТЫ-СТРЕЛКИ

Самый ранний этап существования греческих поселений Нижнего Побужья характеризуется обращением примитивных денег в виде двулопастных наконечников стрел, получивших в советской литературе наименование монеты-стрелки. Они отлиты из бронзы, но не имеют втулки. Оба конца у них тупые, так что использование их в качестве наконечников стрел практически исключалось.

Монеты-стрелки как изделия были давно известны археологам, однако должного значения этим особенностям не придавали, их принимали за обычные наконечники¹.

Начало изучению монет-стрелок положил Г. Северяну, опубликовавший часть клада таких предметов (51 экз.), обнаруженного в окрестностях Измаила в 1925 г.² Он правильно определил их денежное, а не утилитарное назначение, сопоставил эти знаки с литыми медными монетами Ольвии — ассами и дельфинами, однако приписал их выпуск скифам, положив таким образом начало теории возникновения монет-стрелок в скифской этнической среде.

Уже следующая находка породила и новую теорию. Т. Герасимов кратко описал клад монет-стрелок, открытый в 1934 г. на п-ове Атия в Бургасском заливе (Болгария)³. В большом глиняном кувшине (высота его 55 см) находилось более 1 тыс. монет-стрелок, неподалеку найдены также одну из половинок формы для их изготовления, к сожалению не сохранившуюся. Он указал

также на ряд единичных находок монет-стрелок в том же районе: 1) 4 экз. были найдены в погребениях в восточной части п-ова Атия в 1927 г.⁴; 2) 2 экз. — в 20 км к юго-западу от Бургаса у Русокастро; 3) 1 экз. — у с. Болгарово (Уруменикой); 4) 1 экз. — у с. Черново (Дувацлар). Он же привел данные о наличии на п-ове Атия древних разработок медных руд.

Монеты-стрелки были определены им как позднейший пережиток более ранних платежных средств — настоящих наконечников стрел и других предметов первой необходимости, подобно тому как ольвийские дельфины являлись, по его мнению, далеким воспоминанием о платежах сушеной рыбой. Он высказал мнение, что монеты-стрелки изготовляло, вероятно, для внутренних платежей местное фракийское население Черноморского побережья.

Эта идея была решительно поддержана Т. В. Блаватской. Она допускала у фракийцев высокий уровень развития производства и обмена, обусловивший появление у них металлических денег. «Несомненно, — писала она, — в древнее время здесь в массовом масштабе изготовлялись монеты-стрелки, имевшие хождение среди окружающих фракийских племен». Выпуск монет-стрелок она относила к периоду с конца VI в. до 420 гг., когда «цари одрисов стали чеканить настоящую монету, заменявшую монеты-стрелки — примитивные денежные знаки»⁵.

Т. В. Блаватская определила как мо-

неты-стрелки ряд изделий с Березани, опубликованных И. В. Фабрициус и П. Рау⁶, и предположила, что они имели там хождение наряду с «рыбками»⁷.

Монеты-стрелки из ольвийских раскопок были изданы В. М. Скудной. Она отнесла их к концу VI в. (найжены в архаическом слое вместе с «рыбками»). В. М. Скудная признавала использование монет-стрелок в качестве примитивных денег, фракийское происхождение которых ею не подвергалось сомнению. Предположение относительно обращения их в Ольвии и на Березани казалось ей преждевременным из-за незначительного количества находок⁸.

В 1959 г. Т. Герасимов возвратился к находке на п-ове Атия, сообщив некоторые дополнительные сведения⁹. Оказывается, утраченная половина формы имела несколько рядов углублений. Он указал на находку небольших бронзовых двойных топорицков — лабрисов, которые, по его мнению, также выполняли денежные функции¹⁰. Он предположил, что мастерская по производству монет-стрелок могла быть связана с античным поселением, существовавшим на полуострове и отождествляемым с фракийской Антией, область которой населяло племя астов.

Ф. Преда опубликовала 14 стрелок из большого клада (около 2 тыс.), найденного у с. Журиловка (округ Тульчи, Социалистическая Республика Румыния)¹¹. Она выделила среди них два типа: собственно монеты-стрелки в виде листа ивы и настоящие наконечники с обломанными остриями и залитыми свинцом втулками. Ею впервые было выдвинуто предположение о греческом происхождении монет-стрелок, предназначавшихся, по ее мнению, для торговли с окружающими племенами.

Еще более определенно в пользу греческой принадлежности монет-стрелок высказался В. В. Лапип. Сначала он поставил вопрос о принадлежности их «к ольвийской монетной системе или, что не менее вероятно, Березани», мотивировав это значительным количеством находок в культурном слое Березани. Значение фракийских находок он отрицал, поскольку там они якобы чаще всего встречаются в виде кладов,

которые, по его словам, «могут перемещаться на очень большие расстояния и не служат доказательством обращения этих монет в районе их находки»¹². Тенденциозность и методическая несостоятельность оценки находок на п-ове Атия В. В. Лапипым очевидны, но в той же мере очевидно и значение находок монет-стрелок в культурных слоях Ольвии и Березани. В другой работе он привел ряд дополнительных данных о находках монет-стрелок. По его мнению, монеты-стрелки и дельфинчики, «имеющие в своей основе одни и те же экономические, технологические и изобразительные принципы... могли возникнуть только в однообразной экономической и этнической среде»¹³. Время появления монет-стрелок — не позднее середины VI в., они некоторое время сосуществуют с дельфинами и перестают выпускаться в конце VI в.

Теория скифского происхождения монет-стрелок получила поддержку со стороны Б. Н. Гракова. Признав ошибочность своих (и П. Рау) ранних определений монет-стрелок как обычных накопечников, он обратил внимание на ряд дополнительных находок из Ольвии и Березани, хранящихся в коллекциях Одесского археологического музея. Вопрос о принадлежности монет-стрелок решался им следующим образом. Он признавал, вслед за Т. Герасимовым, что монеты-стрелки являлись монетой «для внутренней торговли среди фракийского населения», что вследствие торговых связей Ольвии с Фракией они проникали сюда, на территорию распространения дельфинов, через Березань, которая «была как бы этапным пунктом» их распространения из Фракии. Б. Н. Граков допускал, что монеты-стрелки обращались и на Березани, «происходя из Фракии или даже будучи местными подражаниями». Скифы и близкие им племена лесостепи в большинстве своем, по его словам, не знали денежного обращения, однако обилие стрел в погребениях и ряд этнографических параллелей позволяет высказать предположение, что боевые стрелы у скифов могли выполнять роль первобытной разменной монеты, тогда как фракийцы заимствовали свои стрелы от скифов и придали «их форму одному из

видов своих первых монет»¹⁴. Все последующие авторы справедливо обращали внимание на сложность этой теории.

Б. Н. Граков опубликовал также граф-фито рубеза VI—V вв., в котором упоминаются наконечники стрел (ἀρδω) ¹⁵ и уточняется текст надписи, хотя и не решается ответить однозначно, имели ли в виду «фракийские стрелки-монеты или же настоящие скифские стрелы».

П. О. Карышковский придерживается точки зрения фракийской принадлежности монет-стрелок, которые, однако, получили распространение среди скифов, на Березани и в Ольвии. Утверждая, что «само по себе появление зачаточных видов металлических денег в социальной среде, стоящей у порога классового общества и вступающей в частые контакты с более развитыми общественными коллективами, представляется вполне вероятным», он не замечает явного противоречия, заключающегося в отсутствии как раз у этих «более развитых общественных коллективов», то есть у греков, своей монеты, появившейся, по его мнению, позднее и всего лишь в результате приспособления к местной традиции обращения небольших литых бронзовых поделок¹⁶.

Проблемы монет-стрелок коснулся также И. Б. Брагинский. Он считал, что многочисленные находки их на Березани и в Ольвии позволяют предположить, что они отливались и в этих центрах, и в районе Бургаса, впервые сформулировав идею полицентричности производства монет-стрелок. Правда, он обошел молчанием вопрос о том, кто, по его мнению, изготавливал эти денежные знаки¹⁷.

Более широко монеты-стрелки были рассмотрены Т. Д. Златковской. Она совершенно правильно связывала уровень развития торговли с уровнем развития производства, однако само изучение торговли свела к изучению денежного обращения. Мало того, что, вопреки ее словам, мы никак не можем по нумизматическим материалам «представить себе массу разнообразных реальных ценностей, которые находились в торговом обороте», безоговорочное оперирование при этом таким спорным материалом, как монеты-стрелки может

привести к искаженной оценке социально-экономического развития фракийского общества. Она решительно отвергла предположение о выпуске монет-стрелок греками. «Невозможно представить себе, — писала она, — чтобы милетские греки, прекрасно знакомые уже с чеканенной монетой, обосновавшись в Северо-Западном Причерноморье, начали бы вдруг выпускать литые денежные знаки стреловидной формы для внутреннего обращения в греческих полисах или даже для торговли с окружающим туземным населением, если само население не знало такой формы денежного обращения»¹⁸. Наиболее верной ей представляется точка зрения Б. Н. Гракова, допускавшего выполнение денежных функций у скифов наконечниками стрел, откуда «естественно ожидать и возникновения здесь же производства монет-стрелок, рассчитанных специально на обращение», и хотя отливку монет-стрелок могли производить на Березани и в Ольвии, «самое их появление было связано не с традициями греческого денежного обращения»¹⁹. Что же касается фракийцев, то они «должны были заимствовать форму своих первых денег у своих северных соседей, по примеру которых они и начали еще в пределах VI в. до н. э. отливать монеты-стрелки»²⁰. Автор никак не объясняет, почему фракийцы для своих денег заимствовали форму у соседей и почему они должны были это делать. Не ясно, о каком примере идет речь — пока нет ни одного факта, свидетельствующего об отливке монет-стрелок скифами, а в Нижнем Побужье все они найдены на греческих поселениях.

Теория греческого происхождения монет-стрелок получила солидное обоснование в работе К. Преда и Х. Нубара²¹. Среди нескольких тысяч опубликованных ими монет из раскопок Истрии около ста составляют монеты-стрелки, к категории которых авторы отнесли также трехгранные наконечники с залатыми свинцом втулками и обломанными остриями. По их мнению, монеты-стрелки предварили городскую чеканку Истрии, большая часть их была отлита в Истрии во второй половине VI в. до н. э.

С иной стороны подошел к вопросу о монетах-стрелках К. К. Марченко²². Изучение керамического материала позволило ему констатировать «наличие фракийцев в составе населения Ольвии, Березани, а также в среде жителей отдельных небольших поселений Нижнего Побужья во второй половине VII—VI в. до н. э.», что, по его мнению, «снимает серьезные препятствия на пути признания фракийской принадлежности стрелок», ибо «районы, где их находят, могут быть объединены не только на основе общности происхождения греческих колонистов, но и наличия генетически однородной гето-фракийской прослойки в составе жителей».

Он выразил сомнение в том, что монеты-стрелки могут быть связаны со скифами, отметив и противоречия в концепции их греческого происхождения, выражающиеся в варварской форме монет-стрелок, сосуществовании дельфинов и стрелок и несовпадении ареалов тех и других, что не позволяет «связать выпуск стрелок только с чисто греческим рынком одного или даже двух эллинистических центров Нижнего Побужья»²³. В заключение он склоняется к компромиссному решению — идея товаро-денег в виде наконечников стрел, зародившись в гето-фракийском мире, в зоне контактов с греческими городами, была в дальнейшем использована греками.

Если предшествующие исследователи в той или иной мере выводили монеты-стрелки из товарного обращения, в соответствии с элементарными положениями политэкономии, то теория К. К. Марченко греко-фракийского происхождения монет-стрелок (с фракийским приоритетом) полностью игнорирует экономическую сторону вопроса и ставит его решение в зависимости от этнических реконструкций. Достаточно, однако, поставить ряд вопросов к реконструируемой им этнической ситуации в Нижнем Побужье VII—VI вв. до н. э. — кто являлся политическим и экономическим формирующим элементом в этом районе — греки или варвары, являлся ли фракийский компонент политическим и экономически независимым от греческого, может ли фракийский элемент Нижнего Побужья считаться в политическом и экономическом отношении

органической частью основного массива фракийского мира и т. п., чтобы уснить полную несостоятельность сведения проблемы монет-стрелок к этническому фактору.

Важные наблюдения о монетах-стрелках небольшого (118 экз.) клада из Енисалы были опубликованы А. Арическу²⁴. Клад находился в горле амфоры конца VI — первой половины V в. до н. э. Он содержал 107 монет-стрел, 10 дву- или трехлопастных наконечников стрел разных типов с испорченными втулками и небольшой бронзовый предмет конической формы, вероятно литник. Автор различает монеты-стрелки типа А, отливавшиеся группами по нескольку экземпляров (54 экз.) и типа В, отливавшиеся индивидуально (53 экз.). Большой интерес представляет упомянутый им клад неизвестного происхождения из Археологического музея г. Констанцы, состоящий из 51 монеты-стрелки типа А и 2 ольвийских дельфинов²⁵.

Сопоставление клада с другими находками монет-стрелок позволяет ему прийти к следующим выводам. Время бытования их определяется второй половиной VI и первой половиной V в., что вытекает из совместных находок монет-стрелок с ольвийскими дельфинами и истрийскими литыми монетами с колесом и надписью IΣT. Территория их распространения ограничивается ионийскими колониями — Ольвией, Истрией, Томами и Аполлонией, в мастерских которых они и изготавливались. По его мнению, форма, имитирующая наконечники стрел, была выбрана в соответствии с возможностями местного населения реализации торговых обменов²⁶.

В отличие от А. Арическу и других румынских ученых Б. Димитров полностью отрицал возможность ориентации выпуска монет-стрелок на местное население²⁷. Находки монет-стрелок концентрируются вокруг греческих городов и не встречаются на территории расселения фракийцев. По его мнению, фракийские племена скирмианов, нипсов, мелапдитов, тинов и мелинофагов в VII—VI вв. до н. э. были малочисленными и занимали небольшие территории, что делает невероятным у них такое развитие товарно-денежных отно-

шений, которое предполагало бы литье собственной монеты. Заселение греками п-ва Атия, подтверждающееся находкой архаической статуи курса середины VI в. до н. э., позволяет отнести изготовление монет-стрелок к деятельности живших здесь греков, граждан полиса Аполлонии. Монеты-стрелки предназначались для внутреннего обращения полиса и этим ограничивали контакты с местным населением в VII—VI вв. до н. э. Находки ранней керамики не встречаются за пределами непосредственной округи Аполлонии, тогда как с V в. до н. э., когда начинает возникать Одрисское царство, торговля Аполлонии прослеживается по многим монетнымкладам. Возражение относительно того, что ионийские греки, знакомые с круглой монетой, не могли пустить в обращение деньги примитивной формы, снимается примером ольвийских дельфинов. Однако стреловидную форму денег он объяснял тем, что функции и роль денег как всеобщего эквивалента должны были быть лучше поняты торговыми партнерами греков — скифами и фракийцами, если деньгам будет придана утилитарная форма.

А. Вонсович решает вопрос о монетах-стрелках исходя из общей оценки формирования ольвийского полиса²⁸. Она отметила быстрое и динамичное развитие района Днепро-Бугского лимана во второй половине VI в. до н. э. К этому времени все поселения этого «микрорайона» обнаруживают экономическое и культурное единство. Основными занятиями жителей являлись земледелие, скотоводство и рыболовство. Это разделение труда привело к расцвету торговли и возникновению «премонет» — дельфинов и стрелок. Отметив дискуссионность происхождения и хронологии последних, она признает их появление во второй половине VI в. до н. э. на Березани, в Ольвии и каком-то центре Фракии.

Чрезвычайно путанные рассуждения относительно всего раннего монетного литья были высказаны А. Г. Загинайло²⁹. Он писал, например: «в среде местных племен Фракии и Скифии складывались предпосылки для изготовления литых бронзовых монет, пережиточно сохранявших вид тех или дру-

гих поделок. Таковы монеты в виде наконечников двухлопастных стрел, дельфинов или рыб, в виде колеса и наконеч полноценные литые монеты, выпускавшиеся в Ольвии»³⁰. Выходит, что складывавшиеся в среде местных племен предпосылки почему-то могли быть реализованы только греками. Если монеты-стрелки повторяли форму реальных наконечников, то как можно отнести дельфины к категории «пережиточно сохранившихся вид... поделок»? Точно так же изображение колеса вряд ли появилось на монетах как память о реальных колесах, а уж ольвийские ассы и сопоставить с какими-либо поделками невозможно. Его дальнейшие уточнения никак не помогают уяснить картину. Тезис о «раннем развитии межплеменного обмена» не подкреплен никакими доказательствами. Разделение труда у местных племен к VII в. до н. э. еще не достигло той ступени (выделения ремесла), которая неизбежно влечет за собой появление металлических денег. Вряд ли можно допускать, что денежное обращение греческих городов, их монетная система строились бы в расчете на приходящих торговать варваров (которых, судя по рассказу о Скиле, еще в V в. до н. э. в город не допускали).

В другой работе он попытался парировать широкую картину развития денежного обращения в данном регионе начиная с эпохи бронзы³¹. По его мнению, уже в эпоху бронзы слитки и бронзовые изделия становятся «специальными деньгами». Вряд ли с этим можно согласиться. Северо-Западное Причерноморье принадлежало к числу областей, импортировавших металл, который становился для местного населения потребительной стоимостью и не мог выполнять функции денег. Кочевые народы действительно первыми развивают у себя форму денег, однако этими деньгами является всегда и исключительно скот, но не металл. Не ясно, на каком основании он ставит отделение ремесла от земледелия у местных племен в зависимость от проникновения сюда греков? Последние, согласно всем данным, были заинтересованы в сырье, но не в изделиях местных ремесленников.

Весьма показательны его оценки ха-

рактера торговых связей греков с местным населением. Эта торговля, по его словам, «не долгие сохраняла безденежный характер», после чего он ссылается на находки ранних монет из греческих городов — Ольвии, Истрии, Аполлонии — и заключает, что «из этого не следует, будто торговля греков с местными племенами приобрела денежный характер»³², оставляя читателя в полном недоумении по данному вопросу. Обилие педоказуемых, спорных или ошибочных постулатов делает неприемлемой его оценку развития денег в Северо-Западном Причерноморье как в общем, так и в частности.

Представляет определенный интерес обзор изучения монет-стрелок американского нумизмата Г. Б. Уэллса³³. Автор знакомит западного читателя с этими изделиями «особого нумизматического класса» — внешним видом, весовыми данными, распространением находок, датировкой. Сам он склоняется к тому, чтобы признать их изделиями греческого производства. По его мнению, техника производства стрел у скифов была значительно выше, хотя это и не означает, что в техническом отношении греки уступали скифам. К числу нерешенных проблем он относит отсутствие анализов металла монет-стрелок и наконечников, неизученность локальных особенностей монет-стрелок, недостаточную ясность с теми видами денег, которые сменили монеты-стрелки в разных местах.

Э. Оберлендер-Тырновяну, описывая античные монеты из музея в Тульче³⁴, среди которых были и три монеты-стрелки (две из них происходят из клада, найденного в Журиловке в 1967 г.), приходит к выводу, что последние выпускались основными ионийскими колониями Северо-Западного Понта во второй половине VI — начале V в. до н. э. и использовались при торговых связях между городом и хорой, между городами и ионийскими поселениями региона. Он считает, что здесь возникла система «биметаллизма» при соотношении серебра и бронзы 1:180. Находки монет-стрелок концентрируются в районе древнего города Аргамум, неподалеку от Истрии, в

районе которого имеются медные руды.

Важные наблюдения над стратиграфией монет-стрелок из раскопок Томи были сделаны К. Скорпаном³⁵. Из 30 монет-стрелок 24 экз. были найдены в слоях VI в. до н. э., по 3 экз. в слоях первой и второй половины V в. до н. э. В то же время 28 литых монет с надписью ΓΣΤ и колесом поврону распределились в слоях первой — второй половины V в. до н. э.

Г. Поенару Бордя и Э. Оберлендер-Тырновяну опубликовали часть клада из Журиловки 1918—1919 гг., хранящуюся в музее г. Тульчи³⁶. Она состояла из предметов двух категорий — 24 наконечников стрел семи типов (штулки пяти наконечников оказались залитыми свинцом, что свидетельствует о преднамеренной монетизации изделий) и 157 монет-стрелок.

Авторы остановились также на ряде общих вопросов. Так, говоря о трех теориях происхождения монет-стрелок — скифской, фракийской (племена астов или гетов) и греческой, они отмечают, что первые две гипотезы трудно поддерживать. Присоединяясь к греческой теории, они, однако, считают, что монеты-стрелки выпускались для торговли с местным населением. По их мнению, нет уверенности в том, что монеты-стрелки появились до середины VI в. до н. э.; начало выпуска они относят к последней четверти VI в. до н. э., а прекращение — к рубежу первой и второй четверти V в. до н. э., допуская обращение их и после середины V в. до н. э. В заключение авторы пытаются определить соотношение монет-стрелок и серебряной драхмы. Безосновательно приравнивая гирю с Березани к оболу серебра (неизвестно, какую весовую систему они имели в виду), исследователи приходят к выводу, что драхма в бронзе весила бы около 180 г (40 стрелок). Получаемое ими при этом соотношение серебра к меди 1:30 абсолютно невероятно для столь раннего времени.

Последняя работа получила отклик со стороны Г. Б. Уэллса³⁷. Он принимает выводы авторов и признает, что стрелки образуют «неотъемлемую — и новую — главу в истории греческой

нумизматики», однако справедливо укоряет их в применении неадекватного термина «монеты-наконечники стрел» (*monnaies-points de flèche*), предлагая более точный — «наконечники-деньги» (*arrowhead-money*). При этом он отмечает два момента, не позволяющих признать эти объекты монетами — отсутствие на них знака или символа той власти, от имени которой они выпускались, и неопределенность (*assurance*) весового стандарта.

Широкий круг вопросов, имеющих отношение к данной теме, поднимался на первом и втором симпозиумах, посвященных проблемам греческой колонизации. На первом симпозиуме 1977 г.³⁸ прозвучала следующая оценка взаимоотношений греков и варваров.

1. Памятники эпохи бронзы в Нижнем Побужье относятся не позднее чем к X в. до н. э. (К. К. Марченко).

2. Из синхронных греческим памятникам варварского населения известно лишь одно фракийское поселение — Орловка на Нижнем Дунае (А. И. Мелюкова); в Нижнем Поднестровье таких памятников нет, гето-фракийские поселения лежат выше по Днестру (С. Б. Охотников).

3. Обмен греков с местным населением в VI—V вв. до н. э. был незначительным (Н. А. Лейпунская); появление греков в VI—V вв. никак не отразилось на кочевых скифах (А. И. Мелюкова); торговые связи с гето-фракийским населением в Поднестровье носили случайный характер и находились, по всей вероятности, на уровне натурального обмена, что определялось как неустоявшейся местной средой, так и недостаточным уровнем ее социально-экономического развития (С. Б. Охотников).

4. Варвары, присутствие которых в греческих городах, правда, ставится под сомнение (А. И. Мелюкова), не представляли однородного образования, туземная прослойка формировалась греками — «от общения и предоставления каких-то вполне конкретных хозяйственных выгод до покупки военнопленных и внешнеэкономического захвата или переселения людей с помощью кочевых скифов», иными словами, в VI в. «здесь

был создан искусственный слой населения (К. К. Марченко).

Выделяется мнение В. И. Пругло, считавшей, что поселения VI в. ольвийской хоры «в основе своей негреческие. Там в обиходе негреческие монеты-стрелки и дельфинчики»³⁹.

На втором симпозиуме 1979 г. о монетах-стрелках говорилось более подробно. Так, Л. В. Копейкина объясняла находки монет-стрелок на Березани наличием фракийской прослойки в составе населения. «Вероятно, под влиянием фракийской прослойки возникает и своя оригинальная весовая система в архаическое время» (имеются в виду гири. — В. А.)⁴⁰. Сама фракийская прослойка характеризовалась ею наличием лепной керамики (8—14 %) и скорченных погребений (20 из 800). Последнее, однако, вызвало возражения А. И. Мелюковой, которая отметила, что скорченные погребения ни в коем случае не являются «показателем присутствия на Березани скифского степного или лесостепного компонента», для которых «скорченные погребения совершенно не характерны. Они имеют место только у тавров Крыма»⁴¹.

Ю. Г. Виноградов на основании продемонстрированной Л. В. Копейкиной гири с изображением на оборотной стороне «настоящей стрелы» заключил, что реально обращались и наконечники стрел, что «в ольвийском граффито... речь могла идти как о монетах-стрелках, так и о самих стрелках. И вот это выводит данный момент на широкий ареал местного варварского окружения. Надо дифференцированно подходить к этому вопросу и не решать его прямолинейно, то есть, были эти стрелки греческие, скифские или фракийские»⁴². Оказывается, таким образом, что не нужно выяснять, достаточен ли уровень развития производства и обмена у местного населения для возникновения собственных денег, пренебрегая законами политэкономии, если хватает одной лишь греческой гири и греческого граффито, чтобы, пренебрегая и логикой, выйти «на широкий ареал» «варварского окружения» и затем, очевидно, определять любого варвара со стрелами как варвара с деньгами.

В последнее время были опубликова-

ны еще две немаловажные работы, посвященные монетам-стрелкам. В первой В. В. Рубан, картографировав находки монет-стрелок и дельфинов, приходит к выводу о том, что эпицентром концентрации и распространения первых является Березань, а вторых — Ольвия⁴³. Основываясь на отсутствии находок монет-стрелок на поселениях, возникших во второй половине VI в. до н. э., на наличии там дельфинов, он приходит к выводу, что выпуск и обращение литых стрел в Нижнем Побужье прекратились около середины VI в. до н. э. и что дельфины пришли на смену стрелкам. Это подтверждается отсутствием совместных находок монет-стрелок и дельфинов. Значение известного граффито снижается тем, что мы не знаем, как ольвиополиты называли свои деньги. Вероятнее всего, стрелки изготавливались на Березани, а дельфины — в Ольвии, куда монетная мастерская переместилась с Березани вместе с перемещением центра формирующегося полиса⁴⁴.

В другой статье публикуется сохранившаяся часть клада монет-стрелок, найденного у с. Каменка⁴⁵. Точное количество монет-стрелок, находившихся в кладе, неизвестно, сохранилось же и публикуется 14 экз. Наибольший интерес вызывает наличие среди стрелок Каменского клада орнаментированных экземпляров. Орнамент имеет вид трапеции или косых линий, отходящих от центрального стержня⁴⁶.

А. Г. Загинайло придерживается более ранней датировки монет-стрелок — конец VII — первая половина VI в. до н. э. Он основывается на датировке самых ранних двухлопастных наконечников стрел. Их обращение продолжалось, по его мнению, до конца VI — начала V в. до н. э., «а может быть и позже». Изложив основные точки зрения о происхождении монет-стрелок, он приходит к выводу, что однозначно этот вопрос еще не может быть решен.

В заключение обзора исследований о монетах-стрелках следует остановиться на специальной посвященной им работе итальянской исследовательницы С. Сорда. Изложив основные данные о монетах-стрелках: их бесспорном существовании в качестве денежных еди-

ниц, территории распространения, историю изучения, она подробно рассмотрела вопрос о весовом стандарте. По ее мнению, они выпускались в подражание реальным наконечникам, процесс производства монет-стрелок осуществлялся без учета метрологического фактора, а обращались они по счету, по не по весу. Возникновение обращения монет-стрелок она представляет себе следующим образом. Необходимость в средстве обмена возникает благодаря живой торговой активности греков. Однако греки только создали условия, которые вызвали потребность в возникновении меры стоимости. Милетяне вряд ли обратились бы к такому объекту, как стрела, неизвестному им в их практической деятельности, тогда как скифы и фракийцы были хорошо знакомы с их применением, кроме того, стрела была для них предметом почитания, священным объектом, посланным с неба. Именно свободные скифы-стрелки заинтересованные в торговле с греками, пустили в обращение стрелы⁴⁷.

Обзор историографии вопроса о монетах-стрелках показывает широкое расхождение во взглядах, объясняющих их происхождение. При этом ни одна из точек зрения не получила всеобщего признания и не имеет достаточных доказательств. Этому способствовали два обстоятельства — отсутствие достаточной методической базы, на которой основывалась бы та или иная точка зрения, и предвзятость или нежелание всесторонне рассмотреть аргументацию противников. Лишь избежавшись от этих органических недостатков, можно наметить пути объективного решения сложной проблемы монет-стрелок.

Типология монет-стрелок. Наиболее массовую разновидность монет-стрелок составляют узкие листовидные изделия, отлитые в двусторонних формах, напоминающие наконечники стрел, однако не имеющие втулки для древка и острия. Возможность видеть в них полуфабрикаты, заготовки для наконечников стрел или бракованные изделия полностью исключается из-за отсутствия примеров превращения этих изделий в наконечники и массовости производства —клады их насчитывают

до 2 тыс. экз. Эти изделия составляют основной тип (I).

В особый тип (II) следует отнести монеты-стрелки такого же образца, но снабженные дополнительными косыми нервюрами, отходящими от осевого ствола. Различается несколько разновидностей — по количеству, форме и расположению дополнительных утолщений, известных в основном по кладу из Каменки. К этому же типу, вероятно, следует отнести монеты-стрелки из Томи, рисунок которых, однако, не ясен⁴⁸.

Монеты-стрелки типа I являются, очевидно, более ранними, чем типа II, хотя наличие тех и других в кладе из Каменки говорит об их совместном существовании.

Кроме них известно еще несколько разновидностей монет-стрелок, представленных единичными неопубликованными экземплярами, которые свидетельствуют о дальнейшем развитии этого вида денег и приспособлении к новым условиям обращения.

К типу III следует отнести монеты-стрелки трех разновидностей с дополнительным знаком в виде колеса на одной стороне, напоминающего литые истрийские монеты (найдена на Березани), и с плоской стороной (найдена в Ольвии), а также с буквой А на одной, также гладкой, стороне (найдена в Ольвии, коллекция В. Л. Петридиса).

Тип IV составляют изделия, одна сторона которых имитирует монету-стрелку, а другая — дельфина или рыбу. Два таких изделия найдены при раскопках Керкинитиды в 1980 и 1981 гг., один — в Ольвии в 1979 г.

Монетизированные наконечники стрел. Клады из Журиловки 1918—1919 гг. и Еписалы содержали помимо монет-стрелок типа I также некоторое количество двух- или трехгранных наконечников стрел, часть которых имела залитые свинцом втулки и обломанные острия⁴⁹. Исследователи с полным правом видят в этом факте преднамеренную монетизацию изделий утилитарного назначения. На этом основании монетизированные таким образом наконечники стрел справедливо были выделены в категорию монетных находок из раскопок Истрии⁵⁰. Сам

факт монетизации наконечников, их соединение в кладах с монетами-стрелками позволяют утверждать, что древние четко различали изделия с потребительной и меновой стоимостью. Более того, основу этого различия они видели не в количестве и качестве металла, поскольку разницы между монетами-стрелками и наконечниками в этом отношении вряд ли была существенной. Точно так же, как между монетой и куском того же металла и веса имеется большое различие, прежде всего функциональное, именно такое же различие видели древние владельцы кладов между монетой-стрелкой и наконечником, причем последний мог быть превращен в монету-стрелку через утрату своей утилитарной функции.

Отсюда следуют два важных вывода. Во-первых, уровень развития денег, характеризуемый употреблением монет-стрелок, уже прошел ту стадию развития денег, на которой единственной мерой их являлся вес. Деньги уже обрели качественную определенность формы, то есть стали монетой. По этой причине к ним вряд ли применим термин «примитивные дельги», «наконечники стрел — деньги» (arrowhead money), их можно продолжать называть «монетами — наконечниками стрел» или менее точным, но привившимся термином — монеты-стрелки. Появление на них орнаментации и букв подтверждает то, что это именно монеты.

Во-вторых, преднамеренная монетизация боевых наконечников воздвигает непреодолимое препятствие к выходу через них на «широкий арсенал местного варварского окружения», на котором настаивал Ю. Г. Виноградов. Ни у каких варварских племен, окружавших Северо-Западное и Западное Причерноморье, подобные явления не наблюдаются, следовательно, все варварское окружение должно быть исключено из сферы денежного обращения.

Форма для отливки монет-стрелок. Единственная пока форма для отливки монет-стрелок, найденная на п-ове Атия в непосредственной близости от клада монет-стрелок, по описанию Т. Герасимова, представляла собой керамическую (но не камешную, как у некоторых авторов) плитку с несколь-

кими рядами углубленных изображений монет-стрелок. К сожалению, это описание было восстановлено по рассказам очевидцев находки много лет спустя, так что схема расположения стрел и литников не определяется.

Г и р и с и з о б р а ж е н и я м и м о н е т - с т р е л о к . В 1963 г. на Березани был обнаружен бронзовый предмет с выпуклым изображением монеты-стрелки на одной стороне и никак не объясненным издателем знаком на другой стороне весом 28,65 г, интерпретированный как гирька⁵¹. Некоторые сомнения в правильности этой интерпретации порождает неправильная форма изделия.

Аналогичный предмет был найден там же в 1978 г. (весом 39,75 г, не опубликован). По описанию, на нем изображены «три таких стрелки, соединенных как бы в один пучок»⁵². Изображение, надо признать, довольно-таки странное — стрелы в пучке, однако оно вполне объяснимо, если его связать с процессом отливки монет-стрелок — каналы для заливки металла действительно должны были бы связывать три отливаемых стрелки «как бы в пучок». До публикации этого изделия трудно решить, является ли оно бракованной неудачной отливкой, матрицей для производства глиняных форм, в которых должны были отливаться монеты-стрелки, или чем-нибудь иным, по исключению его из числа весовых гирь и отнесению к сфере производства монет-стрелок представляется весьма вероятным. То же самое следует сказать и о первом предмете.

Впечатление бракованного недозалитого изделия производит так называемая гирька с Березани, имеющая на одной стороне выпуклое изображение непонятного предмета, не являющегося однако монетой-стрелкой (сообщение В. В. Крапивной).

Г р а ф ф и т о . В 1962 г. при раскопках здания гимназия на ольвийской агоре был обнаружен скифос рубежа VI—V вв. до н. э. с граффито⁵³. Существуют два варианта чтения первой части надписи, согласно которым 10 или 11 наконечников стрел выступают в качестве платежного средства. Предположения о том, что под этим назва-

нием (*'árhois*) могут выступать настоящие наконечники (Б. Н. Граков) или дельфины (В. В. Рубан), представляются лишними основания благодаря наличию такой категории изделий, как монеты-стрелки, и обусловленными совершенно определенными концепциями их авторов.

Распространение монет-стрелок и их датировка. Постоянно увеличивающееся количество находок монет-стрелок в археологических комплексах, слоях икладах дает возможность определить время бытования их достаточно верно. Датировку целесообразно рассмотреть по основным районам распространения монет-стрелок.

Н и ж н е е П о б у ж ь е (х о р а Б е р е з а н и). Массовые находки монет-стрелок дают Березань и Ольвия, отдельные экземпляры встречены на ранних греческих поселениях этого региона — Заксова Балка, Куцуруб, Бейкуш, Большая Черноморка II, Каборга I, Викторовка I, клад их обнаружен в Камепке.

Березань. В. В. Лапин относил появление монет-стрелок ко времени не позднее середины VI в. до н. э., прежнее обращение — к концу VI в. до н. э. Эта дата обосновывается находками монет-стрелок в архаических слоях, однако точно датированных комплексов в литературе не приведено.

Ольвия. В. М. Скуднова на тех же основаниях отнесла монеты-стрелки к концу VI в. до н. э. Несколько находок последних лет имеют следующие даты: 1) по одной стрелке типа I найдено на участке АГД на полу полуземлянки № 13 вместе с тремя дельфинами в слое середины — третьей четверти VI в. до н. э. (1974 г.) и в слое первой половины V в. до н. э. (1979 г.); 2) монета-стрелка «гибридного» типа IV найдена на АГД в яме, заполнение которой датируется второй половиной V в. до н. э. (1979 г.).

Следует отметить также, что граффито с упоминанием монет-стрелок относится к рубежу VI—V вв. до н. э. *Заксова Балка.* Монета-стрелка типа I найдена в погребении, датированном рубежом VI—V вв. до н. э. в положении «обола Харона».

Нижний Дунай (хора Истрия).

Истрия. Монеты-стрелки типа I из раскопок Истрии 1914—1970 гг. (около 100 экз.) обнаружены в слоях второй половины VI в.

Енисава. Клад монет-стрелок находился в горле амфоры, датируемой концом VI — первой половиной V в. до н. э.

Обращение монет-стрелок в данном регионе относится к последней четверти VI — рубежу и второй четверти V в. до н. э. и, возможно, даже после середины V в. до н. э.

Томи. Из 30 монет-стрелок, найденных при раскопках, 24 обнаружено в слоях VI в., по 3 — в слоях первой и второй половины V в. до н. э.

Район Бургаса (хора Аполлония). Отдельные находки монет-стрелок в самой Аполлонии и ее окрестностях точных дат не имеют. Клад монет-стрелок, найденный на п-ове Атия, отпесец В. Канараке к VII—VI вв. до н. э.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что во всем Северо-Западном Причерноморье монеты-стрелки обращались в одно время во второй половине VI — начале V в. до н. э. Именно этим временем датируются монеты-стрелки наиболее распространенного типа I. Однако для них же намечается и несколько более ранняя дата — первая половина VI в. до н. э. Исследователи не исключают также возможности обращения монет-стрелок типа I во всей первой половине V в. до н. э. В пользу этой даты свидетельствует также наличие несомненно более поздних вариантов с орнаментацией, отдельными буквами и гибридных стрелок-дельфинов (типы II—IV), относящихся не ранее чем к середине V в. до н. э.

Топография находок монет-стрелок однозначно указывает на то, что основными центрами их обращения являлись ионийские колонии — Березанское поселение, Истрия, Томи, Аполлония, откуда они в незначительном количестве проникали и на прилегающие к ним поселения, которые также определяются как греческие.

Из сферы обращения монет-стрелок

полностью выпадает еще один важный узел ионийской колонизации в Северном Причерноморье — Боспор Киммерийский. Почему же, несмотря на общность происхождения, ведущую роль в Пантикапее культуры Аполлона Врача, как и в городах Западного Понта, значительно более опутимые контакты со скифами (согласно преданию, место для основания Пантикапея было предоставлено грекам скифским царем Агаэтом), здесь не возникло обращение монет-стрелок? Объяснение этому может быть только одно — в этом районе денежное обращение и чеканка, возникшие позднее, чем на Западе, во второй половине VI в. до н. э. базируются на драгоценном металле — серебре. Но это говорит не только и не столько о том, что скифы (и другие варвары) с их якобы деньгами в виде наконечников стрел оказались полностью вне денежного обращения. Развитие денег в этом районе ясно показывает, что формирование его может быть связано только с греческим населением и предназначалось только для него самого, а не в расчете на окружающих варваров. Поэтому тот вид и та форма денежных знаков, которые сформировались в данном месте, явились результатом творчества самих греков и вне влияния (экономического) варваров. Все сказанное по поводу греков Боспора Киммерийского в полной мере можно отнести и к грекам Западного и Северо-Западного Причерноморья.

Подтверждающим эту точку зрения фактом является полное отсутствие находок монет-стрелок на территории собственно варварского населения. Также ничем не может быть подтверждено предположение об использовании скифами и фракийцами монет-стрелок в контактных зонах. Нельзя не заметить по этому поводу, что контактная зона странного образом ограничивается только городами и их ближайшими округами Северо-Западного и Западного Понта, то есть той греческой территорией, которая употребляла монеты-стрелки в качестве денег, как будто соседние греки в таких контактах не были заинтересованы или их не развивали.

Более того, в истории денег известно немало примеров, когда стоящий на

более низкой ступени экономического развития народ соприкасается с более высокоорганизованным обществом, знающим денежное обращение и монету. Если этот менее развитый народ достиг соответствующего уровня развития, соприкосновение с высокоразвитым народом служит толчком к возникновению у него собственной монеты. Такова основа всех варварских чеканок огромной периферии античного мира от Испании и Галлии на западе до Индии на востоке, так принимали римские денарии на той же территории в первых веках н. э. и арабские дирхемы в IX—X вв. Но во всех без исключения случаях заимствуемые монеты или монеты собственной, варварской чеканки получали распространение отнюдь не в контактных зонах, но главным образом в самом материке местного населения, чего как раз нельзя сказать относительно монет-стрелок в якобы употреблявших их скифов или фракийцев.

Вряд ли заслуживает внимания предположение о связи выпуска монет-стрелок с варварской прослойкой в составе населения греческих городов и поселений⁵⁴. Характеристика этой прослойки (по археологическим данным), состоявшей из скифов, фракийцев, тавров, а также из представителей «очень отдаленных районов Причерноморья и Средиземноморья»⁵⁵, по существу искусственно созданной греками, не оставляет сомнений в том, что она не могла быть иницирующим элементом из-за ее разнородности и зависимости от греков.

Основные моменты развития чеканки в Малой Азии. Общая картина развития монетного дела в Северо-Западном Причерноморье будет неполной без ознакомления с основными закономерностями развития чеканки в Малой Азии, откуда направлялся поток колонистов. Это тем более необходимо по той причине, что большая часть исследователей, писавших о монетах-стрелках, незнакома с той нумизматической ситуацией, которая имела место в Ионии в VII—VI вв. до н. э. согласно новейшим данным.

Исходным моментом для понимания этой ситуации служит комплекс монет, обнаруженных при раскопках Британ-

ского музея в Эфесе в 1904—1905 гг. Этот комплекс, состоявший не менее чем из 93 электровых монет, происходит из основания (Central Basis), на котором покоился храм Артемиды. Там же были найдены ювелирные изделия и украшения из золота, электра, серебра и бронзы, статуэтки из кости, скарабей и пр.

Вещевая часть находок была тщательно проанализирована с целью определения даты самих монет, которые резонно рассматривались как синхронные основной части вещей. Наибольшее количество изделий относится к VII в. до н. э., очень немногие несколько более поздние и лишь одна, возможно, принадлежит VIII в. до н. э. Весь этот комплекс votивных пожертвований в храм Артемиды может быть датирован по верхней дате самым началом VI в. до н. э.⁵⁶

Состав нумизматических находок показывает, что не все они являются монетами в полном смысле слова — часть из них вообще не имеет изображений. Более того, среди них имеются экземпляры, которые представляли ряд последовательно сменяющих одна другую стадий развития чеканки — слиточки металла унифицированного веса, но без изображений, такие же слиточки с надчеканкой на одной стороне, выполнявшей функцию проверки металла, затем слитки, надчеканивавшиеся на рифленной поверхности, предохранявшей от соскальзывания при ударе; такие же слитки, чеканившиеся на рифленной поверхности, но с вырезанным в ней изображением, и наконец чеканенные на поверхности (штемпеле) с изображением, но без рифления, то есть нормальные монеты. Таким образом, находки в Артемисионе представляют «яркий образец денег, действительно находившихся в обращении к тому времени, когда они были заложены, а значительная доля тех экземпляров (в иных случаях исключительно редких), которые представляют стадии, непосредственно предшествующие самой чеканке, заставляет сделать заключение, что мы находимся очень близко ко времени ее открытия»⁵⁷. Далее С. Робинсон заключает, что если эти находки могут быть датированы примерно 600 г. до н. э., то

открытие чеканки имело место поколением ранее.

Важным аргументом в пользу такой реконструкции является принадлежность абсолютного большинства монет (за исключением двух) к одной — милетской — весовой системе (вес статера составлял 14,1 г)⁵⁸. Другой важной чертой монет из Артемисиона является обилие типов — наибольшее количество монет имеет изображение головы льва в профиль или лапы льва, кроме них есть монеты с изображениями петухов, голов козла, лошади, грифона, быка, оленя, тюленя, человека, жука и др.⁵⁹

Эта уникальная находка исключительно важна для датировки и понимания начального этапа монетного дела древнего мира. В настоящее время большая часть ученых склонна считать, что чеканка зародилась не ранее середины VII в. до н. э., то есть намного позже, чем считалось до этой находки. Относительно точной даты ученые расходятся во мнениях, хотя и незначительно: С. Робинсон — около 630 г., К. Крэй — около 650 г.⁶⁰, М. Прайс и Н. Вэггонер — около 640 г., с возможным повышением до последней четверти VII в.⁶¹ Значительно более ранней даты начала чеканки придерживается Л. Вейдауэр, которая датирует монеты примерно 680 г., а слиточки без изображений — началом VII в. до н. э.⁶², однако ее точка зрения вызвала обоснованные возражения⁶³.

Обилие монетных типов, которые лишь в редких случаях могут быть объяснены, и то с недостаточной долей уверенности, как городские эмблемы (из всей находки в эфесском Артемисионе лишь одна монета предположительно отнесена к самому Эфесу), приводит к предположению о принадлежности эмблем правителям, тиранам или магистратам, а может быть, даже бакирам или купцам⁶⁴. Редкие имена на ранних монетах, считавшиеся ранее именами лидийских царей, принадлежат, возможно, монетариям⁶⁵. Оба этих заключения в значительной мере подрывают господствовавшее ранее представление о царской прерогативе чеканки монет, по крайней мере на самом раннем ее этапе.

Что же касается Милета, то выпуск

им электровых монет определяется лишь предположительно. Ему приписывается ряд типов монет из эфесской находки — слитки с рифлением, с изображениями льва с повернутой назад головой, дельфина, протомы лошади, крылатого демона, быка, двойного горгонейона и других, датированных не ранее самого начала VI в. до н. э.⁶⁶

Материковая Греция начала чеканку монет значительно позже. Анализ кладов серебряных монет позволил значительно «омолодить» выпуски основных центров. По мнению М. Прайса и Н. Вэггонер, выпуск монет в Афинах, Коринфе и на о-ве Эгина начался не ранее 550 г., так что чеканка Креза (560—545), состоявшая из золотых и серебряных монет («крезидов»), должна рассматриваться как первый опыт выпуска серебра, что, считают они, хорошо согласуется со свидетельством Геродота (I,94)⁶⁷.

Греческая колонизация и зарождение денежного обращения. Картографирование находок монет-стрелок показывает, что основными центрами их распространения являлись Аполлония, Истрия и Березанское поселение. Аполлония на юге и Березань на севере, вместе с их округами являются крайними точками западного берега Черного моря, за пределами которых монеты-стрелки не встречаются*. Истрия же находится примерно на середине пути между ними. Довольно значительное количество монет-стрелок дают также раскопки Томи.

Если ограничиться тремя указанными пунктами, то есть Березанским поселением, Истрией и Аполлонией, то нетрудно заметить в ряд других общих моментов, сближающих эти центры. Прежде всего, они являются, несомненно, древнейшими греческими колониями в данном районе. Согласно литературным данным, Истрия была основана около 657 г., Березанское поселение (Борисфен) — около 647 г., Аполлония — около 610 г. Все они являлись милетскими апоикиями. Ранняя дата и общность происхождения хорошо под-

* В 1982 г. три монеты-стрелки найдены при раскопках Керкинитиды.

черквиваются одинаковым топографическим положением каждого из трех пунктов — на островах (Аполлония, Истрия) вблизи материка или на полуострове (Березань), на подходе к крупнейшим водным артериям — Истру и Борисфену, по которым они и были названы. Остальные колонии как ионийские, так и дорийские, основывавшиеся на материке, относятся уже к следующим этапам колонизации Западного и Северо-Западного Понта.

Основное или полуостровное положение первых поселений не могло не ограничивать их хозяйственную деятельность. К тому же новые колонисты не могли быть оторванными полностью от социально-экономических условий метрополии, поэтому возникновение денежного обращения у них еще в VII в. до н. э. вряд ли можно предполагать.

Благоприятные условия для этого могли возникнуть лишь в первой половине VI в. до н. э., когда начинается освоение противолежащих территорий на материке. К этому времени, в частности, относится основание сельских поселений по берегам Бугского и Березанского лиманов.

Основу экономики этих поселений, как и в районе Истрии, составляло, несомненно, земледелие, дававшее основные продукты питания. Существенную роль играли скотоводство и рыболовство. Для района Нижнего Побужья намечается выделение поселений сезонного характера, специализировавшихся на двух последних отраслях хозяйства. В то же время находившиеся в процессе становления городские центры невозможно представить без развитого ремесленного производства — керамического и металлообрабатывающего.

Удельный вес каждой отрасли хозяйства не везде, вероятно, был одинаков и зависел от многих факторов. Ближайшая округа Аполлонии была мало пригодна, в отличие от Нижнего Побужья, для занятий земледелием и скотоводством, однако там имелись богатейшие залежи медной руды, интенсивная эксплуатация которых на протяжении всего античного времени составляла, по-видимому, основу экономики города, тогда как в Нижнем Побужье залежей

металлов нет. Благодаря этому обстоятельству, а также вследствие стремления к получению избыточной продукции, являющегося законом для всякого товарного производства, появилась устойчивая база для развития товарно-денежных отношений, появления монеты. К началу VI в. до н. э., как было показано выше, в обращении Малой Азии уже находились достаточно многочисленные типы ранних электровых монет, с которыми греческие поселенцы Северо-Западного Причерноморья должны были быть знакомыми. Надежным свидетельством этого является денежно-вещевой клад, найденный на Березани, в состав которого входили статер и три трите милетской системы, который можно датировать первой половиной VI в. до н. э.⁶⁸

Разработки меди велись также и в округе Истрии, что при отсутствии других металлов в прибрежной полосе Понта от Аполлонии до Березани выдвигало этот металл в качестве основного при создании местной денежной системы.

Следует отметить еще один момент. Торговля не обязательно влечет за собой введение монеты. Многие города, в том числе и причерноморские, вообще не чеканили собственной монеты или начали ее выпуск сравнительно поздно, что вряд ли можно объяснить отсутствием внутренней или внешней торговли. В данном случае важно проследить путь образования товарных ценностей у экспортера, выделавшегося из местной греческой среды. Имущественное положение переселенцев, особенно на раннем этапе, вряд ли характеризовалось резкой дифференциацией. Крупные земельные владения, которые обеспечивали бы сбор большого количества товарного зерна, для того времени должны были быть исключены. Остается допустить, что основными поставщиками товарной продукции была вся масса поселенцев, сдававшая часть производимой ими продукции скупщикам, и эти малые ручки составили в конце концов тот поток хлеба, который устремился в Грецию и Малую Азию. А для расчета с мелкими хозяйствами, дававшими столь незначительное количество товарной продукции, что само-

стоятельное ведение ими торговых операций исключалось, требовалась и соответствующая валюта, обладавшая незначительной стоимостью. Для этой функции лучше всего подходила медь, добывавшаяся в данном регионе. Таковы параметры денежной единицы, которая должна была здесь возникнуть.

Прежде чем сделать окончательный вывод о возникновении монет-стрелок в греческой этнической среде и обратиться к анализу ее необычной формы, попытаемся оценить возможность возникновения их в местной среде, у фракийцев или скифов.

Начнем с Фракии. Выше уже отмечалось, что клад монет-стрелок и отдельные находки (в том числе в погребениях, в соответствии с греческим обычаем снабжения покойника «оболом Харона») сконцентрированы вокруг античной Аполлонии, на территории Фракии они не встречаются. Исключением составляет групповая находка у с. Арчар (округ Видин, крайний северо-запад Болгарии), определение места которой поставлено под сомнение самим автором⁶⁹.

Весьма показательную картину дает история металлургии меди на территории современной Болгарии. Расцвет ее приходится на эпоху меди — бронзы. Начиная с XI в. до н. э. высоко развитое производство бронзовых орудий угасает. Как отмечает Е. Н. Черных, «материалы последующего времени настолько ничтожны, что мы вправе поставить вопрос о практически полном прекращении здесь металлообработывающего производства»⁷⁰. Автор считает, что регресс производства, характерный для всей Карпатской зоны, сильнее всего сказался на ее юго-восточной периферии (то есть территории Болгарии). Таким образом, для данного региона говорить о какой-либо преемственности в обращении металла между эпохой поздней бронзы и греческой архаикой не приходится, поскольку их разделяет не менее чем пять столетий.

Возобновление разработок медных месторождений связано с античным временем. Вопрос о том, кем велись эти разработки, автором не акцентируется, однако косвенным путем он решается вполне однозначно — во-первых, из

103 месторождений меди только одно, у с. Прохорово, имело неподалеку фракийское поселение IV—III вв. до н. э. (эксплуатация руд фракийцами не доказана, к тому же на месте поселения обнаружена керамика эпохи неолита), во-вторых, наибольшая по количеству месторождений (50) и наиболее интенсивно разрабатывавшаяся Страджинская группа связана именно с Аполлонией. Е. Н. Черных рисует впечатляющую картину добычи руды и выплавки меди в этом районе. Здесь были обнаружены и разрабатывались практически все месторождения. Зафиксированы многие сотни выработок, достигавшие глубины 110 м. Производившаяся здесь же выплавка меди оценивается сотнями тысяч тонн (для античного и средневекового времени). В 3 км от рудника, близ мыса Атия, связанного с находкой клада монет-стрелок, обнаружен «громадный поселок металлургов эллинистического времени».

Расцвету металлургии способствовали изобилие медных руд, наличие густых лесов и близость к берегу моря, облегчавшая вывоз металла. В то же время он отмечает малочисленность населения из-за неблагоприятных условий для земледелия и скотоводства. Отдельные случайные находки способны «только подчеркнуть удивительное безлюдье Страджи по сравнению с Нижнефракийской равниной или же Северной Болгарией... Определенная сеть поселков появилась в античное время... после открытия меднорудных месторождений. Основное занятие этого населения связано с горно-металлургическим производством»⁷¹.

Таким образом, начало разработок в районе Страджи, как и расцвет здесь металлургии, можно связать только с приходом греков и основанием Аполлонии. Правда, Е. Н. Черных чаще всего дает самую общую датировку следов производства («античное время»), редко указывая более конкретные даты — как правило, не ранее II—I вв. до н. э. Можно думать, что широкие археологические исследования позволят выявить материалы, синхронные ранней Аполлонии и найденному неподалеку от нее кладу монет-стрелок,

ошибочно датированному Т. Герасимовым IV—III вв. до н. э.

Выплавка меди греками должна была, прежде всего, удовлетворять пужды собственного ремесла. Несомненно также, что значительная часть полученного металла предназначалась для торговли. Анализ металла монет-стрелок показывает, что они изготовлены из сплава, искусственно легированного оловом и свинцом, следовательно, они относятся к категории специализированных изделий, а не слитков металла, предназначавшихся для продажи. Правда, последняя функция еще не была ими утрачена, как показывает состав одного из кладов, включавший помимо монет-стрелок и монетизированных наконечников бесформенный слиточек, скорее всего литник. Основным же назначением монет-стрелок являлось выполнение роли денежных знаков, и конечно же, в той среде, в которой они были изготовлены.

Предположения о какой бы то ни было ориентированности выпуска монет-стрелок на фракийцев представляются ничем по обоснованными. Не доказаны употребление ими наконечников стрел в качестве денег вообще и в данном регионе в частности, денежный характер торговли греков с фракийцами в VI — первой половине V в. до н. э., да и сами торговые связи этого времени прослеживаются здесь слабо. Теория употребления монет-стрелок фракийцами в так называемых контактных зонах представляется спекулятивной, поскольку эти зоны были освоены прежде всего греками. Еще более несостоятельна теория выпуска монет-стрелок в расчете на искусственно созданный слой варварского населения в городах, представлявший в своей массе зависимое население.

Обратимся к району Нижнего Побужья и Скифии. Широкое распространение вещей греческого, в том числе ольвийского производства, начиная с VI в. до н. э. идет на фоне полного отсутствия каких бы то ни было денежных знаков. Устойчивое употребление денег в лесостепной полосе Украины и России относится лишь к первым векам нашей эры. Стройные на первый взгляд теоретические построения С. Сорды,

рисующие становление наконечников стрел в качестве денег, начиная с мифологических представлений о ниспадавшем луке небесах, уязвимы прежде всего в том плане, что она отказывается от анализа экономических условий возникновения денег и целиком перемещает эту сложную проблему в сферу духовной жизни. Но главное заключается даже не в этом. Она и многие другие авторы, изопрываясь в попытках отыскать корни происхождения денег столь странной формы вне греческого мира, материального и духовного, упускают из виду другой феномен — ольвийские дельфины. Если монеты-стрелки находят себе опору в реальных наконечниках стрел скифов, то дельфин абсолютно чужд как скифскому быту, так и скифской идеологии. Только имея в виду эту пару — монеты-стрелки и дельфины — и исходя из их тесной связи между собой, основанной на общем происхождении в единой этнической среде — греческой — можно придти к удовлетворительному ответу на многие спорные вопросы, связанные с теми и другими.

Распространение монет-стрелок в районах ионийских колоний — Аполлонии, Истрии и на Березани, с одной стороны, и выпуск дельфинов в Ольвии — с другой, заставляют обратиться к поиску той общей основы, которая обусловила выпуск и обращение монет-стрелок, и дельфинов.

Исходя из разной формы этих знаков, мы можем предположить, что породившие их условия существенно отличались.

Если говорить о дельфинах, то уже давно была замечена их связь с культом Аполлона Дельфиния, наиболее почитаемого божества Ольвии⁷². Допуская зависимость формы дельфинов от культа Аполлона Дельфиния, мы должны признать зависимость формы монет-стрелок от культа Аполлона Врача, основного для пантеона ионийских колоний Западного Понта, в том числе Аполлонии, Истрии и Березани. Интересно отметить и такое обстоятельство — культ Аполлона Врача получил значительное распространение и в Ольвии, о чем говорят находки надписей и посвященных граффити и чему

соответствуют находки монет-стрелок, тогда как культ Аполлона Дельфиния, как и дельфины, распространены только в Ольвии.

Различие в культах Аполлонии, Истрии, Березани и Ольвии обусловлено конкретным ходом колонизации данного региона. Вся ионийская колонизация шла как бы под «знаменем» и покровительством Аполлона, который во время переезда к месту поселения укрощал бури своими стрелами, «отвечая» за хорошую погоду, благополучное плавание и высадку⁷³. В равной степени Аполлон покровительствовал и производственной деятельности, в том числе земледелию, скотоводству и ремеслу, хорошо известны также представления о его целительных и губительных функциях. Важное место занимал Аполлон в упорядочении, оформлении, организации социально-политических отношений, морали, искусства и религии.

Роль Аполлона в ионийской колонизации Понта Эвксинского должна была быть особенно значительной ввиду его связи с мифическим народом гиперборейцев, которые «настолько тесно связаны с Аполлоном и Артемидой, что без этих божеств и вне их никогда и не мыслились в античности»⁷⁴. Согласно Страбону, древние греческие писатели называли гиперборейцами, савроматами и аримаспами всех, живших выше Понта Эвксинского, Истра и Адриатического моря [Strabo, XI, 6, 2]. Гиперборейцы представляются народом, «в котором наиболее ярко отражается сам Аполлон... наиболее ему угодный... среди которого он больше всего любит пребывать и в котором больше всего осуществляются все его предначертания»⁷⁵. Интересно отметить связь гиперборейцев с добычей меди — от них на Делос были доставлены слитки меди, дождь у них идет медными каплями, которые подметаются [Strabo, XV, 1, 57]. В этом, возможно, отразились какие-то реальные связи с металлургием севера, в которых вовсе не обязательно видеть мифических гиперборейцев — гиперборейскими называли места и в самой Греции, где наиболее был распространен культ Аполлона, в том числе Делос, Дельфы, Локры, Фессалия и другие области⁷⁶. К грекам, мо-

жет быть, следует относить и гиперборейцев, живших у берегов Истра, упоминаемых Пиндаром (Ол. 3, 10—35).

Обращает внимание теснейшая связь стрелы с Аполлоном — во многих мифах он выступает прежде всего как стрелок, но его стрелы выполняют не только губительную, но и целительную функцию. Гипербореец Абарис оперирует «в борьбе с разными бедствиями стрелой Аполлона. Стрела здесь — типичный хтонический и фетишистский символ, в котором сплелись самые разнообразные представления о животворящих и дезинфицирующих лучах солнца, о магическом жезле или палочке, а также и об оружии для стрельбы»⁷⁷.

Теперь трудно, конечно, установить, каким комплексом представлений о многогранном образе Аполлона руководствовались колонисты, определяя Аполлона Врача своим основным божеством. Возможно, на их выборе сказались конкретные климатические и демографические условия новых мест обитания, например большая значимость климата. В любом случае, однако, стрела, то есть наконечник стрелы, может быть признан атрибутом Аполлона Врача, как нельзя лучше выражающим его охранительные функции, что и определило выбор поселенцами данного предмета в качестве формы для своих первых денежных знаков. В рецензии на одну из нумизматических работ Э. Климовски писал: «Кажется, что происхождение денег в VI в. до н. э. и их развитие обязано больше желанию греков выразить политическую и религиозную мысль в подходящей физической форме»⁷⁸. Появление в Западном и Северо-Западном Причерноморье монет в виде наконечников стрел и дельфинов подтверждает эти слова.

Нет ничего удивительного и загадочного в том, что прототипом для этих «стрел Аполлона» послужили реальные наконечники стрел скифов и других северных народов — ведь это и были те самые гиперборейцы, любимый народ Аполлона, почитающий его, которых он посещал и у которых спрятал свою стрелу после убийства циклопов, сквавших для Зевса молнию.

Такая или примерно такая ситуация имела место в Нижнем Побужье в пер-

вой половине VI в. до н. э. Основным центром, имеющим характер полиса, являлось Березанское поселение. Население его составляли выходцы не только из Милета, но и других центров материковой и островной Ионии⁷⁹. Благоприятная ситуация позволила березанцам начать освоение материка. В первой половине VI в. до н. э. в прибрежной полосе Нижнего Побужья был основан ряд поселений, в числе которых, вероятно, находилось и поселение на месте будущей Ольвии. Их жители были знакомы в той или иной мере с монетами-стрелками, о чем говорят находки этих изделий в Ольвии и на поселениях Закисова Балка, Купуруб, Бейкуш, Большая Черноморка II, Каборга I.

В середине VI в. до н. э. положение в Малой Азии резко изменилось. Разгром персами Лидии и Ионии в 545 г. вызвал новую волну переселенцев, часть которых устремилась на уже обжитые земли северного берега Понта, избрав местом поселения территорию будущей Ольвии. Новая группа переселенцев состояла, по-видимому, исключительно из жителей Милета. Об этом можно судить по распространению уже с V в. до н. э. культа Аполлона Дельфиния⁸⁰, и договору об исполнении Милета и Ольвии⁸¹. Именно милетское происхождение новых поселенцев, представлявших, видимо, к тому же значительный экономический, демографический и военный потенциал, позволило им обособиться как в религиозном, так и в политическом отношении, вероятно, уже в третьей четверти VI в. до н. э. Ольвия начала выпускать собственную монету в виде дельфинов. Более того, Ольвия начала развиваться такими быстрыми темпами, что в первой четверти V в. до н. э. смогла занять доминирующее положение во всем регионе, опередив Березань, например, по выпуску полисной монеты — литых ассов.

Реконструируемый по археологическим данным ход колонизации Нижнего Побужья позволяет связать возникновение денежного обращения с экономическим развитием греческого населения и объяснить странные, на первый взгляд, формы денежных знаков в виде

накопечников стрел и дельфинов особенностями его религиозных представлений или даже уровнем этно- и географических знаний о Северном Причерноморье.

Характер выпуска монет-стрелок. Авторы публикаций постоянно отмечают многообразие вариантов монет-стрелок основного типа, без дополнительных украшений, обусловленное различной типологией изделий, а также техникой их изготовления. Однако эта особенность рассматривается ими лишь в часто классификационном аспекте. Между тем разнообразие вариантов позволяет поставить вопрос о децентрализованном производстве монет-стрелок. При этом имеется в виду не только естественное предположение о выпуске монет-стрелок в различных центрах — Аполлонии, Истрии, Березани и, может быть, других, — но также и о децентрализации в пределах каждого из возможных центров их производства. Этот последний вывод основан на том факте, что монеты-стрелки, найденные в комплексах разных центров, не однородны ни в типологическом, ни в техническом аспектах⁸².

Многочисленные варианты монет-стрелок основного типа (любого из центров) не обнаруживают и единой линии развития, которая могла бы выражаться в постепенном видоизменении, усовершенствовании, упрощении или, наоборот, усложнении типа, то есть всего того, что характеризует деятельность любого монетного двора. Отсюда следует, как нам кажется, единственно возможный вывод о частном, а не государственном характере выпуска монет-стрелок. Архаический облик монет-стрелок согласуется с предположением о выпуске их частными лицами, не решавшимися вносить в их внешний вид какие-либо принципиальные изменения. Легкость изготовления монет-стрелок ремесленниками и находка литой формы за пределами Аполлонии, на п-ове Атия также делают это предположение обоснованным. К этому следует добавить, что на раннем этапе колонизации органы государственного управления вряд ли были достаточно дифференцированы, да и экономические возможности в это время были

недостаточны для организации государственного выпуска монет.

Механизм выпуска монет-стрелок, как и вообще зарождения чеканки в Древней Греции, являющегося до сих пор предметом споров, во многих деталях остается неясным. Одним из наименее спорных вопросов является их связь с культом Аполлона Врача, однако это относится главным образом лишь к форме изделий. Весьма вероятно первоначальное употребление монет-стрелок в качестве тотемов. Бесспорен вопрос о выпуске их специалистами-ремесленниками по литью бронзы. находка формы для отливки монет-стрелок на п-ове Атия, вместе с самими стрелами, неподалеку от месторождений меди, как массовые клады монет-стрелок в районе Журиловки, кажется, дают основание считать ремесленников экономически и политически самостоятельной прослойкой населения, занимавшейся их производством. Монеты-стрелки, вероятно, составляли лишь часть их продукции и изготовлялись по заказ для тех лиц, которые нуждались в больших количествах мелкой разменной монеты для скупки товаров у мелких поставщиков продукции. Реальная стоимость металла этих слитков, легкость превращения их в любые другие бронзовые изделия, постепенно складывающиеся рыночные отношения, развитие функция денег как средства платежа при достаточной широкотерритории их употребления создавали прочную основу для функционирования монет-стрелок в качестве средства обращения.

Соотношение монет-стрелок и электра. Хронологически монеты-стрелки соответствовали раннему малоазиатскому электру и по мере развития торговых связей с Малой Азией между ними должен был установиться определенный обменный курс, в основе которого лежало радио монетных металлов, существовавшее в то время, то есть в первую половину VI в. до н. э.

Электровой монетой, противостоявшей монетам-стрелкам, с наибольшей вероятностью следует признать статер милетской системы и его фракции⁸⁵. Это вытекает из большой популярности милетской (или лидийской) си-

стемы в Ионии в конце VII — первой половине VI в. до н. э. и подтверждается недавней находкой статера и трех трите в составе Березанского клада 1975 г.⁸⁴ и крайней редкостью находок кизикинов I хронологической группы (первая половина VI в. до н. э.) в Причерноморье⁸⁵ — завоевание причерноморского рынка кизикинами началось, вероятно всего, не ранее первых десятилетий V в. до н. э.

Весовая норма статера милетской системы составляла 14,1 г⁸⁶. Состав электра, естественного сплава золота и серебра, был неодинаковым, как показывают точные анализы монет. Полное отсутствие данных о различной котировке наиболее популярных в древности кизикинов дает основание полагать, что существовало некое общепризнанное (хотя и ошибочное) представление об устойчивом соотношении в их составе золота и серебра. Ранее нами было показано, что электр кизикинов мог рассматриваться как сплав, состоящий из 52 % золота и 48 % серебра⁸⁷. Можно думать, что металл остальных малоазиатских монет (за исключением гект Фокеи и Митилевы, чеканившихся согласно договору из металла заданной пробы) оценивался так же.

Нормальным радио золота и серебра для VI в. до н. э. считается 1 : 13¹/₃. Именно в соответствии с этим радио Крез начал свою биметаллическую чеканку. При таком радио милетский электровый статер приравнивался 104,48 г серебра [7,33 г (52 % золота) × 13,33 + 6,77 г (48 % серебра)]. Отсюда радио электра и серебра составляло 1 : 7,41 (104,48 : 14,1).

Бронза, из которой отливались монеты-стрелки, также является не чистым металлом, а сплавом меди и олова (иногда и свинца). Из 28 монет-стрелок с Березани, подвергшихся спектральному анализу (сообщение С. Я. Ольговского) 4 экз. имеют примесь олова менее 1 %, 10 — от 1,1 до 3 % (9 экз. — от 3,7 до 5 %, 4 экз. — от 6,5 до 8 %, 1 экз. — 10 %). С учетом большей ценности и выгораемости олова при плавке исходное количество добавки олова следует искать, на наш взгляд, среди наиболее высокого процента (в пределах 7—10). Мы определяем эту добавку

предположительно как 1/12, то есть 8,33 %.

Наиболее ранняя из известных цен на олово и медь относится к концу V в. до н. э. (Афины)⁸⁸. Цены на эти металлы составляют соответственно 230 и 35 драхм за талант. Таким образом, талант бронзы, состоящей из сплава 8,33 % олова и 91,67 % меди, должен был стоить 51,24 драхмы, что дает нам радио серебра и бронзы равное 1:117. Отсюда определяется радио электра и бронзы — 1:967. Следовательно, милетский статер весом 14,1 г приравнялся 12,224 кг бронзы.

Попытаемся определить, какому количеству монет-стрелок мог соответствовать электровый статер милетской системы. Известно, что он делвался на фракции вплоть до мельчайших в 1/96 статера. Этой мельчайшей фракции весом 0,15 г соответствовало по стоимости 127,34 г бронзы. Весовая норма монет-стрелок определялась по-разному. Так, К. Преда и Х. Нубар называли ее в пределах 4,5—6,5 г. Г. Поэнару Борди и Э. Оберлендер-Тырновану считали ее равной примерно 4,5 г, но, возможно, и в пределах 5,11—5,40 г. Согласно А. Арцеску наиболее частые веса 5 и 5,2 г должны указывать на весовую норму. Б. Н. Граков считал в качестве весовой нормы среднearифметический вес 4,5 г. Таким образом, невзирая на расхождение, большая часть исследователей, оперировавших весами монет-стрелок, помещает весовую норму в пределах около пяти граммов. Это позволяет предположить равенство 1/96 статера 24 стрелкам, получаемый при этом теоретический вес монеты-стрелки 5,3 г не противоречит приведенным выше определениям. Используя полученный результат, можно установить количественное соотношение монет-стрелок и других номиналов электровых монет, вплоть до статера.

Монет-стрелок по 5,30 г

Статер (14,1 г) —	2304
1/2 статера —	1152
1/3 статера —	768
1/4 статера —	576
1/6 статера —	384
1/12 статера —	192
1/24 статера —	96
1/48 статера —	48
1/96 статера —	24

Некоторым подтверждением определенной достоверности полученных данных могут служить наблюдения над количеством монет-стрелок в кладах. К сожалению, таких целых комплексов сохранилось немного. В их числе клад из Бишины 1979 г., состоящий из 568 монет-стрелок и 101 боевой стрелы, представляющих суммы в 1/4 и 1/24 статера⁸⁹, групповая находка (24 экз.) 1909 г. в Ольвии⁹⁰, равная 1/96 статера. Сумма в 1/48 статера обосновывается несколькими случаями, это клад неизвестного происхождения из 51 монеты-стрелки и 2 дельфинов⁹¹, клад из Констанцы 1973 г., состоящий из 54 монет-стрелок и 28 литых монет с надписью IΣT⁹², клад из Еписалы 1962 г., в состав которого входили 54 монеты-стрелки, отлитые в групповых формах, и 53, отлитые в индивидуальных формах⁹³. Можно думать, что приведенные данные хотя бы частично отражают первоначальный состав кладов и могут соотноситься с определенными номиналами электра.

В целом же реконструируемая система не должна восприниматься излишне категорично — хотя она и построена с учетом объективных данных, сами эти данные могут быть определены весьма приближенно. Это касается не только весовых выкладок, но и всего комплекса затронутых проблем происхождения и хронологии монет-стрелок. Единственное, что нам кажется бесспорным — это необходимость строгого учета всех данных и их интерпретации на безупречной методической основе. Что же касается дальнейшей судьбы монет-стрелок, то она может быть прослежена только на фоне развития местных чеканок Северного и Западного Причерноморья в V в. до н. э.

¹ Уваров А. С. Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря. — Спб., 1851, ч. 1, табл. XI, 12 (из Ольвии); Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. — ИАК, 1906, № 13, с. 183—184, рис. 135; с. 289, № 1210; *Rau P. Die Gräber der Frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet.* — Pokrowski, 1929, Taf. XIII; Граков В. Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. — Тр. секции археологии НИИ археологии и искусствоведения, 1930, т. 5, табл. V; *Фабрициус И. В.* Археологическая

- карта Причерноморья Украинской ССР.— Киев, 1951, вып. 1, табл. XXI, 1, 3.
- ² *Severeanu G.* Sur les monnaies primitives des Scythes. L'ingots-monnaies en forme de pointe de flèche.— BSNR, 1926, an. 19, N 57/8, p. 1—6.
  - ³ *Герасимов Т.* Стреловидные бронзовые монеты.— ИБАИ, 1939, т. 12, св. 2, с. 424—427.
  - ⁴ *Пандалеев И.* Нови археологически находки в Бургаско.— ИБАИ, 1929, т. 5, с. 238.
  - ⁵ *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I веках до нашей эры.— М., 1952, с. 40—41.
  - ⁶ *Фабрициус И. В.* Указ. соч.; *Rau P.* Op. cit.
  - ⁷ *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города..., с. 41, прим. 1.
  - ⁸ *Скудная В.* Монеты-стрелки из Ольвии.— СГЭ, 1956, 10, с. 38—39.
  - ⁹ *Герасимов Т.* Домонетные формы на пари у тракийского племени асти.— Археология, 1959, кн. 1/2, с. 85—87.
  - ¹⁰ ИБАИ, 1955, т. 20, с. 593.
  - ¹¹ *Preda F.* Virfuri de săgeti cu valoare monetară descoperite pe litoralul de nord-vest al Mării Negre.— AUB, 1960, N 9, p. 9—11.
  - ¹² *Ланин В. В.* Экономическая характеристика Березанского поселения.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 39.
  - ¹³ *Ланин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья.— Киев, 1966, с. 143—145.
  - ¹⁴ *Граков Б. Н.* Легенда о скифском царе Арианте.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 101—115.
  - ¹⁵ Там же, с. 115; *Граков Б. Н.* Еще о монетах-стрелках.— ВДИ, 1971, № 3, с. 125—127.
  - ¹⁶ *Карышковский П. О.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— Л., 1969, с. 20.
  - ¹⁷ *Брашински Й. Б.* За икономическите връзки на гръдките градове от Югозападното Черноморие в предримската епоха.— Археология, 1970, кн. 2, с. 7—19.
  - ¹⁸ *Златковская Г. Д.* Возникновение государства у фракийцев.— М., 1971, с. 66.
  - ¹⁹ Там же, с. 67.
  - ²⁰ Там же.
  - ²¹ *Preda C., Nubar H.* Descoperirile monetare 1914—1970.— Histria. Bucuresti, 1973, 3.
  - ²² *Марченко К. К.* Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VI—I вв. до н. э.— ВДИ, 1974, № 2.
  - ²³ Там же, с. 156.
  - ²⁴ *Aricescu A.* Tezaurul de semne de schimb premonetare de la Enisala.— SCN, 1975, vol. 6.
  - ²⁵ Ibid., p. 21, nota 14; p. 22.
  - ²⁶ Ibid., p. 23—24.
  - ²⁷ *Димитров Б.* За стрелите-пари от Западното и Северното Черноморско крайбрежие.— Археология, 1975, кн. 2, с. 43—48.
  - ²⁸ *Wąsowicz A.* Olbia pontique et son territoire.— Paris, 1975, p. 59—60.
  - ²⁹ *Загинайло А. Г.* К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI—IV вв. до н. э. по нумизматическим данным.— МАСП, 1976, вып. 8, с. 70, 77.
  - ³⁰ Там же, с. 70.
  - ³¹ *Загинайло А. Г.* Предпосылки возникновения денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье.— В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев; Одесса, 1976, с. 162—171.
  - ³² Там же, с. 164, 170.
  - ³³ *Wells H. B.* The arrow-money of Thrace and Southern Russia. A review and discussion of eastern european and soviet writing.— SAN, 1978, vol. 9, N 1, p. 6—9; N 2, p. 24—26, 31.
  - ³⁴ *Oberländer-Târnoveanu E.* Aspecte ale circulației monedei grecești în Dobrogea de Nord (sec. VI î. e. n.— I e. n.).— Pontica, 1978, 11, p. 59—87.
  - ³⁵ *Scorpan C.* Virfuri de săgeti — semne premonetare și monede histriene cu "roata" descoperite la Tomis.— SCN, 1980, vol. 7, p. 25—34.
  - ³⁶ *Poenaru Bordea Gh., Oberländer-Târnoveanu E.* Contributions à l'étude des monnaies pointées de flèche à la lumière des trésors de Jurilovca, dep. de Tulcea.— In: Actes du IIe Congr. Intern. Thracologie. București, 1980, vol. 2, p. 141—150.
  - ³⁷ *Wells H. B.* A further study of the arrow-head-money.— SAN, 1981, vol. 12, N 3, p. 53—54.
  - ³⁸ Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979.
  - ³⁹ Там же, с. 363.
  - ⁴⁰ *Копейкина Л. В.* Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода.— В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981, с. 169.
  - ⁴¹ Демографическая ситуация в Причерноморье, с. 186—187.
  - ⁴² Там же, с. 189.
  - ⁴³ *Рубан В. В.* О хронологическом соотношении литых стреловидных и дельфидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья.— В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982, с. 16.
  - ⁴⁴ Там же, с. 18.
  - ⁴⁵ *Загинайло А. Г.* Каменский клад стреловидных литых монет.— В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982, с. 20—28.
  - ⁴⁶ Там же, рис. 2.
  - ⁴⁷ *Sorda S.* A proposito di un rinvenimento di punte di freccia.— AIN, 1980, 26, p. 185—206. Я знаком с этой работой по английскому переводу, полученному от Г. В. Уэллса.
  - ⁴⁸ *Scorpan C.* Op. cit., p. 29.
  - ⁴⁹ *Preda F.* Op. cit.; *Aricescu A.* Op. cit., p. 19; *Poenaru Bordea Gh., Oberländer-Târnoveanu E.* Op. cit., p. 141.
  - ⁵⁰ *Preda C., Nubar H.* Op. cit.
  - ⁵¹ *Ланин В. В.* Греческая колонизация..., с. 145; *Граков Б. Н.* Еще о монетах-стрелках.

- ⁵² *Копейкина Л. В.* Элементы местного характера..., с. 169.
- ⁵³ *Карасев А. Н.* Итоги работ Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1962 и 1963 гг.— Тезисы доклада на конференции ИА АН УССР 23—26 марта 1964 г.; *Граков Б. Н.* Легенда о скифском царе Арванте; *Граков Б. Н.* Еще о монетах-стрелках.
- ⁵⁴ *Марченко К. К.* Фракции на территории Нижнего Побужья..., с. 156; *Копейкина Л. В.* Элементы местного характера..., с. 168, 170.
- ⁵⁵ Демографическая ситуация в Причерноморье..., с. 128.
- ⁵⁶ *Jacobsthal P.* The date of the Ephesian Foundation-deposit.— *JHS*, 1951, vol. 71, p. 85—95.
- ⁵⁷ *Robertson E. S. G.* Coins from the Ephesian Artemision reconsidered.— *Ibid.*, p. 165.
- ⁵⁸ *Kraay C. M.* Archaic and classical greek coins.— London, 1976.
- ⁵⁹ *Ibid.*, p. 22.
- ⁶⁰ *Ibid.*
- ⁶¹ *Price M., Waggoner N.* Archaic greek silver coinage: The "Asyut" Hoard.— London, 1975, p. 123.
- ⁶² *Weidauer L.* Probleme der frühen Elektronprägung.— Fribourg, 1975, S. 108—109.
- ⁶³ *Kraay C. M.* Op. cit., p. 40; *Price M., Waggoner N.* Op. cit., p. 139.
- ⁶⁴ *Kraay C. M.* Op. cit., p. 22—23.
- ⁶⁵ *Thompson M.* Some noteworthy greek accessions.— *MN*, 1966, 12, p. 1—4; *Kraay C. M.* Op. cit., p. 24.
- ⁶⁶ *Kraay C. M.* Op. cit., p. 25.
- ⁶⁷ *Price M., Waggoner N.* Op. cit., p. 122.
- ⁶⁸ *Карышковский П. О., Лапин В. В.* Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г. (Тезисы).— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 105.
- ⁶⁹ *Черных Е. П.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии.— София, 1978, с. 354, ан. 12681—12684.
- ⁷⁰ *Черных Е. Н.* Указ. соч., с. 260.
- ⁷¹ Там же, с. 39.
- ⁷² *Голубцов В. В.* Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 годов.— ИАК, 1914, № 51, с. 75.
- ⁷³ *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии.— М., 1957, с. 295—296.
- ⁷⁴ Там же, с. 402.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же, с. 416—417.
- ⁷⁷ Там же, с. 410.
- ⁷⁸ *NC*, 1976, p. 282.
- ⁷⁹ *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII—III вв. до н. э.— М., 1982, с. 267 и сл.
- ⁸⁰ *HO*, с. 9, также № 55—64.
- ⁸¹ *Жебелев С. А.* Милет и Ольвия.— В кн.: Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 38, и сл.
- ⁸² Папример, это относится к монетам из одного комплекса (ср.: *Блаватская Т. В.* Западноевропейские города..., рис. 7).
- ⁸³ Ю. Г. Виноградов, определяя упомянутые в тексте графито с Березани номиналы как фракции кизикина излишне категоричен (*Виноградов Ю. Г.* Новые материалы по раннегреческой экономике.— ВДИ, 1971, № 1, с. 66).
- ⁸⁴ *Карышковский П. О., Лапин В. В.* Указ. соч.
- ⁸⁵ *Булатович С. А.* Электровые монеты Кизика и их роль в денежном обращении Северного Причерноморья: Автореф. дис... канд. ист. наук. Одесса, 1977, с. 16, табл. 4.

Неверно определение тристе как мелкой фракции (*Виноградов Ю. Г.* Милет и Ольвия: Пробл. взаимоотношений метрополии и колонии на раннем этапе.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья, с. 51, прим. 6.). В переводе на серебро электровая тристе соответствовала примерно 8 атическим драхмам. Позднее, во времена Перикла, афисские гелиасты получали дневную плату в размере 2 обол, следовательно, одна тристе была эквивалентна 24-дневной плате! Отсюда не к месту и его упрек по адресу Ф. Гейхельгейма.

- ⁸⁶ *Kraay C. M.* Archaic and classical..., p. 330.
- ⁸⁷ *Анохин В. А.* Относительная стоимость золота и серебра в Ольвии и на Боспоре в конце V—IV в. до н. э.— *НИС*, 1974, 4, с. 7.
- ⁸⁸ *Price M. J.* Early Greek bronze coinage.— In: *Essays in greek coinage presented to S. Robinson*. Oxford, 1968, p. 103.
- ⁸⁹ *Mănușu Adamesteanu M.* Tezaurul de semne premonetare in forma de virf de săgeată de la Visina.— *SCN*, 1984, vol. 8, p. 19.
- ⁹⁰ *Граков Б. Н.* Легенда о скифском царе Арванте, с. 104.
- ⁹¹ *Aricescu A.* Op. cit., p. 21.
- ⁹² *Coin Hoards*, 1976, 2, N 15.
- ⁹³ *Aricescu A.* Op. cit.

С. Я. Ольговский

МЕТАЛЛ ЛИТЫХ МОНЕТ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ

Наиболее ранней формой денег в Нижнем Побужье являлись так называемые монеты-стрелки, по виду похожие на необработанные окончательно двухлопастные наконечники стрел.

Сходство между этими различными по функциональному назначению изделиями обусловило то, что довольно часто авторы относят монеты-стрелки к наконечникам стрел¹.

Денежная роль монет-стрелок подтверждается находками последних в качестве «обола Харона» в некрополях Ольвии и Березани². Ареал их распространения необычайно широк — западные города-колонии, Нижнее Поднестровье, Нижнее Побужье, что обусловило многочисленность точек зрения на проблему происхождения монет-стрелок. Так, Т. В. Блаватская, В. М. Скуднова, П. О. Карышковский и другие считают, что монеты-стрелки связаны с фракийским миром³. Т. Д. Златковская же и А. Г. Загинайло связывают монеты-стрелки со скифами Нижнего Побужья и Поднестровья⁴. Чисто греческим изобретением считает монеты-стрелки В. В. Лапин, а место возникновения этой формы денежного обращения, по его мнению, — Березань⁵. Неоднократно высказывалось мнение и о том, что место изобретения монет-стрелок — западнопонтийские города⁶. Таким образом, в поисках решения вопроса о месте возникновения и изготовления монет-стрелок намечаются такие направления: греческие города-колонии на западном побережье Черного моря; Березань; фракийские племена; скифы Нижнего Побужья и Поднестровья.

Причиной интерпретации монет-стрелок как денежной формы оплаты скифов послужило их сходство со скифскими стрелами, однако в Северном Причерноморье не зафиксировано ни одной находки монет-стрелок на территории Скифии. То же следует отметить и для Фракии. Все находки стреловидных монет связаны только с античными памятниками, на которых массовыми являются и монеты-стрелки и двухлопастные наконечники стрел. Таким образом, предположения о связи монет-стрелок со скифами и фракийцами несостоятельны.

За последние годы среди исследователей нашли применение естественнонаучные методы, в том числе спектрально-аналитическое исследование древних бронз, что позволяет по-новому подойти к решению вопросов, связанных с обработкой цветных металлов, установить сходные и различные черты в металле разных культурно-географических областей, а также наметить пути его перемещений. Следует надеяться, что и

для решения вопросов о происхождении и месте изготовления монет-стрелок решающую роль сыграют аналитические данные.

В настоящей работе использованы результаты анализов 37 монет-стрелок с Березани, поселений Бейкуш, Большая Черпоморка, входивших в сельскохозяйственную округу Ольвии, Арчар в Болгарии, ошибочно названные Е. Н. Черных черешковыми стрелами позднебронзового века⁷ (табл. 1). Для сравнения взяты результаты спектрального анализа двухлопастных стрел с Березани⁸, Ягорлыцкого поселения⁹, Репяховатой могилы*, а также анализы стрел из некоторых посульских и поворсклинских курганов, опубликованные Т. Б. Барцевой¹⁰.

Прежде всего — о металле монет-стрелок. Из 37 проанализированных экземпляров одна отлита из свинца (ан. № 26294). Остальные 36 монет-стрелок изготовлены из двух видов сплавов — оловянной и оловянно-свинцовой бронзы. Причем преобладает оловянная бронза (75%), оловянно-свинцовая бронза составляет лишь 25%. Граница между двумя рецептурами видна на корреляционном поле Sn—Pb — 0,15—0,4% (рис. 1), концентрации олова достигают 0,5—10%, свинца — 0,4—5%.

Химический состав металла исследуемых монет-стрелок неоднороден по содержанию серебра и сурьмы, о чем свидетельствует двухвершинность гистограмм этих элементов. Но при коррелировании этих элементов зависимости между ними не обнаружено. Отмеченные на корреляционных полях Bi—Ag и Sb—As группы металла с высоким содержанием сурьмы и низким содержанием серебра остались обособленными и на корреляционном поле Ag—Sb. Таким образом, вся коллекция монет-стрелок делится на 3 химические группы, различающиеся по содержанию серебра и сурьмы, но схожие по высоким концентрациям никеля и кобальта, что является определяющим фактором для меди из юго-западных областей¹¹. Исследуя 4 монеты-стрелки из Болгарии, Е. Н. Черных отметил возмож-

* Анализы хранятся в кабинете спектрального анализа ИА АН СССР.

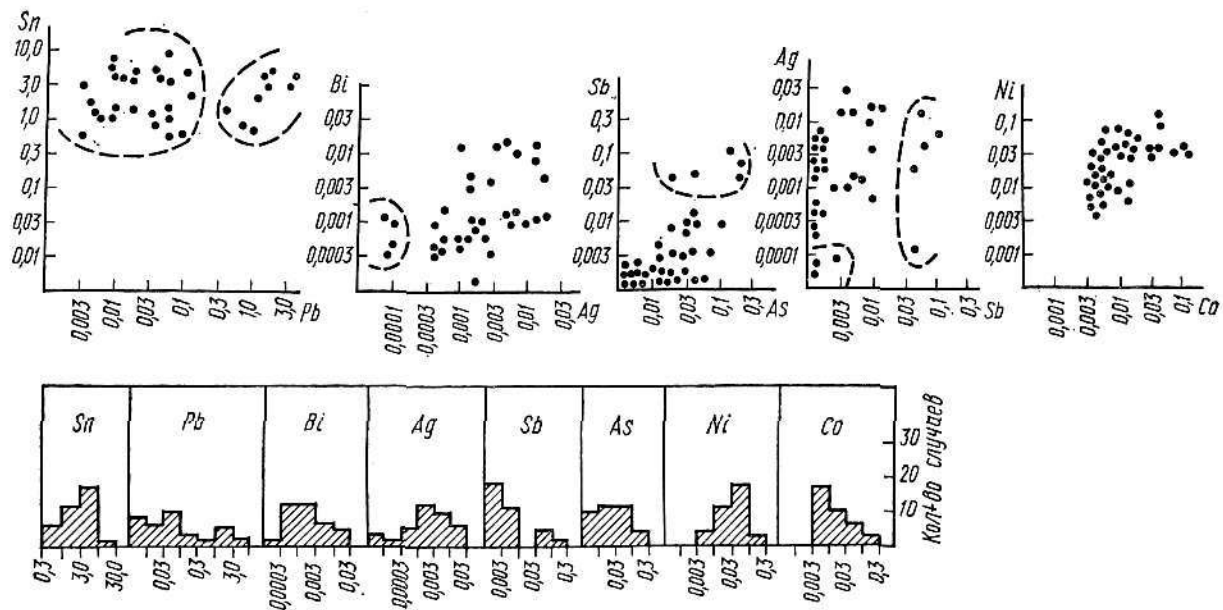

Рис. 1. Частотные гистограммы распределения концентраций примесей и графики корреляционной взаимозависимости некоторых элементов в металле монет-стрелок.

Шифр лабораторной	Место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	В	As	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
26 161	Березая	Основа	4,1	0,007	—	0,0003	0,0001	—	0,018	0,45	0,012	0,004	—
26 162	»	»	4,2	0,04	—	0,001	0,0025	—	—	0,01	0,015	0,006	0,001
26 186	»	»	1,2	0,06	—	0,0005	0,0001	—	0,08	0,15	0,015	0,003	—
26 187	»	»	2,7	0,15	0,06	0,0006	0,0004	0,06	0,25	0,07	0,0065	0,015	0,001
26 238	»	»	1,5	0,02	—	0,0006	0,0006	—	0,006	0,1	0,012	0,015	—
26 256	»	»	2,5	4,3	—	0,012	0,001	0,004	0,055	0,75	0,01	0,01	0,001
26 257	»	»	2	0,005	—	0,0005	0,00035	—	0,13	0,13	0,015	0,005	0,001
26 258	»	»	3	0,0035	—	0,0009	0,002	—	0,02	0,01	0,045	0,015	0,001
25 259	»	»	4	4	—	0,001	0,002	0,03	0,018	0,001	0,007	0,05	0,001
26 260	»	»	5	4,5	—	0,01	0,008	0,12	0,18	0,0152	0,018	0,004	0,001
26 262	»	»	3,7	0,02	—	0,001	0,0007	0,009	0,05	0,2	0,005	0,003	0,001
26 262	»	»	4,8	0,01	—	0,001	0,0001	0,003	0,085	0,15	0,01	0,009	—
26 263	»	»	4,5	0,07	—	0,0003	0,003	—	0,07	0,009	0,04	0,045	0,001
26 279	»	»	3,7	1,8	—	0,005	0,004	0,009	0,035	0,04	0,035	0,03	0,001
26 291	»	»	7	0,045	—	0,005	0,0015	—	0,007	0,07	0,045	0,004	0,001
26 292	»	»	0,8	1	—	0,008	0,015	0,004	0,025	0,005	0,045	0,12	0,003
26 293	»	»	2	1	0,06	0,015	0,015	0,055	0,25	0,02	0,065	0,007	0,001
26 294	»	»	7	2	—	0,002	0,001	0,18	—	0,001	—	—	—
26 343	»	1% Основа	0,009	Основа	—	0,001	0,006	0,001	0,03	0,012	0,035	0,012	0,001
26 344	»	Основа	5	0,02	—	0,001	0,001	0,001	0,03	0,012	0,1	0,05	0,001
26 345	»	»	4,5	0,05	—	0,001	0,015	0,003	0,015	0,012	0,03	0,03	0,001
26 346	»	»	8	0,009	—	0,0006	0,001	—	0,03	0,04	0,12	0,03	0,001
26 347	»	»	6,5	0,12	—	0,001	0,01	0,009	0,02	0,03	0,03	0,03	—
26 347	»	»	0,5	0,003	0,02	0,0003	0,00035	—	—	0,3	0,005	0,003	—
26 348	»	»	0,55	0,07	—	0,0003	0,00025	—	0,007	0,1	0,005	0,003	—
26 349	»	»	4	1,8	—	0,003	0,0015	0,007	0,04	0,06	0,035	0,005	—
26 350	»	»	1,8	0,06	—	0,002	0,0001	0,05	0,05	0,35	0,018	0,005	—
26 351	»	»	4,5	0,01	—	0,001	0,00035	—	0,025	0,1	0,04	0,009	—
26 372	»	»	10	0,06	—	0,0006	0,0025	—	0,018	0,012	0,018	0,005	—
26 040	Бейкуш	»	4,1	0,009	—	0,006	0,03	0,003	0,025	0,55	0,04	0,09	0,003
26 041	Большая	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
26 042	Черно-морка	»	1,5	0,4	—	0,001	0,02	0,012	0,045	0,06	0,045	0,12	0,001
26 043	То же	»	5,5	0,01	—	0,0007	0,001	0,002	0,007	0,01	0,045	0,006	0,001
26 039	»	»	5,5	0,12	—	0,005	0,02	0,009	0,12	0,018	0,09	0,007	0,003
12 681	»	»	6	0,009	—	0,0006	0,0015	0,005	0,012	0,03	0,07	0,015	0,001
42 682	Арвар (Болгария)	»	0,6	0,1	—	0,001	0,006	—	—	0,05	0,04	0,015	0,003
42 682	То же	»	4,2	0,006	—	—	0,002	—	—	0,05	0,017	0,005	0,001

Монеты-стрелки

	»	»	0,9	0,035	—	0,001	0,006	—	—	0,25	0,03	0,015	0,003
	»	»	0,8	0,7	—	0,015	0,004	—	—	0,45	0,04	0,01	0,001
12 683	»	»											
12 684	»	»											
Анализграфы в денежной единице													
20 650	Ольвия	Основа	1,8	0,07	—	0,0005	0,001	0,008	0,1	0,009	0,007	0,008	0,001
25 054	»	»	1,2	0,07	0,03	0,001	0,002	0,025	0,1	4	0,004	0,0035	0,003
25 055	»	»	0,5	0,06	—	0,0003	0,006	0,025	0,7	0,1	0,006	0,002	0,001
25 127	»	»	2	0,007	—	—	0,0001	0,004	0,02	0,003	0,001	0,001	0,001
25 128	»	»	7	10	—	—	0,015	0,1	0,2	0,003	0,01	0,02	0,003
25 129	»	»	10	0,06	0,08	0,007	0,003	0,04	0,2	0,04	0,01	0,04	0,03
25 130	»	»	2	0,06	—	0,005	0,02	2	0,2	0,009	0,01	0,006	0,003
25 131	»	»	2	0,06	—	0,005	0,03	0,04	0,2	0,01	0,02	0,007	0,003
25 132	»	»	2	0,02	—	0,001	0,0002	—	—	0,1	0,006	0,001	0,003
25 133	»	»	10	10,0	—	0,009	0,01	2	0,09	0,003	0,01	0,02	0,003
25 134	»	»	0,7	0,03	—	0,007	0,005	1	0,05	0,04	0,002	0,001	0,003
25 135	»	»	3	0,05	—	0,005	0,01	0,03	0,2	0,04	0,01	0,007	0,003
25 136	»	»	2	0,08	—	0,005	0,01	0,5	0,1	0,04	0,002	0,003	0,003
25 137	»	»	1	2,9	—	0,02	0,01	0,9	0,3	0,1	0,001	0,002	0,01
25 138	»	»	3	0,05	—	0,005	0,0001	0,02	0,1	0,008	0,003	0,007	0,003
25 139	»	»	2	0,08	—	0,007	0,001	0,01	0,1	0,1	0,002	0,001	0,003
25 140	»	»	0,8	0,2	—	0,0005	0,008	0,5	0,005	0,1	0,003	0,002	0,001
25 141	»	»	0,3	0,08	—	0,0005	0,0002	0,1	0,05	0,5	0,006	0,002	0,001
25 192	»	»	3	0,007	—	0,0005	0,00006	1	0,3	0,1	0,007	0,005	0,001
28 053	»	»	0,5	0,03	—	0,0015	0,0015	1	0,025	0,25	0,002	—	0,001
28 056	»	»	1	0,002	—	—	0,0001	0,02	—	0,035	0,005	—	0,001
28 057	»	»	1,2	0,04	—	—	0,0001	1	0,035	0,2	0,006	0,001	0,001
28 058	»	»	0,9	0,05	—	0,0008	0,0003	1,2	0,04	0,35	0,002	0,001	0,001
28 059	»	»	1,2	0,025	—	0,0005	0,0006	0,8	0,25	0,2	0,006	0,002	0,001
28 060	»	»	0,8	0,06	—	0,001	0,0006	0,7	0,2	0,15	0,007	—	0,003
28 061	»	»	1	0,03	—	0,001	0,0002	0,25	0,07	0,35	0,002	0,001	0,001
28 062	»	»	1,2	2	—	0,001	0,0015	0,03	0,1	0,15	0,01	0,001	0,001
28 063	»	»	0,2	0,015	—	0,0004	0,0002	0,9	0,005	0,35	0,002	—	0,001
28 064	»	»	0,04	0,075	—	0,0006	0,0001	0,9	0,08	0,35	0,0007	—	0,001
28 065	»	»	0,8	0,9	—	0,001	0,0003	0,08	0,035	0,35	0,005	—	0,001
28 066	»	»	0,45	0,1	—	—	0,0001	0,5	0,01	1	0,004	—	0,001
28 067	»	»	1,8	0,013	—	0,0005	0,0002	0,003	0,03	0,2	0,004	—	0,001
28 069	»	»	1	0,042	—	—	0,0004	0,003	—	0,5	0,003	—	0,001
28 070	»	»	0,09	0,04	—	0,002	0,001	0,02	0,3	0,01	0,02	0,025	0,001
28 072	»	»	6	0,12	—	0,0003	0,0008	0,25	0,1	0,006	0,002	0,002	0,001
27 434	»	»	0,2	0,03	—	—	0,0001	0,25	0,06	0,5	0,001	0,001	—
27 068	»	»	0,07	0,05	—	—	0,0001	0,008	0,06	1,0	0,007	—	—
26 045	»	»	4	0,004	—	0,0005	0,0015	2,5	0,35	0,004	0,03	0,015	0,001
26 046	»	»	6,5	1,5	0,006	0,001	0,001	0,4	0,4	0,012	0,02	0,015	0,001
26 047	»	»	6,5	0,5	0,03	0,001	0,0025	0,05	0,08	0,012	0,02	0,008	0,001
26 048	»	»											

* Выполнен в кабинете спектрального анализа ИЛ АН СССР.

Шифр лабораторий	Место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Ав
26 048	Бейкуш	Основа	7,5	0,3	0,06	0,009	0,004	4,5	0,35	0,02	0,009	0,004	0,001
26 049	»	»	3	0,015	0,006	0,0009	0,001	3,5	0,18	0,035	0,01	0,009	0,001
26 050	»	»	2,7	0,013	—	0,001	0,001	0,04	0,18	0,1	0,012	0,02	0,001
26 051	»	»	6	0,18	0,09	0,002	0,007	0,04	0,1	0,01	0,012	0,0150	0,001
26 108	Старая Бовда-новка	»	3	10	—	0,0006	0,0003	0,003	0,031	0,1	0,001	0,005	0,001
28 109	То же	»	0,4	0,05	—	0,0005	0,0002	0,006	0,02	0,015	0,002	—	0,003
24 713	»	»	2	0,001	0,02	0,0006	—	0,004	0,01	2	0,001	—	0,001
24 714	»	»	3	0,06	0,07	0,0007	—	0,008	0,04	0,7	0,007	0,002	0,001
24 715	»	»	3	0,02	0,06	0,001	0,0008	2	0,2	0,1	0,015	0,006	0,001
24 716	»	»	3	0,08	0,01	0,01	0,001	0,4	0,2	0,8	0,015	0,02	0,003
24 717	»	»	0,8	1,2	0,02	0,005	0,15	8	0,1	0,1	0,01	0,007	0,001
24 718	»	»	9	0,06	0,02	0,2	0,03	0,1	0,2	0,1	0,002	0,007	0,001
24 719	»	»	0,8	4	0,02	0,004	0,15	5	0,6	0,1	0,01	0,005	0,001
24 720	»	»	5,0	1	0,007	0,004	0,07	0,4	0,6	0,002	0,01	0,01	0,001
26 044	Большая Черпо-морка	»	9	0,009	—	0,001	0,01	0,03	0,2	0,015	0,02	0,045	0,001
26 052	То же	»	9	0,15	—	0,07	0,002	0,06	0,35	0,00	0,012	0,04	0,001
26 053	»	»	0,004	0,015	0,006	0,0009	0,0025	10,0	0,15	0,004	0,007	0,005	0,001
26 054	»	»	0,001	0,003	0,006	0,0003	0,0002	0,009	1,0	0,001	0,015	0,004	0,001
26 055	»	»	4,5	0,07	0,009	0,0006	0,0025	2,5	—	0,002	0,02	0,006	0,002
26 056	»	»	1,1	0,07	0,006	0,007	0,02	2,7	0,25	0,012	0,012	0,012	0,001
26 057	»	»	6	0,12	0,006	0,001	0,015	0,065	0,1	0,012	0,012	0,018	0,001
26 058	»	»	6,5	0,008	—	0,0006	0,006	0,02	0,3	0,085	0,012	0,018	0,001
26 059	»	»	3	0,018	—	0,0008	0,008	—	—	0,1	0,01	0,003	0,001
26 060	»	»	6	0,1	—	0,0004	0,0015	0,005	0,005	0,04	0,015	0,004	0,001
26 061	»	»	6	0,008	—	0,001	0,0015	0,005	0,35	0,045	0,012	0,05	0,001
26 062	»	»	4	0,018	—	0,001	0,004	0,035	0,2	0,015	0,015	0,045	0,001
26 063	»	»	4,5	7	—	0,001	0,006	2,7	0,2	0,001	0,015	0,018	0,001
26 064	»	»	2	1	—	0,13	0,1	0,08	3	0,003	0,012	0,018	0,001
26 065	»	»	2,7	0,08	—	0,006	0,1	0,1	0,35	0,04	0,015	0,005	0,001
26 066	»	»	2,2	0,04	0,03	0,001	0,03	0,05	0,3	0,012	0,015	0,009	0,001
26 067	»	»	3,7	0,03	0,02	0,005	0,006	0,05	0,35	0,025	0,015	0,045	0,001
26 068	»	»	3,7	0,018	0,05	0,001	0,001	0,05	0,25	0,02	0,015	0,075	0,001
26 069	»	»	5,5	0,015	0,06	0,001	0,008	0,025	0,18	0,006	0,015	0,02	0,001
26 071	»	»	2,7	0,02	—	0,001	0,008	—	0,007	0,015	0,04	0,018	0,001
26 100	»	»	4	0,009	—	0,0003	0,0015	0,009	0,045	0,0065	0,05	0,005	—
26 101	»	»	3	0,9	0,03	0,02	0,0002	2,5	0,18	0,55	0,06	0,005	—
26 102	»	»	6,5	0,003	—	0,05	0,012	2	0,5	0,002	0,004	0,005	0,003

Шифр лаборатории	Место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
26 288	Бере- завь	Основа	2,3	6	0,012	0,0075	0,0005	4,7	0,12	0,1	0,006	0,004	0,001
26 290	То же	»	9	1,2	—	0,004	0,008	0,05	0,25	0,03	0,03	0,075	0,001
26 299	»	»	1	3	0,065	0,004	0,002	2,5	0,2	0,004	0,01	0,005	0,003
26 307	»	»	6	0,008	0,09	0,001	0,0003	0,03	0,2	0,05	0,012	0,006	0,001
26 339	»	»	3,7	0,06	—	0,015	0,07	0,12	0,1	0,1	0,015	0,004	0,003
26 340	»	»	3,7	5,5	—	0,0025	0,0015	0,15	0,2	0,085	0,01	0,004	0,001
26 341	»	»	3,2	1,2	—	0,12	0,07	2,1	1	0,1	0,004	0,04	0,001
26 342	»	»	6	0,9	—	0,0075	0,0015	2,7	0,8	0,025	0,015	0,14	0,001

Эпиграфные дельфины

Шифр	Место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
28 071	Ольвия	Основа	2	20	0,015	0,001	0,02	0,15	0,09	0,1	0,006	0,002	0,001
25 570	»	»	1,2	1,5	—	0,007	0,007	0,3	0,25	0,04	0,015	0,02	0,001
27 631	»	»	8	0,85	0,018	0,02	0,02	0,5	0,45	0,01	0,02	0,003	0,001
27 634	»	»	3	25	0,02	0,002	0,003	0,05	0,2	0,01	0,012	0,035	0,001
28 179	»	»	5	1,5	0,012	0,002	0,015	0,25	0,2	0,008	0,018	0,012	0,003
28 183	»	»	3	20	0,009	0,0006	0,001	0,08	0,15	0,001	0,01	0,006	0,003
26 184	»	»	3	15	0,03	0,0007	0,0015	0,2	0,15	0,01	0,01	0,025	0,001
26 186	»	»	5,5	20	0,03	0,0009	0,002	0,15	0,1	0,03	0,001	0,01	0,003
26 188	»	»	2,5	10	—	0,0006	0,007	0,15	0,08	0,005	0,015	0,001	0,003
28 180	»	»	3,5	1	0,01	0,002	0,009	0,2	0,2	0,008	0,01	0,001	0,001
28 181	»	»	5	4,5	—	0,002	0,009	0,06	0,1	0,1	0,02	0,001	0,001
28 182	»	»	2	1	0,007	0,005	0,004	0,2	0,08	0,03	0,01	0,003	0,001

Литые ассы

Шифр	Место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
27 637	»	»	5	5	0,003	0,003	0,003	0,35	0,35	0,01	0,015	0,018	0,003
27 351	»	»	3	2	0,018	0,002	0,002	0,2	0,25	0,1	0,042	0,01	0,001
27 357	»	»	2	1	—	0,0008	0,001	0,12	0,12	0,001	0,007	0,012	0,001
27 343	»	»	3,5	1,5	0,007	0,002	0,002	0,26	0,2	0,001	0,012	0,015	0,001
27 386	»	»	4	1	0,012	0,001	0,003	0,12	0,2	0,0009	0,012	0,015	0,001
27 393	»	»	3	1,2	—	0,003	0,002	0,15	0,15	0,001	0,008	0,01	0,001
27 394	»	»	5	1,2	0,012	0,002	0,002	0,15	0,18	0,001	0,015	0,018	0,003
27 395	»	»	3,5	1,5	—	0,002	0,002	0,2	0,18	0,001	0,015	0,015	0,001
27 396	»	»	3	1,5	0,012	0,002	0,002	0,15	0,16	0,01	0,015	0,02	0,001

27 471	APIX	8	0,42	0,007	0,004	0,005	0,03	0,15	0,18	0,02	0,02	0,02	0,001
27 475	»	5,0	0,007	0,012	0,008	0,002	0,03	0,2	0,025	0,02	0,02	0,06	0,003
27 487	»	3	1,5	—	0,001	0,003	0,25	0,2	0,001	0,015	0,015	0,015	0,001
27 543	»	6	1,5	—	0,0008	0,003	0,02	0,1	0,03	0,02	0,02	0,009	0,001
27 635	»	4	2,5	0,01	0,002	0,005	0,3	0,3	0,03	0,08	0,08	0,025	0,003
27 638	»	2	3,5	0,012	0,004	0,004	0,3	0,25	0,005	0,01	0,01	0,007	0,003
27 643	»	2,5	2,5	0,26	0,003	0,002	0,09	0,15	0,001	0,008	0,008	0,007	0,001
27 645	»	4,5	1,8	0,007	0,002	0,002	0,25	0,25	0,001	0,018	0,018	0,018	0,003
27 647	»	4,5	1,5	0,015	0,002	0,004	0,3	0,2	0,001	0,018	0,018	0,025	0,001
27 648	»	3	1,5	0,007	0,001	0,002	0,3	0,2	0,001	0,012	0,012	0,012	0,001
27 657	»	4,5	2	0,015	0,0025	0,009	0,3	0,2	0,008	0,015	0,015	0,015	0,003
27 668	»	3	2,5	0,012	0,002	0,004	0,25	0,18	0,001	0,001	0,001	0,015	0,001
27 671	»	4,5	2	—	0,002	0,004	0,3	0,3	0,001	0,012	0,012	0,015	0,003
27 691	»	3	2	—	0,001	0,003	0,25	0,35	0,001	0,015	0,015	0,012	0,003
27 695	»	3	1,5	—	0,002	0,003	0,2	0,18	0,001	0,012	0,012	0,01	0,001
27 699	»	3,5	7	0,018	0,007	0,003	0,3	0,35	0,001	0,012	0,012	0,009	0,001
27 365	ОЛБИО	7	15	0,25	0,0002	0,002	0,012	0,05	0,001	0,015	0,015	0,001	0,003
27 375	»	5	4,5	0,012	0,001	0,003	0,12	0,2	0,001	0,012	0,012	0,012	0,001
27 476	»	2	1,5	—	0,002	0,001	0,2	0,2	0,001	0,05	0,05	0,08	0,003
27 484	»	8	10	0,012	0,002	0,002	0,018	0,2	0,008	0,015	0,015	0,015	0,001
27 485	»	6	20	0,2	0,0008	0,002	0,015	0,06	0,08	0,012	0,012	0,035	0,001
27 486	»	4,5	10	0,012	0,0009	0,001	0,035	0,12	0,06	0,013	0,013	0,015	0,001
27 500	»	3,5	20	—	0,0005	0,001	0,01	0,09	0,003	0,012	0,012	0,015	0,001
27 544	»	1,5	2	0,6	0,008	0,009	0,35	0,3	0,1	0,18	0,18	0,001	0,001
27 618	»	8	15	—	0,008	0,001	0,07	0,15	0,008	0,01	0,01	0,007	0,001
27 639	»	4,5	2	0,042	0,003	0,001	0,05	0,12	0,001	0,015	0,015	0,02	0,001
27 667	»	3,5	16	0,012	0,2	0,03	0,4	0,3	0,001	0,006	0,006	0,006	0,001
27 692	»	2,5	1,5	—	0,0007	0,015	0,25	0,2	0,001	0,012	0,012	0,009	0,003
27 698	»	4,5	25	0,3	0,002	0,001	0,015	0,1	0,001	0,001	0,001	0,007	0,001
27 349	ІСТ	4	6	0,012	0,0005	0,002	0,025	0,06	0,008	0,012	0,012	0,007	0,001
27 353	»	4	20	0,2	0,0008	0,002	0,015	0,1	0,015	0,007	0,007	0,005	0,001
27 425	»	4,5	2,5	0,07	0,0002	0,005	0,015	—	0,015	0,015	0,015	0,002	0,003
27 439	»	4,5	0,12	—	0,0008	0,004	0,007	0,07	0,04	0,02	0,02	0,06	0,001
27 442	»	4,5	3,5	—	0,0008	0,003	0,045	0,15	0,04	0,02	0,02	0,04	0,001
27 488	»	1,2	15	—	0,0009	0,002	0,035	0,1	0,003	0,012	0,012	0,002	0,001
27 517	»	0,4	20	—	—	0,004	0,008	0,1	0,001	0,018	0,018	—	0,003
27 545	»	3	2	—	0,0009	0,003	0,25	0,45	0,001	0,015	0,015	0,015	0,003
27 552	»	2	15	—	0,002	0,002	0,02	0,09	0,01	0,015	0,015	0,003	0,002

Никопці

Ольвия

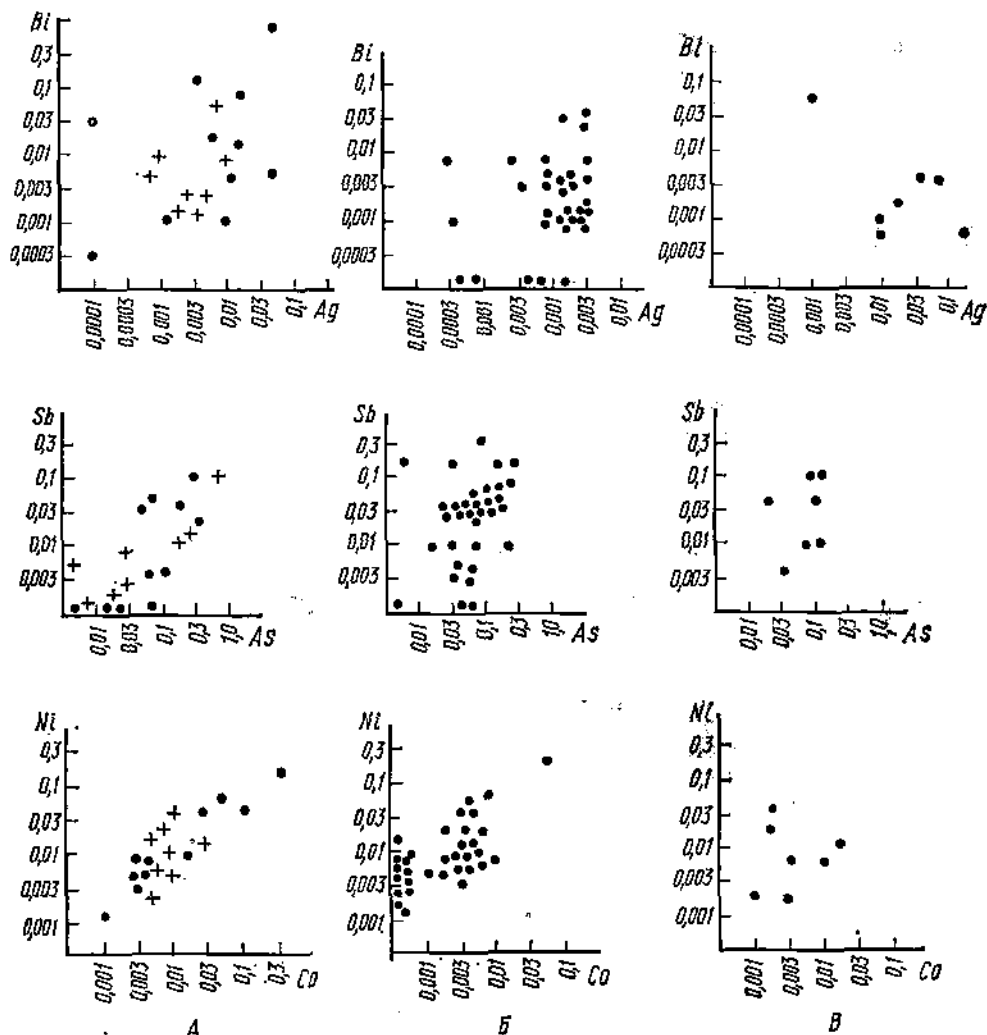

Рис. 2. Графики корреляционной взаимозависимости некоторых примесей в металле: А — наконечников стрел с Березанского и Ягормыцкого поселений; Б — из Посульских и Поворсклинских курганов; В — из Репьяховатой могилы.

ность несамостоятельного происхождения, производного за счет особой рафинировки металла, химического состава некоторых из них¹². Впрочем, возможно, наличие такой группы обусловлено смещением нескольких групп металла из различных рудопроявлений Балкано-Карпатской горно-металлургической области.

В коллекции наконечников стрел из посульских и поворсклинских курганов, чьи химико-металлургические характеристики описала Т. Б. Барцева¹³, выделены лишь двухлопастные стрелы. Получившийся набор из 32 наконечников

по составу металла практически не отличается от общей массы стрел. Из них 71,1 % отнесены к оловянной бронзе, а 12,5 % к металлургически «чистой» меди. Кроме того 2 стрелы изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы, одна же при содержании свинца 1,5 % имеет 0,04 % олова и отнесена к свинцовой бронзе. У Т. Б. Барцевой соотношение сплавов, при том, что она не оговаривает изделия из оловянно-свинцовой и свинцовой бронзы, 87 % оловянных бронз и 13 % металлургически «чистой» меди¹⁴.

Распределение химических групп ме-

талла двухлопастных стрел также не отличается от общей массы стрел из лесостепной Скифии. Большая их часть (62 %) отлита из меди северокавказских источников, основными показателями для которой является содержание тысячных долей процента висмута, кобальта, частично никеля, сотых — десятых долей процента мышьяка, сотых — серебра, сурьмы, частично — никеля¹⁵. Медь же (25 % наконечников) восточного и западного происхождения. Причем, если доля изделий из северокавказского сырья для Посулья и Поворскля составляет различное соотношение, то доля стрел, изготовленных из западного сырья, в обоих случаях одинаково мизимальна — 7 %¹⁶.

Двухлопастные стрелы из Репьяховатой могилы имеют несколько повышенную концентрацию никеля и кобальта, что позволяет отнести их металл к западному типу, но от стрел прочих памятников и монет-стрелок их отличает большее содержание олова — 10—20 %.

В металле стрел Березани и Ягорлыцкого поселения (на корреляционных полях стрелы Ягорлыцкого поселения обозначены крестиками) в отличие от металла стрел лесостепных областей отсутствуют группы с пониженным содержанием висмута и кобальта. Несколько иное расположение точек и на корреляционном поле Sb—As (рис. 2).

Таким образом, сходство металла монет-стрелок с незначительным количеством стрел Посулья и Поворскля проявилось в том, что они отлиты из западного сырья. Вероятно, металл из западных горно-металлургических центров доставлялся не только в северопонтийские колонии, но и в различные районы Скифии. Более примечательно сходство металла монет-стрелок с двухлопастными стрелами Березани, что в какой-то мере подтверждает положение об изготовлении монет-стрелок на этом памятнике.

Итак, монеты-стрелки, как форма денег, возникли в Западном Причерноморье. Это подтверждается химико-металлургическими характеристиками металла, из которого они отлиты, а также многочисленными находками кладов стреловидных монет на территории Румынии и Болгарии, один из которых

связан с находкой глиняной формы для их отливки¹⁷. Исходя из того, что денежная форма расплаты варварским племенам в VII—VI вв. до н. э. была не свойственна, изобретение монет-стрелок следует считать греческим. Вполне вероятно, что стреловидная форма монет возникла в процессе торговых контактов греков с варварскими племенами, а предшествовало ей использование греками в качестве денежного эквивалента наконечников стрел. Именно к такому выводу склоняет находка клада монет-стрелок у с. Енисада в округе Тульча в Румынии, среди которых были наконечники стрел, «монетизированные» путем заливки свинца во втулку¹⁸.

На Березань монеты-стрелки попали в процессе освоения греками Северного Причерноморья, очевидно, с первыми колонистами. Нет оснований отвергать существующее мнение о возможности изготовления монет-стрелок на Березани. Многочисленность их находок на поселении, в том числе оригинальной свинцовой монеты-стрелки, сходство химико-металлургических характеристик монет-стрелок и прочих изделий из этого памятника подтверждают такое предположение. С Березани монеты-стрелки распространились и на поселения, возникшие вслед за Березанью в непосредственной близости от нее на материке.

С основанием Ольвии в Нижнем Побужье в середине VI в. до н. э. появляется новая форма денег — литые дельфинчики, массовые находки которых зафиксированы не только в самой Ольвии, но и на поселениях ее сельскохозяйственной округи¹⁹. А тот факт, что на поселениях, возникших вместе с Ольвией и после ее основания, нет монет-стрелок, свидетельствует о том, что стреловидные монеты предшествовали эмиссии литых дельфинчиков²⁰. Таким образом, начало выпуска дельфинов следует относить не ранее чем к середине VI в. до н. э.

Литые дельфины делятся на два типа. Одни из них двусторонние или плоскорельефные, схематично повторяющие форму тела дельфина, другие имеют совершенно плоскую одну сторону и на ней надпись АΡΙΧΘ или Ⓞ v.

В работах ряда исследователей приняты попытки решить вопросы типологии и хронологии дельфинов, но единого мнения пока нет.

А. Н. Зограф относит дельфины с надписями к VI—V вв. до н. э., а анэпиграфные — к началу IV в. до н. э.²¹ А. Г. Сальников, наоборот, считает более ранними анэпиграфные дельфины, которых сменили дельфины с надписями. Анэпиграфные дельфины он делит на две подгруппы, считая, что схематично выполненные дельфины более ранние, чем дельфины, имеющие более реальные формы. Дельфины с надписями также датируются им по-разному, а именно: дельфины с надписью $\odot \vee$ он считает более ранними, чем с надписью АΡΙΧΟ²².

Принцип усложнения форм изделия за основу хронологии принимает и Л. П. Харко²³. В. В. Лапин на основании одновременных находок анэпиграфных дельфинов, как схематично выполненных, так и имеющих реальные формы дельфинов, утверждает их синхронность²⁴.

Следует отметить попытку спектрально-аналитического исследования серии дельфинов с Березанского поселения. Автором были выделены основные группы сплавов и на основании проведенной параллели между анэпиграфными дельфинами и стрелами базисного типа, которые также искусственно легированы сурьмой, как и анэпиграфные дельфины, последние отнесены к V в. до н. э.²⁵ Но из-за отсутствия в исследованной коллекции дельфинов с надписями, утверждение о том, что последние являются более ранними по сравнению с анэпиграфными, представляется преждевременным.

Настоящая коллекция состоит из 139 спектрально исследованных дельфинов, происходящих из раскопок Ольвии, поселений Березань, Большая Черноморка II, Бейкуц, Старая Богдановка II. Типологически они делятся на две группы. Большую группу (127 экз.) составляют анэпиграфные дельфины, в том числе один большой. Вторая группа состоит из 12 дельфинов, имеющих надписи АΡΙΧΟ и $\odot \vee$. Несмотря на такое численное несоответствие анэпиграфных и эпиграфных дельфинов, ста-

тистическая обработка результатов спектрального анализа дала довольно убедительные различия между ними по химико-металлургическим показателям, которые вряд ли будут изменяться по количественным показателям.

По гистограмме олова трудно определить границу искусственного легирования этим элементом. При исследовании цветного металла Березани для дельфинов эта граница была установлена в диапазоне 1%. Четыре дельфина с содержанием олова 0,15—0,3% были условно отнесены к группе металлургически «чистой» меди²⁶. В настоящей коллекции, куда включены и уже исследованные дельфины с Березани, видно, что изделия с содержанием олова от 0,2 до 1% не составляют сколько-нибудь обособленную от общей массы группу (рис. 3). Выделяются лишь четыре изделия с содержанием олова до 0,1%. Таким образом, граница искусственного легирования оловом — 0,2%, концентрация же этого элемента доходит до 10%.

Вполне определенно к легирующим примесям можно отнести также свинец и сурьму. Об этом свидетельствует двухвершинность гистограмм данных элементов. Граница искусственного легирования свинцом 0,7%, сурьмой 0,5%. Концентрация их доходит до 10%. В различном сочетании друг с другом олово, свинец и сурьма образуют несколько металлургических групп. Но сначала следует остановиться на четырех дельфинах, отличающихся от основной массы изделий своими химико-металлургическими характеристиками. Один из них изготовлен из металлургически «чистой» меди, металлургической группы, не свойственной для металла нумизматического материала. Три дельфина в качестве искусственного прилива имеют мышьяк. В двух случаях мышьяк комбинируется с искусственно введенными в сплав оловом, свинцом и сурьмой, то есть с комплексной лигатурой, а в одном случае мышьяк является единственной примесью. Мышьяк — лигатура, не характерная для греческих и скифских ремесленных центров. В металле Березани изделия, легированные мышьяком, составили всего 2,7%²⁷. Среди

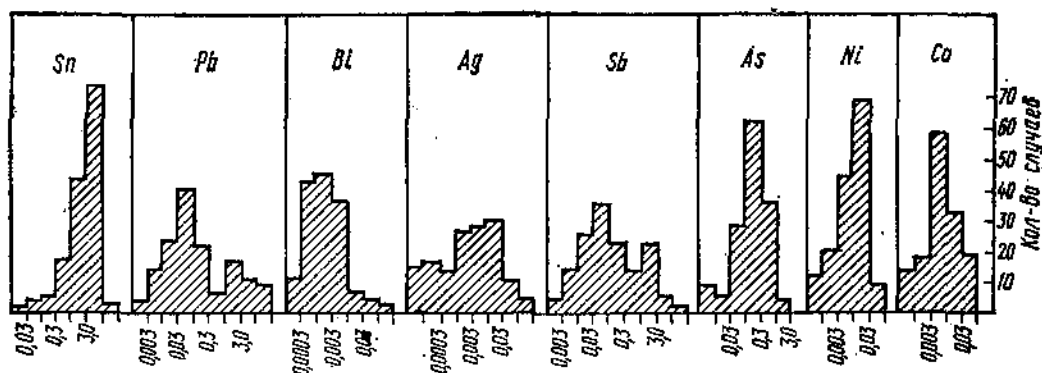
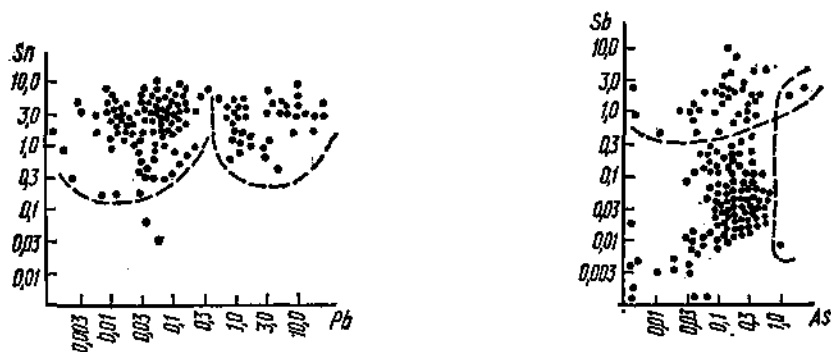

Рис. 3. Общая гистограмма распределения концентраций примесей и графики корреляционной взаимозависимости легирующих примесей в металле дельфинов Нижнего Побужья.

бронз Ягорлыцкого поселения также выделяется всего лишь несколько изделий с содержанием высоких концентраций мышьяка. Хотя в тексте публикации они не оговорены, на корреляционном графике Sb—As видно, что, по крайней мере, шесть изделий (4,8 %) можно отнести к разряду мышьяковых бронз²⁸. В левобережной лесостепи доля мышьяковых сплавов составляет 6 %²⁹. Высокий процент мышьяковых бронз представлен в древностях восточного круга. Более 30 % составляет доля этих сплавов в Северном Казахстане и Орешбуржье и более 20 % на Северном Кавказе и Прикубанье³⁰.

Металл остальных анаэпиграфных дельфинов делится на пять металлургических групп, соотношение которых можно наблюдать на общей схеме сравнительных характеристик сплавов (рис. 5, А). Наиболее многочисленной является группа оловянных бронз — 55,2 %. К оловянно-свинцовым сплавам

отнесено всего лишь 13,6 %. Три металлургические группы характеризуются искусственным добавлением в сплав сурьмы. В двух случаях сурьма выступает как самостоятельная лигатура, в остальных же сочетается с оловом или с оловом и свинцом. Всего доля сплавов с сурьмяным приплавом составляет 31,2 %. Таким образом, характерной чертой металла анаэпиграфных дельфинов следует считать высокий процент оловянных бронз и сплавов с искусственной добавкой сурьмы в сочетании с оловом и свинцом. Доля оловянно-свинцовых бронз при этом сравнительно низка. Судя по построению вершин, характеризующих группы сплавов Ольвии, Березани и нескольких поселений сельскохозяйственной округи Ольвии, металлургические характеристики металла дельфинов этих памятников практически одинаковы. Поэтому при сравнении металла анаэпиграфных дельфинов и дельфинов с надписями мы

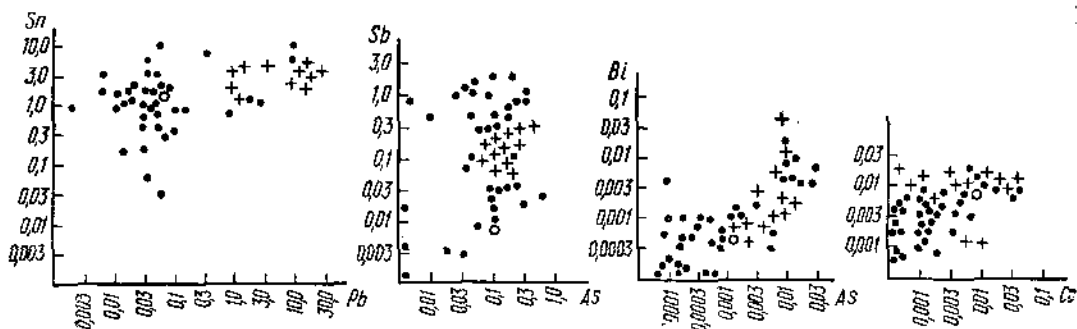

Рис. 4. Графики корреляционной взаимозависимости некоторых примесей в металле дельфинов Ольвии.

будем оперировать данными только ольвийских дельфинов. На корреляционных графиках дельфины с надписями обозначены крестиками, аэпиграфные дельфины — точками, большой дельфин — кружком.

Сразу заметно различие между двумя группами дельфинов по содержанию олова и свинца. Если подавляющая часть аэпиграфных дельфинов легирована оловом и всего пять из них имеют оловянно-свинцовый приплав, то дельфины с надписями все без исключения легированы оловом и свинцом. Причем их можно разделить на две подгруппы: с содержанием концентраций свинца 0,35—4,5 % и 10—25 % (рис. 4, корр. поле Sn—Pb). Группу с высоким содержанием свинца (10—20 %) составляют дельфины с надписью ©.

Можно наблюдать и некоторые различия между двумя типами дельфинов по содержанию сурьмы. Все аэпиграфные дельфины делятся на две группы: с содержанием сурьмы 0,1 % и 0,5—2 %, то есть не легированные и легированные сурьмой. Содержание же сурьмы в металле дельфинов с надписями — 0,07—0,5 %. На корреляционном графике Sb—As обозначающие их крестики занимают свободное пространство между двумя группами аэпиграфных дельфинов (рис. 4). Такую же картину можно наблюдать и на корреляционном графике Bi—Ag (рис. 4). Металл аэпиграфных дельфинов делится по содержанию висмута и серебра на две химические группы, с низкими и более высокими концентрациями этих элементов. Среднее положение между ними занимает металл дельфинов с

надписями. Наглядно различия в химико-металлургических характеристиках дельфинов двух типов можно наблюдать на сравнительной схеме содержания отдельных микропримесей (рис. 5, Б), где поля, обозначающие аэпиграфные дельфины, заштрихованы горизонтальными линиями, а эпиграфные — вертикальными.

Описанные химико-металлургические характеристики имеют выразительные аналоги среди прочих бронзовых изделий Нижнего Побужья. Сходство с металлом аэпиграфных дельфинов проявили наконечники стрел базисного типа. Из 13 базисных стрел с Березани 3 наконечника содержали искусственно добавленную сурьму от 1,5 до 10 %³¹. Еще более показателен металл Ольвии. Из 21 проанализированного наконечника 12 (57,1 %) искусственно легированы сурьмой*. Если считать использование сурьмы в качестве искусственной лигатуры характерной чертой металлообработки в ольвийском государстве на определенном этапе развития этого производства, то можно предположить синхронность бытования базисных стрел и хождения аэпиграфных дельфинов и ограничить время их существования по стрелам второй половиной VI—V в. до н. э.

Металл эпиграфных дельфинов сходен с металлом литых ассов, эмиссия которых продолжалась с начала V до IV в. до н. э.³² За это время бытовало несколько типов ассов, последовательно сменявших друг друга: Афина — коле-

* Результаты хранятся в кабинете спектрального анализа ИА АН СССР.

со; Афина — колеса с надписью ПΑΥΣ; Горгона — орел с надписью ΑΡΧΙ; Горгона — орел на дельфине и надпись ΟΛΒΙΟ; Деметра — орел на дельфине и надпись ΟΛΒΙΝ.

В настоящей коллекции использованы результаты спектрального анализа 38 ассов из раскопок Ольвии. Вся коллекция делится на три типа: один асс с изображением Афины и колеса с надписью ПΑΥΣ; 24 асса с изображением Горгоны и колеса с надписью ΑΡΙΧ и 13 ассов с изображением Деметры и орла на дельфине с надписью ΟΛΒΙΝ.

Из 38 проанализированных ассов лишь два с изображением Горгоны и колеса с надписью ΑΡΙΧ можно отнести к разряду оловянных бронз. Остальные же отлиты из оловянно-свинцовой бронзы. Но и группу оловянно-свинцовой бронзы можно разделить на две подгруппы, которые содержат различные концентрации свинца. В первой подгруппе свинец содержится в концентрациях от 1 до 3 %, во второй же — от 10 до 25 % (рис. 6, корр. поле Sn—Pb).

Если всю коллекцию разделить на две хронологические группы: ранние и более поздние (к первой относятся асы с изображением Горгоны и орел с надписью ΑΡΙΧ, а также один самый ранний с изображением Афины и колеса с надписью ПΑΥΣ, ко второй — асы с изображением Деметры и орла на дельфине с надписью ΟΛΒΙΝ, то оказывается, что высокие концентрации свинца — более 10 % — содержат только асы второй хронологической группы (на корреляционных полях они обозначены точками). В связи с таким разделением коллекции на две группы можно провести параллель между ассами и эпитафными дельфинами. Причем, если общее сходство заключается в одинаковом составе сплавов, то при сравнении отдельных групп дельфинов и ассов можно заметить, что дельфины с надписью ΑΡΙΧΟ проявляют сходство с ассами ΑΡΙΧ, а дельфины с надписью ΟΛΒΙΝ содержат одинаковые концентрации свинца с ассами ΟΛΒΙΝ. Общее сходство можно отметить и по содержанию сурьмы и мышьяка, концентрации которых равны в основном десятым до-

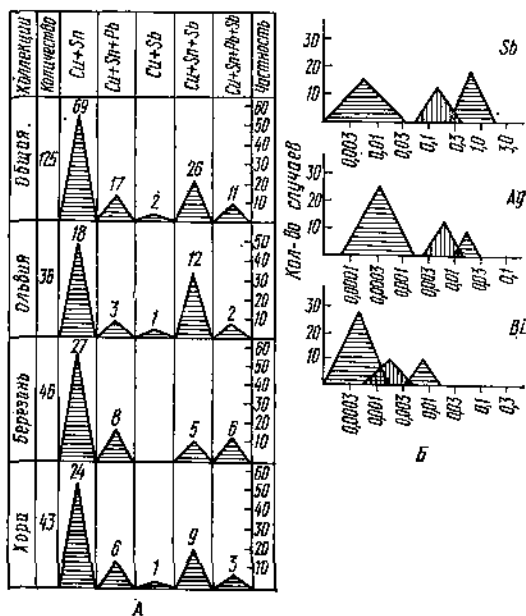

Рис. 5.

А — схема сравнительных характеристик распределения изотопов меди для коллекций дельфинов Нижнего Побукья; Б — сравнительная схема содержания сурьмы, серебра и висмута в металле дельфинов Ольвии.

лям процента, а также по одинаковому построению вершиц на гистограмме распределения концентраций основных примесей в металле этих двух видов изделий. Судя по высоким концентрациям никеля и кобальта, что видно на корреляционном графике взаимосвязи этих элементов, металлы для отливки ассов доставлялся из западных источников.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о датировке дельфинов, можно отметить, что эпитафные дельфины более поздние по сравнению с анаэпитафными. Кроме того, учитывая сходство двух типов эпитафных дельфинов с различными типами ассов, следует считать более ранними дельфинами экземпляры с надписями ΑΡΙΧΟ, дельфины же с надписью ΟΛΒΙΝ, видимо, синхронны второй группе ассов. Один большой дельфин, обозначенный на корреляционных графиках кружком, проявил полное сходство с анаэпитафными дельфинами и его следует считать одновременным с первой группой дельфинов или их начальной формой.

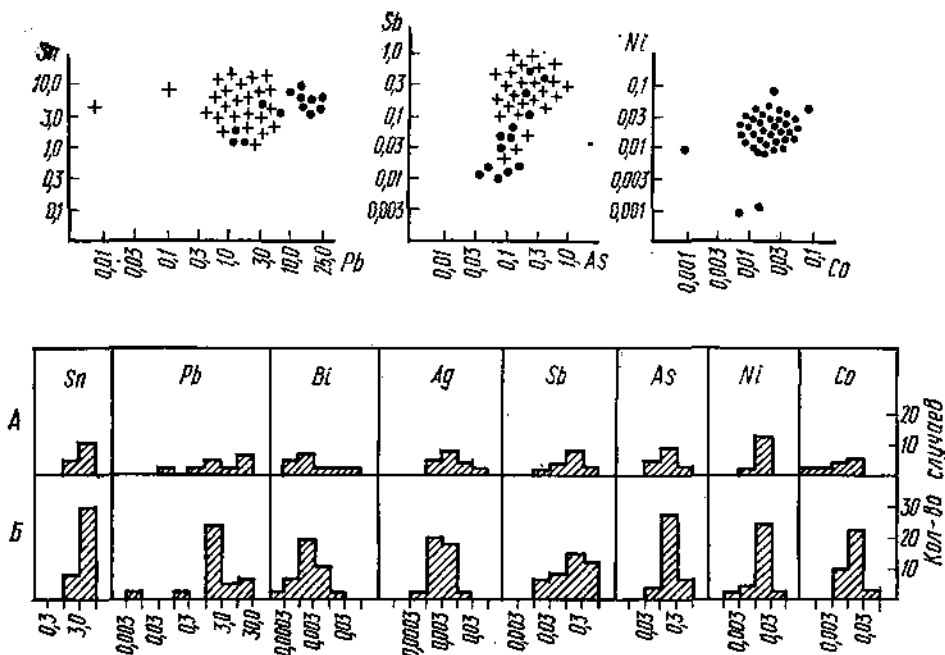

Рис. 6. Частотные гистограммы распределения концентраций некоторых примесей в металле:

А — эпитафных дельфинов; В — литых ассов из Ольвии. Корреляционные графики взаимозависимости некоторых примесей в металле литых ассов.

Следует сказать еще об одном виде литых монет, которые имели хождение в Ольвии. Это колесообразные денежные знаки с надписью $\Gamma\Theta\tau$. Впервые они были найдены в Ольвии и поэтому сначала считались ольвийскими³³. В настоящее время исследователи считают их монетой Истрии³⁴. Датируются эти монеты V—IV вв. до н. э. В настоящей работе использованы результаты спектрального анализа девяти таких монет, семь из которых происходят из раскопок Ольвии, а два — из Никоэ. Химико-металлургические характеристики их металла сходны с ассами. Так, можно выделить группу из четырех монет, имеющих концентрации свинца более 10 %, одна монета отнесена к оловянным бронзам, сходен металл этих монет с некоторыми ассами и по содержанию сурьмы и мышьяка. По содержанию же никеля и кобальта сходны лишь три монеты. Таким образом, несколько монет могли быть изготовлены в Ольвии по рецепту, который использовался при отливке ассов. Но утверждать это со всей определенностью преждевременно, так как количество проанализирован-

ных монет минимально, кроме того, нет никаких аналитических данных по цветному металлу западнопоптийских городов-колоний, в том числе Истрии.

¹ Уваров А. С. Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря. — Спб., 1851, табл. XI, 12; Фармаковский В. В. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. — ИАК, 1906, № 13, с. 183, 184.

² ОАК за 1904 г., Спб., 1907, с. 46; ОАК за 1908 г., Спб., 1912, с. 34.

³ Блаватская Т. В. Западнопоптийские города в VII—I вв. до н. э. — М., 1952, с. 40; Скуднова В. М. Монеты-стрелки из Ольвии. — СГЭ, 1956, с. 38; Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. — IV в. н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Л., 1969, с. 20.

⁴ Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. — М., 1971, с. 66—67; Загинайло А. Г. Денежное обращение в Западном и Северо-Западном Причерноморье в VI—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1970, с. 7.

⁵ Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — Киев, 1966, с. 145.

⁶ Preda F. Virfuri de săgeti eu valoare momentară des coperite pe litoralul de norel-vest al Mării-Negre. — AUB, 1960, N 9, p. 9—11.

⁷ Черных Е. Н. Горное дело и металлургия

- в древней Болгарии.— София, 1978, с. 232, 233, табл. 62, II—IV.
- ⁸ Ольговский С. Я. Цветной металл с Березани.— СА, 1980, № 4, с. 191, рис. 1, I—II.
- ⁹ Ольговский С. Я. Спектральный анализ медных та бронзовых вливов з Ягорлицького поселення.— Археологія, 1981, 36, с. 38, рис. 5—12.
- ¹⁰ Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени.— М., 1981, с. 31, рис. 13.
- ¹¹ Там же, с. 22.
- ¹² Черных Е. Н. Указ. соч., с. 232.
- ¹³ Барцева Т. Б. Указ. соч., с. 30 и сл.
- ¹⁴ Там же, с. 32, 33.
- ¹⁵ Там же, с. 23.
- ¹⁶ Там же, с. 33.
- ¹⁷ Герасимов Т. Ськровище отъ бронзови стрели-монети.— ИБАИ, 1936, Т. 12, с. 424—427, рис. 211.
- ¹⁸ Aricescu A. Tezaurul de sehimb premonetare de la Elisala.— SCN, 1975, vol. 6, p. 17—24, pl. I—IV.
- ¹⁹ Работы периферийного отряда Ольвийской экспедиции / К. К. Марченко, Я. В. Доманский, П. В. Головачева.— АО 1976 г., М., 1977, с. 332; Славин Л. М. Основные итоги Ольвийской экспедиции 1954 г.— КСИА, 1955, № 5, с. 40.
- ²⁰ Рубан В. В. Археологический комплекс из поселения Чертовато II на Бутском ли-

- маге.— В кн.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981, с. 71.
- ²¹ Зограф А. Н. Античные монеты.— МИА, 1951, № 16, с. 124.
- ²² Сальников О. Г. Ольвийські рибки.— МАСП, 1959, вип. 2, с. 50, 53.
- ²³ Харко Л. П. Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг.— В кн.: Ольвия. Темное и агора. М.; Л., 1964, с. 322—330.
- ²⁴ Лапин В. В. Групповая находка ольвийских дельфинов на Березани.— МАСП, 1971, вып. 7, с. 46.
- ²⁵ Ольговский С. Я. Цветной металл с Березани, с. 201.
- ²⁶ Там же, с. 198.
- ²⁷ Там же, с. 199, рис. 6, В.
- ²⁸ Ольговский С. Я. Спектральный анализ..., с. 40, рис. 4.
- ²⁹ Барцева Т. Б. Цветная металлообработка..., с. 94.
- ³⁰ Там же, с. 94.
- ³¹ Ольговский С. Я. Цветной металл с Березани, с. 198.
- ³² Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение..., с. 12.
- ³³ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 122, 123.
- ³⁴ Карышковский П. О. Заметки по пумизматике античного Причерноморья.— ВДИ, 1957, № 2, с. 139, 140.

В. В. Крапивина

АРХАИЧЕСКИЕ ВЕСОВЫЕ ГИРИ БЕРЕЗАНИ И ОЛЬВИИ

Находки весовых гирь на территории Ольвийской хоры немногочисленны, представлены всего лишь тремя экземплярами разновесов: из Старой Богдановки, из Варваровки и из Сиверсова Маяка. Из них только одна гиря из Старой Богдановки, найденная во время работ экспедиции ЛОИА АН СССР, датируется второй половиной VI в. до н. э. Очевидно, будет опубликована вместе с другими материалами архаического поселения Старая Богдановка 2¹. Нами практически рассматриваются только разновесы из Ольвии и с Березани.

Впервые ольвийские весовые гири были опубликованы П. О. Бурачковым, но, к сожалению, не получили соответствующей интерпретации, автор принял их за монеты в виде плитки², как и А. В. Орешников³. Уже А. Л. Бертье-Делагард предположил, что это были весовые гири⁴. В дальнейшем им были опубликованы 11 ольвийских разновесов, на основании изучения которых он сделал вывод о существовании

в Ольвии своей весовой системы с милой весом до 360 г, делившейся на 60 драхм по 6 г каждая⁵. Этот вывод был подтвержден Л. И. Чуиновой, которая исследовала северопричерноморские весовые системы. Она опубликовала 10 ольвийских разновесов (часть из них уже была опубликована А. Л. Бертье-Делагардом), выделила группу контрольных гирь с изображениями и надписями. К сожалению, материал обработан ею не всегда достаточно тщательно⁶. О наличии собственно ольвийской системы писала также Е. Ф. Яровая, опубликовавшая несколько гирь из фондов Одесского археологического музея и отождествившая их с изданными А. Л. Бертье-Делагардом⁷. П. О. Карышковский исследовал группы ольвийских бронзовых контрольных гирь с изображениями и надписями, сделав вывод о наличии в Ольвии коллегии астипомов⁸. Есть публикации ольвийских гирь среди другого вещевого материала у Б. В. Фармаковского⁹,

А. Н. Карасева и Е. И. Леви¹⁰. Автор данной работы собрал и опубликовал почти все известные ольвийские весовые гири, провел их сравнение с аналогичными материалами Афин и Олинфа, сделал вывод о принадлежности их к эвбейско-аттической весовой системе и отсутствии собственно ольвийской системы¹¹. Архаические гири Ольвии до сих пор специально не рассматривались.

Весовые гири Березани также практически не изучались, следует отметить только публикации отдельных экземпляров Б. Н. Граковым¹², Л. В. Колейкиной¹³, В. В. Лапиным¹⁴.

Как известно, в Греции архаического периода пользовались монетно-весовыми системами, возникшими на основе египетских и вавилонских мер веса¹⁵. Следует отметить существование эвбейской, милетской, хиосской, эгипской и прочих систем. Однако наибольшее распространение в древнем мире получила эвбейская монетно-весовая система¹⁶.

Изучение гирь афинской агоры констатировало принадлежность их к упомянутой выше системе (за исключением материалов первых веков нашей эры). Было выяснено, что уже реформой Солона в 594 г. до н. э. положено начало официальной афинской метрологии двух весовых систем: все части весового таланта на 5% превышали монетный талант, то есть в одном весовом таланте — 6000 весовых или 6300 монетных драхм, в одной весовой мине 100 весовых или 105 монетных драхм¹⁷. Кроме того, весовая система независимо от монетной с течением времени претерпевала значительные изменения, вызванные, очевидно, экономическими явлениями. Разрыв между ними продолжал возрастать, в весовой системе появляются мины, соответствующие по весу 92, 112, 126, 138, 150, 175 монетным драхам¹⁸.

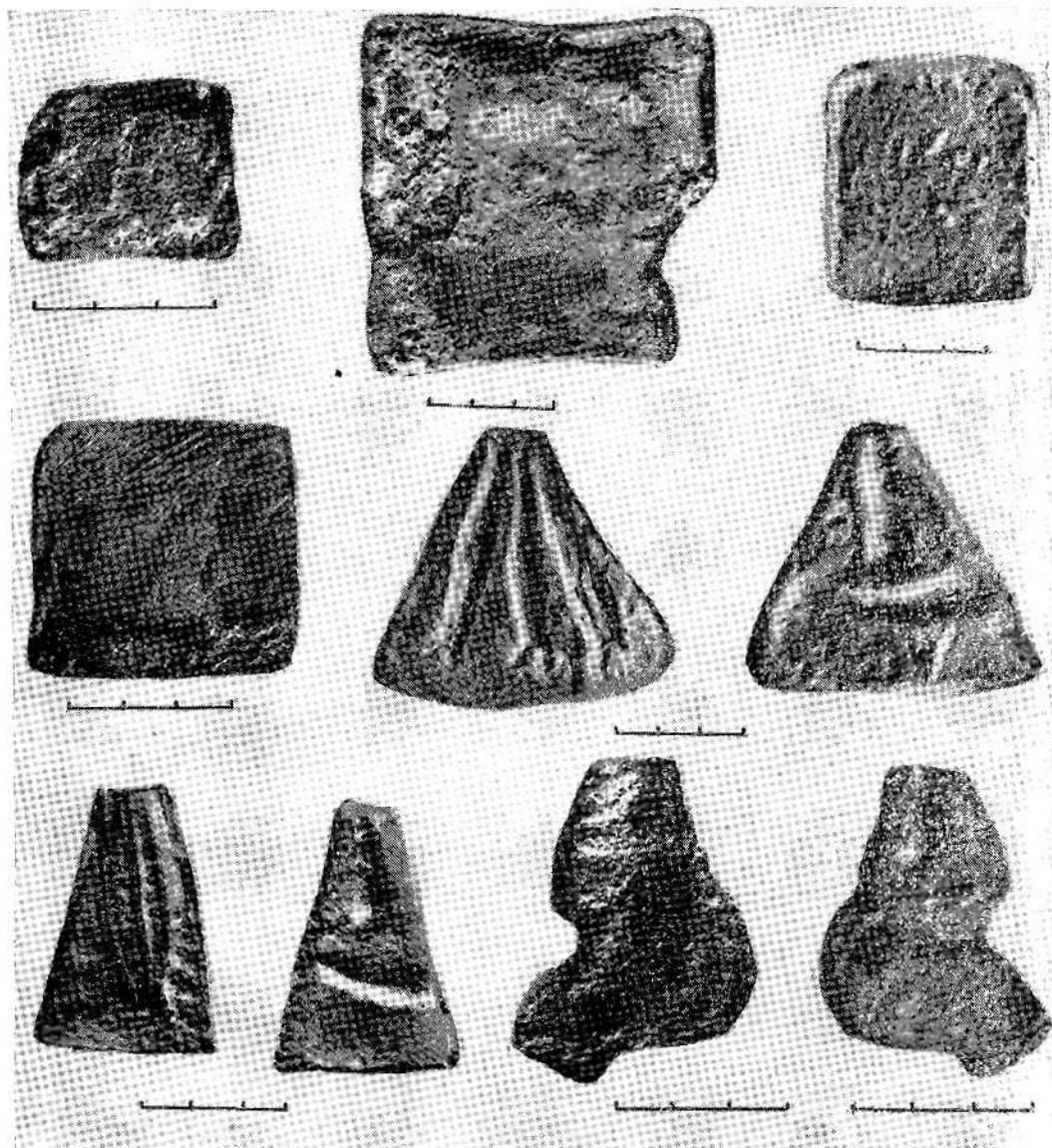
Постоянные изменения весового стандарта то в сторону уменьшения, то в сторону увеличения затрудняют датировку весовых гирь. Например, стандартом Солона пользовались как в VI, так и в IV—III вв. до н. э., стандарты 112, 126 монетных драхм бытовали в V и во II вв. до н. э. Понижение весо-

вого стандарта до 92 монетных драхм (то есть появление статера весом 756—795 г) относится к VI — началу V в. до н. э. Повышение весового стандарта до 138, 150, 175 монетных драхм следует связывать только со II в. до н. э. На афинской агоре разобраться в этом вопросе помогают также изображения и надписи на весовых гирях, которые претерпевали соответствующие изменения. Например, на гирях VI—V вв. до н. э. достоинством в один статер имеется надпись, удостоверяющая вес гири, и изображен астрагал, а на гирях того же достоинства II в. до н. э. — соответствующая надпись и изображен букраний и пр.¹⁹

С гирями северопричерноморских центров разобраться значительно сложнее. По своей форме они аналогичны гирям афинской агоры и Олинфа и представляют собой прямоугольные, квадратные, реже — трапецевидные или круглые плитки из свинца или бронзы. Одни из них выполнены тщательно, другие — небрежно, изображения и надписи на них сравнительно редки, отличны от встречающихся в метрополии и не всегда поддаются интерпретации в соответствии с весом, что затрудняет их изучение.

Все изученные автором весовые гири Ольвии (53 экз.) относятся к эвбейско-аттической весовой системе, аналогичны по весу гирям афинской агоры и Олинфа. К сожалению, отсутствие опубликованных весовых гирь малоазиатской Греции не позволяет провести сравнение с ними. Датировать сопровождающим материалом удалось только 24 экз. Еще три гири, относящиеся к стандартам 150 и 175 монетных драхм, датируются II в. до н. э. (именно тогда появляются эти стандарты, как указывалось выше, на афинской агоре). Из 27 датированных экземпляров 22 относятся к IV—II вв. до н. э., 2 — к V—II вв. до н. э., 1 — к VI—IV вв. до н. э.²⁰ Только две из изученных ольвийских гирь датируются VI — началом V в. до н. э.

1. Гиря свинцовая, инв. № АГД (0-74) 342 (фонды ИА АН УССР), прямоугольная, с легким закруглением одного из углов, с нечеткими бортиками по краям, размером $3,3 \times 2,6 \div 2,9 \times$

Арханские весовые гири Березани и Олвын.

0,4 ÷ 0,6 см. Вес 43,188 г. Пайдепа в полуземлячке на участке АГД, датируется серединой — третьей четвертью VI в. до н. э. Гиря нечищенная, хорошей сохранности, очевидно, соответствует по весу 10 драхам эвбейско-аттичской мины стандарта 100 (рисунок, а). Следует отметить, что определение стандарта всех публикуемых гирь предположительно, так как нами не производился подсчет потерь веса вследствие окисления металла.

2. Гиря свинцовая, инв. № 0-76/

103А/523 (Музей археологии АИ УССР), прямоугольная в плане, размером 6,7 ÷ 7,1 × 7,2 ÷ 7,6 × 0,6 ÷ 0,8 см. Вес 401,5 г. Гиря нечищенная, посредственной сохранности: окислена, один из углов выщерблен. Сопровождающим материалом датируется VI — началом V в. до н. э., очевидно, соответствует по весу (с учетом потерь) эвбейско-аттичской мины стандарта 100 (рисунок, б).

Предположительно к этому периоду (правда, как и к периоду эллинизма)

Стандарт	Весовые значения *	Гири Березани	Гири Ольвии	Крупные дельфины
100	4 драхмы	—	—	14,95 г
105	4 драхмы	17,593 г	—	—
105	$\frac{1}{16}$ мины	28,65 г	—	25,235 г
				26,438 г
				28,23 г
100	10 драхм	41,919 г	43,188 г	—
		39,188 г		
105	$\frac{1}{8}$ мины	—	—	58,02 г
100	$\frac{1}{8}$ мины	—	—	70,76 г
				71,5 г
92 (?)	$\frac{1}{4}$ мины	—	—	92,75 г
100	$\frac{1}{4}$ мины	—	104,655 г	103 г
100	$\frac{1}{2}$ мины	—	209,62 г	—
			219,06 г	
105	$\frac{1}{2}$ мины	229,5 г	—	—
100	1 мина	429, г	401,5 г	—

* Определены условно, так как потери веса вследствие окисления металла не подсчитывались.

могут быть отнесены еще три гири, датируемые сопровождающим материалом широким промежутком времени. Вес их не противоречит высказанному предположению.

3. Гиря свинцовая, инв. № 0-76/АГД/196 (фонды ИА АН УССР), прямоугольная, размер: $5,0 \div 5,1 \times 4,2 \div 4,4 \times 1,0 \div 1,1$ см. Вес 219,06 г. Гиря нечищенная, хорошей сохранности. Датируется сопровождающим материалом VI—IV вв. до н. э.²¹, является $\frac{1}{2}$ эвбейско-аттической мины стандарта 100.

4. Гиря свинцовая, инв. № 0-76 (В-5) 124 (фонды ИА АН УССР), прямоугольная, со слегка закругленными углами, размером $4,7 \times 4,5 \times 0,9 \div 1,0$ см. На одной из плоскостей имеется небольшая продолговатая выемка ($1,0 \times 0,3$ см), очевидно, случайная. Вес 209,62 г. Гиря нечищенная, хорошей сохранности²². Датируется сопровождающим материалом V—II вв. до н. э. Очевидно, является $\frac{1}{2}$ эвбейско-аттической мины стандарта 100.

5. Гиря свинцовая, инв. № 0-76 (В-5) 120 (фонды ИА АН УССР), прямоугольная, размером $3,0 \div 3,1 \times 2,7 \times 1,1 \div 1,3$ см. Вес 104,655 г. Гиря нечищенная, хорошей сохранности, но имеется несколько случайных неглубоких выемок. Датируется сопровождающим материалом V—II вв. до н. э.²³ Очевидно, является $\frac{1}{4}$ эвбейско-аттической мины стандарта 100.

Итак, из рассмотренных нами ольвийских гирь одна является миной, две соответствуют $\frac{1}{2}$ мины, одна — $\frac{1}{4}$ мины и одна — 10 драхмам эвбейско-аттической весовой системы стандарта 100. Кроме того, наблюдается определенная кратность этих гирь между собой (см. таблицу). Нет никаких оснований говорить об ольвийской мине весом 360 г.

Гири Березани представлены сравнительно небольшим количеством — 7 экз., из которых четыре сопровождающим материалом датируются VI в. до н. э., очевидно этим же временем следует датировать еще 1 экз. (инв. № неизвестен, но автором раскопок В. В. Лапиным гиря была помещена в Музее археологии АН УССР в витрину, посвященную Березани архаического времени). Датировка 1 экз. неизвестна, а один происходит из ямы первых веков нашей эры, включавшей материалы VI в. до н. э. из окружающего слоя. De visu автором изучено пять березанских гирь, еще об одной известно из записей в инвентарной книге находок (подробнее см. ниже):

1. Гиря бронзовая, инв. № АБ/66-318, датируется VI в. до н. э. На лицевой стороне — изображение монеты-стрелки. Вес не известен. В материалах Березани не найдена, утеряна. Известно о ней из записей инвентарной книги находок на Березани в 1966 г.²⁴

2. Гиря бронзовая, трапециевидная

в плане, размером $1,1 \div 1,6 \times 5,5 \times 0,3 \div 0,5$ см. На лицевой стороне имеется рельефное изображение трех стрел, соединенных в пучок. По боковой грани — выпуклые насечки. На обратной стороне — две выемки серповидной формы. Одна из них располагается вертикально, внутри нее — выпуклая зигзагообразная линия; другая располагается горизонтально, под ней — рельефный треугольник вершиной вниз. Впервые эта гиря упомянута в публикации Л. В. Колейкиной, где она указывает, что в 1978 г. в яме второй половины VI в. до н. э. найдена бронзовая гиря треугольной формы с эглическим изображением дельфина²⁵. Позднее Л. В. Колейкина писала, что на гире, открытой в 1978 г., можно видеть три стрелки, соединенные в один пучок²⁶. Согласно отчету о работе Березанской экспедиции в 1978 г. была найдена только одна гиря²⁷. Ее инв. № Бер. 78-144, вес 39,75 г²⁸. Очевидно, соответствует с учетом потерь веса 10 драхам эвбейско-аттической системы стандарта 100 (рисунок, д).

3. Гиря бронзовая, инв. № Б. 63-370 (Гос. Эрмитаж), полев. № Бер. 63/202/, трапецевидная в плане, размером $1,1 \div 4,5 \times 5,3 \times 0,3$ см. На лицевой стороне имеется рельефное изображение монеты-стрелки, а на обратной — две выемки серповидной формы, аналогичные выемкам гири инв. № Бер. 78-144: вертикальная, в которой отлита выпуклая зигзагообразная линия, и горизонтальная, под которой чуть заметен треугольник вершиной вниз. На боковой грани отлиты выпуклые насечки — 12 шт. Вес 28,65 г. Гиря чищенная, хорошей сохранности. Датируется сопровождающим материалом VI в. до н. э. Была опубликована Б. Н. Граковым²⁹, упоминается в отчете К. С. Горбуновой³⁰, книге В. В. Лапина³¹. Очевидно, является $1/16$ эвбейско-аттической мины стандарта 105 (рисунок, е).

4. Гиря бронзовая, инв. № АБ/69-402 (Музей археологии АН УССР), трапецевидная в плане, размером $1,7 \div 4,2 \times 5,2 \times 0,3 \div 0,7$ см. На лицевой стороне непонятное рельефное изображение, напоминающее монету-стрелку, на обратной стороне — две выемки серповидной формы: вертикальная и го-

ризонтальная. Вес 41,919 г. до чистки и 33,062 г. после нее. Края оббиты, сохранность посредственная; упоминается как гиря с изображением монеты-стрелки³², датируется сопровождающим материалом второй половины VI в. до н. э. Возможно, соответствует по весу 10 драхам эвбейско-аттической системы стандарта 100 (рисунок, ж).

5. Гиря свинцовая, инв. № не известен (Музей археологии АН УССР, витрина, посвященная Березани архаического времени), почти квадратная в плане, размером $4,7 \div 5,0 \times 4,8 \div 5,1 \times 0,9$ см. На лицевой стороне прорезана буква Н, на обратной стороне две, очевидно случайные, насечки. Вес 229,5 г. Гиря нечищенная, хорошей сохранности, является $1/2$ эвбейско-аттической мины стандарта 105, о чем свидетельствует и буква Н (циркуль). В Олинфе также зафиксированы гири с Н, являющиеся $1/2$ мины³³.

6. Гиря бронзовая, инв. № АБ/76-903 (Музей археологии АН УССР), квадратная в плане, чуть вогнутая, размером $4,2 \times 4,2 \times 0,1$ см. На вогнутой стороне сделаны бессистемные насечки, в одном из углов прочерчено АА (?). Вес 17,593 г. Гиря чищенная, неплохой сохранности. Датировка ее не известна. Очевидно, соответствует по весу 4 драхам эвбейско-аттической системы стандарта 105 (рисунок, г).

7. Гиря свинцовая, инв. № Бер. 72/119 (Гос. Эрмитаж), почти квадратная в плане, размером $4,5 \times 4,0 \div 4,5 \times 2,1 \div 2,3$ см. Вес 429 г. Гиря чищенная, хорошей сохранности. Найдена на Березани в яме первых веков н. э., в которой присутствовали также материалы VI в. до н. э. из окружающего слоя. Гиря является по весу эвбейско-аттической миной стандарта 100 и более соответствует VI в. до н. э., так как в первые века н. э. появляется иная весовая система (рисунок, в).

Итак, гири Березани, как и гири Ольвии, по весу аналогичны найденным на Афинской агоре и в Олинфе³⁴. Они соответствуют $1/16$, $1/2$ мины, 4 драхам стандарта 105 и 1 мине и 10 драхам стандарта 100 эвбейско-аттической весовой системы (см. табл.). Нет никаких оснований для выделения местной весовой единицы, отличной

от распространённых в древней Греции.

Количество гирь архаического периода, найденных на Березани и в Ольвии, невелико. Следует отметить, что и в Афинах в это время они немногочисленны³⁵. Очевидно, это связано не только с объёмом, но и с характером торговли в древности: большинство товаров продавали не по весу, а по объёму и поштучно (например, зерно, оливковое масло, вино, рыбу продавали по объёму, скот — поштучно). Основная масса весовых гирь Афин, Олинфа, Ольвии относится к периоду эллинизма и должна связываться с развитием торговли в это время. Следует также отметить, что большинство гирь Березани (6 из 7 экз.) относится к VI в. до н. э., в то время как в Ольвии они представлены достоверно двумя, предположительно еще тремя экземплярами из 53 гирь. Возможно, это может служить косвенным доказательством высказанного ранее предположения о главенствующей роли Березани как политического, экономического и религиозного центра хоры архаического периода. Только в конце этого периода таким центром становится Ольвия³⁶.

Однако хотелось бы еще отметить наличие в Ольвии периода архаики крупных бронзовых литых дельфинов, назначение которых не вполне ясно. Ряд исследователей определяет их как монеты, предшествующие в обращении мелким ольвийским монетам в виде дельфинчиков, исключает их использование в качестве поминала, стоящего над мелкими дельфинчиками³⁷, вес которых обычно колеблется в пределах 2—2,5 г³⁸. Вес крупных дельфинов составляет от 14,95 г до 103 г³⁹. Возможно, являясь деньгами, они служили также весовыми эталонами для определенного количества мелких дельфинчиков, выполняя функцию весовых гирь при изготовлении из куска металла определенного веса определенного количества дельфинчиков.

Описывая гири Олинфа, Д. Робинсон отмечает, что изображение дельфина как символа моря встречается на гирях и монетах Афин, Эгины, Мегары, и предполагает, что им могли предшествовать гири в форме дельфина⁴⁰. Как

известно, на гирях Ольвии более позднего периода также встречается изображение дельфина⁴¹, которое, возможно, следует связывать с предшествующим наличием гирь в форме дельфинов. Интересна в связи с этим находка в 1959 г. в Ольвии каменной «рыбка», отдаленно напоминающей бронзовые дельфины. Она небрежно выбита из розоватого привозного плитняка, выявлена в подвальном помещении с материалами конца VI — начала V в. до н. э., с большим количеством бронзовых дельфинчиков, часть из которых имеет надпись © Υ и один — ΑΡΙΧ⁴². Инв. № 0.59/5027, хранится в заповеднике «Ольвия». Размер: 14,4×0,5 ÷ 3,8 см, толщина 1 см. Вес 76,5 г. Возможно, это гиря. Вес ее близок весу двух крупных бронзовых дельфинов (см. табл.). Небольшое различие в весе объясняется потерей веса дельфинов вследствие коррозии металла. Кроме того, известна находка на афинской агоре архаической гири в виде бронзовой «совы», ее вес 71,42 г⁴³.

Не ставя целью публикацию и подробное исследование всех известных крупных дельфинов, рассмотрим их вес. Самый маленький из них опубликован А. Н. Зографом, его вес 14,95 г⁴⁴. В фондах Николаевского краеведческого музея хранится экземпляр, весом 28,23 г (из раскопок С. А. Семенова-Зусера в Ольвии в 1926 г.). Четыре дельфина весом 25,235 г, 26,438 г, 58,02 г и 92,75 г были найдены в Ольвии*. Дельфин весом 70,05 г опубликован П. О. Бурачковым⁴⁵. Очевидно, именно его имел в виду А. Н. Зограф, описывая дельфин весом 71,5 г из Государственного исторического музея, куда поступила коллекция П. О. Бурачкова. Кроме того, он упоминает дельфин весом 103 г из Британского музея⁴⁶. Еще один экземпляр весом 70,76 г из фондов Одесского археологического музея издан А. Г. Сальниковым⁴⁷.

Итак, всего в настоящее время известно девять крупных бронзовых дельфинов различного веса. Анализ их весовых данных показывает, что вес 14,95 г соответствует 4 драхам эвбей-

* Материалы предоставили Н. А. Лейпуцкая, С. В. Страшная.

ско-аттической системы стандарта 100; 25,235 г, 26,438 г, 28,23 г — 8 драхам эвбейско-аттической системы стандарта 100 или $\frac{1}{16}$ мины стандарта 105; 58, 02 г — $\frac{1}{8}$ мины стандарта 105; 70,76 и 71,5 г — $\frac{1}{6}$ мины стандарта 100; 92,750 г — возможно, $\frac{1}{4}$ мины стандарта 92 (хотя до сих пор гирь этого стандарта в изучаемых центрах мы не находили); 103 г — $\frac{1}{4}$ мины стандарта 100 (см. табл.). Аналогии по весу всему приведенному материалу есть среди гирь афинской агоры и Олинфа⁴⁸.

- ¹ Марченко К. К., Доманский Я. В. Античное поселение Старая Богдановка 2.— СГЭ, 1981, 22, с. 62.
- ² Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней южной России.— Одесса, 1884, с. 41, 59, 65.
- ³ Орешников А. В. Описание древнегреческих монет, принадлежавших императорскому Московскому университету.— М., 1891, с. 23.
- ⁴ Бертъе-Делагард А. Л. Поправки общего каталога монет П. О. Бурачкова.— М., 1907, с. 1—6.
- ⁵ Бертъе-Делагард А. Л. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р. Х.— ИС, 1909, т. 1, с. 78—81.
- ⁶ Чустова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье.— В кн.: Археология и история Боспора. Симферополь, 1962, т. 2, с. 64 и сл.
- ⁷ Яровая Е. Ф. О некоторых гирях Паптикапей и Ольвии.— МАСП, 1962, вып. 4, с. 243—246.
- ⁸ Каршиковский П. И. Про державный устрий Ольвии.— УИЖ, 1973, № 2, с. 98—101.
- ⁹ Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг.— ИАК, 1906, вып. 13, с. 289.
- ¹⁰ Леви Е. И., Карасев А. Н. Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960—1962 гг.— КСИА АН СССР, 1965, вып. 103, с. 87.
- ¹¹ Крапивина В. В. Весовые гирь Ольвии.— ИААСП, 1980, с. 83—98.
- ¹² Граков Б. Н. Еще раз о монетах-стрелках.— ВДИ, 1971, № 3, с. 125—127.
- ¹³ Копейкина Л. В. Раскопки Березанского поселения.— АО 1978 г. М., 1979, с. 346; Копейкина Л. В. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода.— В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации: ДИП-II.— Тбилиси, 1981, с. 168, 173.
- ¹⁴ Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья.— Киев, 1966, с. 145.
- ¹⁵ Беляев Н. Т. О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса. СИК-1. Прага, 1927, с. 261—271; Flinders P. Measures and Weights.— London, 1934, p. 21; Вологин Н. И. Латентные зависимости

- между линейными и денежно-весовыми единицами мер у древних народов.— Кlio, 1975, Bd 57, H. 1, с. 251, 253; Sellman Ch. Greek Coins.— London, 1960, p. 4—12, 18.
- ¹⁶ Sellman Ch. Op. cit., p. 37, 41; Вологин Н. И. Указ. соч., с. 249—254.
  - ¹⁷ Lang M. Weights and Measures.— Athen. Agora, 1964, vol. 10, p. 1, p. 2—3.
  - ¹⁸ Ibid., p. 3—5, 17—21.
  - ¹⁹ Ibid., p. 6—7.
  - ²⁰ Крапивина В. В. Указ. соч., с. 83—98.
  - ²¹ Там же, с. 92, № 20.
  - ²² Там же, с. 92, № 21.
  - ²³ Там же, с. 93, № 27.
  - ²⁴ Лапин В. В. Отчет о работах Березанской экспедиции в 1966—1967 гг.— НА ИА АН УССР, № 1966—67/8.
  - ²⁵ Копейкина Л. В. Раскопки Березанского поселения, с. 346.
  - ²⁶ Копейкина Л. В. Элементы местного характера..., с. 169.
  - ²⁷ Копейкина Л. В. Отчет о работе в 1978 г. Березанской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа.— НА ИА АН УССР, № 1978/51, с. 13.
  - ²⁸ Копейкина Л. В. Элементы местного характера..., с. 173.
  - ²⁹ Граков Б. Н. Указ. соч., с. 125—127.
  - ³⁰ Горбунова К. С. Отчет о работе Ленинградского отряда на Березани в 1963 и 1964 гг.— НА ИА АН УССР, № 1963—64/12а, с. 8.
  - ³¹ Лапин В. В. Греческая колонизация..., с. 145.
  - ³² Лапин В. В. Отчет о раскопках греческого поселения на о. Березани в 1969 г.— НА ИА АН УССР, № 1969/16, с. 23.
  - ³³ Robinson D. Op. cit., p. 453—454.
  - ³⁴ Lang M. Op. cit., p. 14, 25—33. Robinson D. Excavations at Olynthus.— Metal and Minor Miscellaneous Finds, 1941, pt 10, p. 451—453, 459—460, 465, 467.
  - ³⁵ Lang M. Op. cit., p. 6—7, 25.
  - ³⁶ К истории Ольвийской сельской округи / С. Д. Крыжицкий, А. В. Буракова, С. Б. Буйских и др.— ИААСП, 1980, с. 7; Лапин В. В. Указ. соч., с. 142.
  - ³⁷ Зограф А. Н. Античные монеты.— МИА, 1951, № 16, с. 122; Сальников А. Г. Лятой дельфил из фондов Одесского государственного археологического музея.— МАСП, 1957, вып. 1, с. 103.
  - ³⁸ Зограф А. Н. Указ. соч., с. 122.
  - ³⁹ Там же.
  - ⁴⁰ Robinson D. Op. cit., p. 462.
  - ⁴¹ Каршиковский П. И. Вказ. прада, с. 101; Крапивина В. В. Указ. соч., с. 89—90, № 1—3, 6, 7.
  - ⁴² Карасев А. Н., Леви Е. И. Отчет о работах Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1959 г.— НА ИА АН УССР, с. 52, рис. 148.
  - ⁴³ Barron I. P. The Silver Coins of Samos.— London, 1966, p. 8, прим. 2.
  - ⁴⁴ Зограф А. Н. Указ. соч., с. 41.
  - ⁴⁵ Бурачков П. О. Указ. соч., с. 41.
  - ⁴⁶ Зограф А. Н. Указ. соч., с. 122.
  - ⁴⁷ Сальников А. Г. Указ. соч., с. 102—104.
  - ⁴⁸ Lang M. Op. cit., p. 14, 25—33; Robinson D. Op. cit., p. 455—457, 460, 462, 464, 466—468.

ГРЕЧЕСКИЕ СЕРЬГИ И ОЖЕРЕЛЬЯ
АРХАИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Архаические украшения, особенно из драгоценных металлов, известны по раскопкам в Греции в немногочисленных экземплярах, хотя вазовая живопись и скульптура показывают, что в VII—VI вв. до н. э. часто носили серьги, бусы и браслеты. В материалах раскопок Ольвии и Березани заключена редчайшая коллекция произведений греческих ювелиров, которая дает цельное представление об украшениях архаического периода. Мы полагаем, что серьги и ожерелья этой коллекции могут дать уникальную по своей полноте картину развития форм такого рода украшений на протяжении VI в. до н. э. Среди них есть и высокохудожественные произведения античной ювелирки, и скромные, незамысловатые по исполнению украшения из недорогих материалов. Однако из-за отсутствия обобщающего исследования большая часть этих украшений не получила должного освещения в научной литературе. Многие ольвийские украшения описаны В. М. Скудновой¹. Лучшие экземпляры серег и ожерелий кратко упомянуты в «Отчетах императорской Археологической комиссии». Ольвийские бусы из стекла египетского фаянса, яштаря, гагата, кости, камня, свинца и бронзы проанализированы в работах Е. М. Алексеевой². За редким исключением, до сих пор не опубликованы бусы с Березани, а также ольвийские из драгоценных металлов; отсутствуют исследования об ожерельях. Внимание исследователей неоднократно привлекали отдельные виды ольвийских архаических серег. Чаще других в научной литературе упоминаются серьги с круглыми щитками, украшенными по середине рельефной головкой льва и орнаментированные зернью и филигранью³. Все спиралевидные подвески из Ольвии и Березани охарактеризованы в статье Л. Ф. Силантьевой⁴. Остальные виды серег либо вовсе не упоминаются, либо упоминаются эпизодически. Предметом исследования этой статьи будут все серьги и все виды бус и ожерелий,

найденные в Ольвии, на Березани и Ягорлыцком поселении.

В архаический период серьги изготавливали из бронзы, свинца, серебра и золота. В удовлетворительной сохранности до нас дошла лишь одна свинцовая серьга и две бронзовые. Представлению об архаических серьгах можно составить главным образом по многочисленным и разнообразным золотым и некоторым серебряным экземплярам. Наиболее многочисленную группу составляют серьги-калачики, затем спиралевидные подвески, далее — серьги с изображением львов и несколько серег, известных в единичных экземплярах (рис. 1).

Некоторые виды серег носили не только женщины, но и мужчины. Это известно по изображениям на античных архаических рельефах (например, небольшая серьга-калачик в ухе воина⁵) и по находкам в погребениях (спиралевидные подвески были положены в мужское погребение VI в. до н. э. на Березани)⁶.

Серьги-калачики. Весьма распространенный тип ушных украшений так назван в отечественной литературе по сходству с формой русского калача, а в зарубежных исследованиях их именуют серьгами формы лады или выпуклого полумесяца. Впервые они встречаются в Уре около 2500 г. до н. э.; хорошо известны также по находкам Микенского периода. На рубеже VIII—VII вв. до н. э., вероятно, через Сирию серьги-калачики получили распространение среди греков, живших на малоазийском побережье; в VI в. до н. э. подобные серьги стали носить во многих областях, населенных греками⁷.

Способ ношения серег-калачиков был различным: их либо надевали по одному, либо нависывали по несколько штук на кольцо как подвески. Кольцо с подвесками могло быть и уплым, и височным украшением. В ольвийских погребениях встречается по шесть небольших золотых или серебряных серег-калачиков. Наиболее древние об-

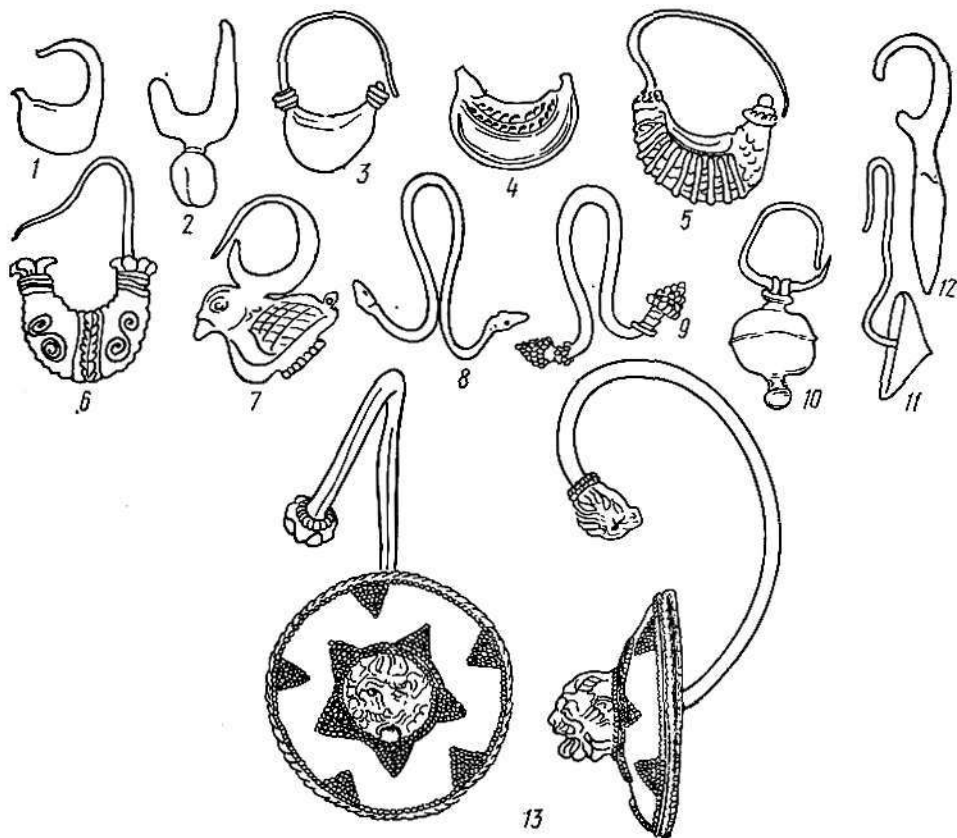

Рис. 1. Типологическая таблица серег.

разны отличаются небольшими размерами (ширина 1—2 см) и имеют гладкую, иногда рифленую поверхность. На рубеже VI—V вв. до н. э. появляются более крупные экземпляры, украшенные зернью и филигранью. Мода на серьги-калачики держалась до IV в. до н. э.; в видоизмененном виде они просуществовали до II в. до н. э.

На Березани найдена только одна пара серег-калачиков. Они находились в составе денежно-вещевого клада, обнаруженного в 1975 г.⁸ Небольшие золотые серьги (высота 1 см, ширина 1,9 см, вес 1,6 г) сильно помяты, дужки утрачены (рис. 1, 4). Серьги-калачики соединены из двух в отдельности отгнущутых половинок, шов на нижней части декорирован золотой папаянной ленточкой. В более дорогих экземплярах этот шов прикрывала филигранная плетенка (рис. 2, 10), в более же простых образцах шов ничем не закрыт

(рис. 1, 3—5; 2, 1, 2, 5)*. Березанские серьги украшает продольная полоса тисненого линейного орнамента. По сопровождающему материалу серьги датируются примерно серединой VI в. до н. э.

Серьги-калачики неоднократно встречались в некрополе Ольвии второй половины VI — начала V в. до н. э.** Один экземпляр найден на Ягорлыцком поселении. Наиболее многочисленную группу из них составляют золотые и серебряные, ничем не украшенные экземпляры, иногда имеющие на концах полумесяца один или два рубчатых ободка (рис. 1, 3; 2, 1, 2). В Северном Причерноморье аналогичные серьги-

* Фотографии отпечатаны с негативов фотоархива ЛОИА АН СССР.

** Датировка погребений дана по работе В. М. Скудной «Архаический некрополь Ольвии».

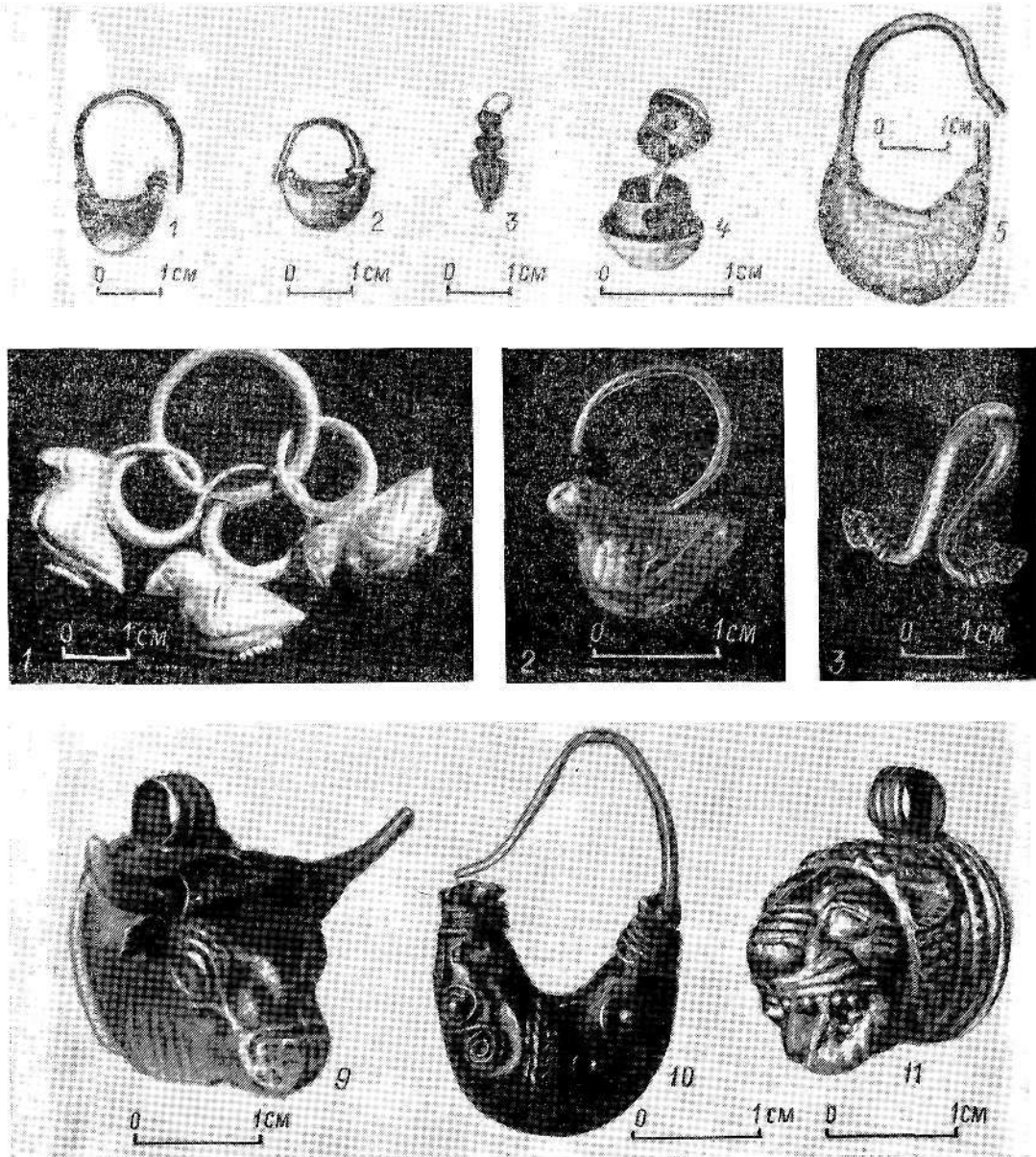

Рис. 2. Серьги и подвески.

калачики найдены в некрополе Нимфея.⁹ Все золотые серьги-калачики — полые внутри; подобно березанским они исполнены из двух половинок тонкого листа металла¹⁰. Серебряные серьги-калачики — очень мелкие, диаметром от 0,8 до 1 см; они относятся к редким образцам

литых украшений из драгоценных металлов*. Литым является и единственный свинцовый экземпляр серьги-калачика с Ягорлыцкого поселения (рис. 1, 2)¹¹. К нижней части серьги примыкает каплевидный выступ. Это сравнительно недорогое литое украшение ими-

* В случаях, когда украшения не изданы, указываются их инвентарные номера. ГЭ, инв. № 0.191022 — пять экз.; 0.191133 —

шесть экз.; 0.191113 — семь экз.; 0.1911100 — семь экз.

тирует серьги из драгоценных металлов. К ним прикрепляли тоненькие проволочные ушки, к которым подвешивали на таких же тонких крючках различные подвески. Последние сохраняются крайне редко. Таковы, например, купленные из хитрических раскопок на Тамани серьги-калачики с тремя золотыми подвесками в форме зерен¹². Вероятно, какие-то подвески были и на серьгах из березанского клада, так как на одном экземпляре можно различить остаток крепления подвески.

Из Ольвии происходят две золотые нешарные, но очень похожие друг на друга серьги-калачики с тисненым орнаментом (рис. 1, 5; 2, 5)¹³. Поверхность серег рифленая; гладкие ребра чередуются с ребрами, покрытыми линейным орнаментом, аналогичным березанскому; по размеру ольвийские и березанские серьги также близки. Все это позволяет отнести их к архаическому периоду. Ближайшие, но не полные аналогии этим серьгам происходят из некрополя Нимфея и с Таманского полуострова¹⁴. Орнаментация таманских серег близка ольвийским, а на нимфейских корпус рифленый, без орнамента. У всех перечисленных экземпляров по-разному завершаются концы калачика.

Отметим пару крупных серег-калачиков (высота с дужкой 4 см, ширина 2 см), украшенных большими шариками зерна, которую окружают завитки филигранной налаяпшой проволоки. Середина серьги перехвачена плетешкой, ею скрыты верхний и нижний швы; концы полумесяца оканчиваются розетками, основание которых опоясано несколькими рядами проволоки (рис. 1, 6; 2, 10). По характеру и разнообразию ювелирных приемов их можно сравнить с серьгами, украшенными головками львов, хотя уровень мастерства исполнения несколько ниже лучших образцов серег со львами. Как и последние, они относятся к изделиям ионийских мастеров. Рассматриваемые серьги были приобретены Б. В. Фармаковским у торговца древностями вместе с ожерельем и подвесками-птичками, которые, по уверению продавца, происходили из одного погребения¹⁵. Серьги

подобного рода появляются в конце VI в. до н. э. и существуют до середины IV в. до н. э.¹⁶ Ольвийские серьги, по-видимому, следует отнести к одним из наиболее ранних образцов, так как приобретенные с ними подвески-птички определенно относятся к архаическому периоду (рис. 2, 7). Ведь через несколько лет (в 1912 г.) аналогичные подвески по три на каждое ухо (рис. 2, б) были найдены в погребении конца VI в. до н. э.¹⁷

Маленькие большеголовые золотые птички с крупным клювом, как и серьги-калачики, выполнены из двух половинок. Поджатые лапки обозначены ободком прямой (на купленных экземплярах) или рубчатой проволоки (находка 1912 г.). Глаза и крылья выполнены методом тиснения. Характер линейного орнамента на крыльях близок к орнаменту на серьгах-калачиках из березанского клада. К спинкам птичек для нанизывания их на одно кольцо прикреплены либо несомкнутые проволочные колечки (на купленных экземплярах), либо кольца с утолщением, сходные с калачиками (находка 1912 г.). В последнем случае перед нами усложненный вариант уже рассмотренного украшения с нанизанными серьгами-калачиками. Это редкий случай, когда сохранилось большое кольцо, объединявшее подвески, так что украшение можно видеть в его первоначальном виде.

Подвески-птички обнаружены только в Ольвии. Однако аналогии в их орнаментации и технике исполнения дают основание полагать, что, подобно многим другим ольвийским украшениям, подвески изготовлены в Ионии в середине — второй половине VI в. до н. э.

К калачиковидным примыкают серьги в виде литого кольца с утолщенной нижней частью. Их тупо обрезанные или заостренные концы близко подходят друг к другу. В странах Переднего Востока такие серьги были типичным украшением мужчин-воинов с начала I тысячелетия до н. э. В Скифских курганах они встречаются с VI по IV в. до н. э.¹⁸

В Музее исторических драгоценностей УССР хранится пара литых золотых серег указанного типа, происходя-

щих из Ольвии*. Более точные сведения об их происхождении отсутствуют; по-видимому, они поступили из частной дореволюционной коллекции. По форме они близки к колечкам с утолщениями, которые прикреплены к подвескам-птичкам. В своде В. Г. Петренко учтено пять экземпляров таких серег из скифских курганов. Исследовательница полагает, что они попали туда по восточному пути из Передней Азии¹⁹. Действительно, такие серьги не часто встречаются у греков²⁰, а в раскопках архаических слоев греческих колоний Северного Причерноморья они не попадались. Однако серьги из коллекции Музея исторических драгоценностей УССР свидетельствуют, с одной стороны, о том, что ольвиополиты носили и этот тип украшений, с другой — что к скифам они попадали подобно массе других украшений путем торговли с греческими колониями.

Спиралевидные подвески сгибались из сравнительно толстой проволоки в виде латинской буквы W, однако с высоко поднятым средним изгибом и отогнутыми в сторону концами (рис. 1, 8, 9). Последние могут быть оформлены в виде головок змей, оканчиваться пирамидками зерни или другим украшением. Такие подвески находят как в Северном Причерноморье (Ольвия, Березань, Боспор)²¹, так и в Греции²². Большинство известных подвесок сделаны из драгоценных металлов, однако иногда встречаются и бронзовые, как например, два экземпляра из раскопок Олимпии²³. Исследователи сходятся во мнении, что этот тип украшений появился первоначально в Восточной Греции²⁴; Д. М. Робинсон считает, что самые ранние образцы были созданы на Крите в Микенский период²⁵. Первоначально они служили украшением причесок, а затем стали использоваться и в качестве серег. В архаический и классический периоды им были присущи только последние функции²⁶. Для этого к верхней части украшения прикреплялась розетка, имевшая с обратной стороны тонкий крючок, легко продевавшийся в ухо. Хрупкие розетки,

как правило, не сохраняются; в Северном Причерноморье их не обнаружили ни разу, но в других греческих центрах они иногда встречаются²⁷.

Из раскопок Ольвийского полиса архаического периода известны четыре пары золотых спиралевидных подвесок: одна из некрополя Березани, остальные из некрополя Ольвии; высота их колеблется от 2 до 3 см. Возможно, они изготовлены на Родосе или на Хиосе. Такое предположение основано нами на том, что, во-первых, подобные подвески обнаружены при раскопках на этих островах²⁸, бывших в архаический период центрами ювелирного производства; во-вторых, массовый керамический материал архаического периода свидетельствует об интенсивных связях Родоса и Хиоса с Березанью и Ольвией. Березанские подвески найдены Г. Л. Скадовским в погребении № 128 во время раскопок 1900—1901 гг. Они лежали у черепа воина, около бедра которого находился меч, а в ногах остатки колчана с наконечниками стрел. Подвески согнуты из золотых проволок, концы которых оформлены в виде головок змей²⁹.

Ольвийские подвески найдены Б. В. Фармаковским во время раскопок некрополя в 1910, 1912 и 1913 гг. Одна пара имеет пеясные украшения на концах, две другие завершаются пирамидками зерни, у основания которых сделаны ободки³⁰ (рис. 2, 8). Погребения, в которых обнаружены подвески, датируются второй половиной VI — рубежом VI—V вв. до н. э.

Серьги-наушницы. В ольвийских погребениях второй половины VI в. до н. э. найдены пять пар крупных золотых ушных украшений высотой 6—8 см. На их конусовидных щитках диаметром от 3,5 до 4,5 см помещены в центре рельефные головки львов. К задней стороне щитка прикреплен толстый изогнутый стержень; он охватывал с тыльной стороны ушную раковину так, что щиток закрывал нижнюю часть уха, а над верхней частью выступал конец стержня, оканчивающийся головкой барана либо чешуйчатыми шишечками, либо просто шариком³¹.

Все названные серьги сделаны по

* Ияв. № 6091.

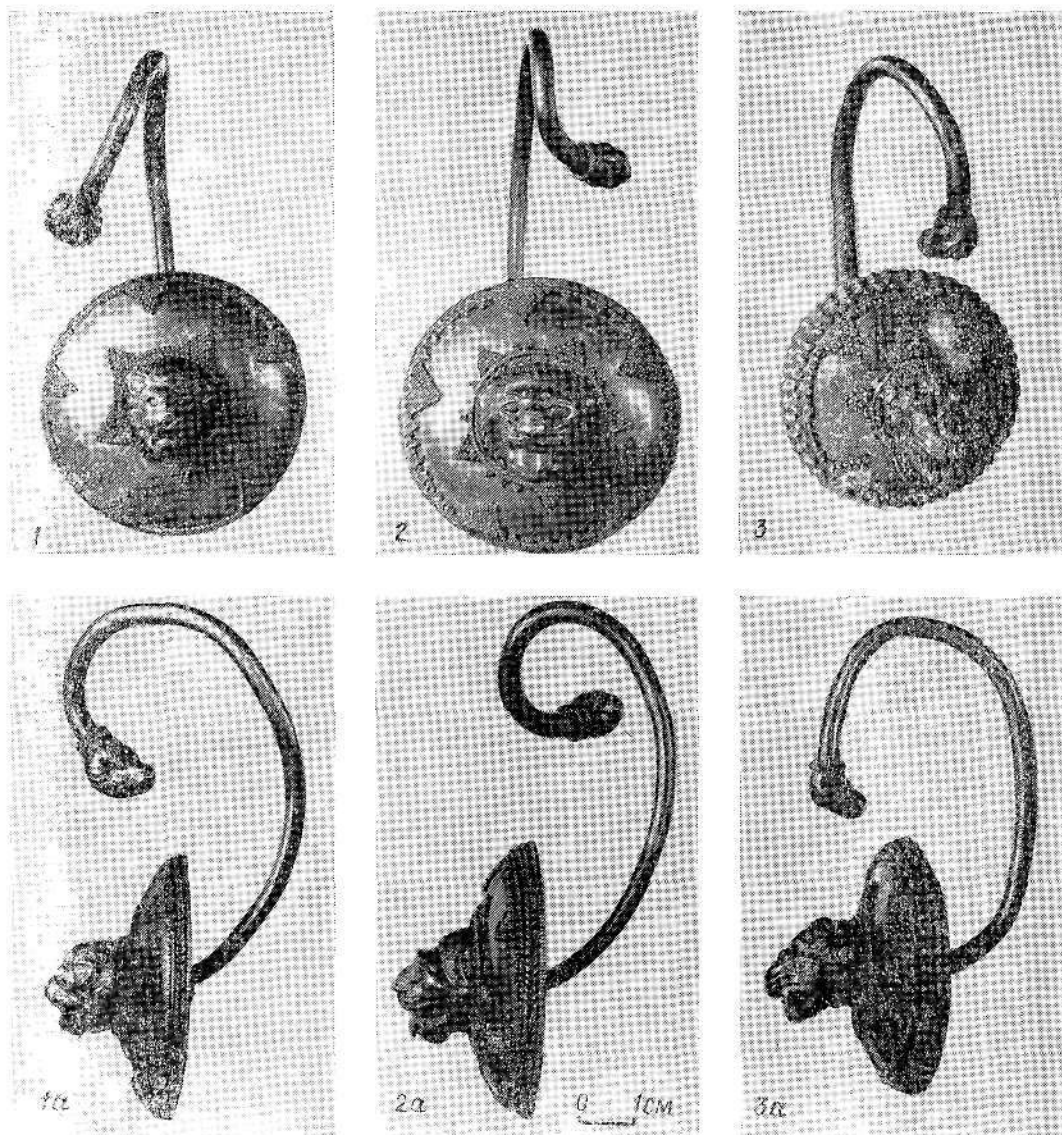

Рис. 3. Золотые серьги-наушницы с головками львов.

единому художественному замыслу, однако различаются деталями и уровнем мастерства исполнения. Выше были отмечены разные завершения дужек серег. Край щитка и головка льва опоясаны сканой плетенкой, пятами и пятью пирамидками зерна. Последние встречаются на всех изделиях разного размера, они имеют в основании от 5 до 10 рядов зерен. На более искусно сделанных экземплярах зерна мелкие, одинаковые, размещенные ровно и аккуратно. Одна пара серег отличается от прочих более низким классом мастерства исполнения

(рис. 3, 3). Край щитка обрамлен рифленой проволокой, вместо плетенки припаян поясик из гладкой проволоки, зернь крупная, неровная.

Смысловой и художественный центр украшения — голова льва с оскаленными зубами и высунутым языком. Изображение этого животного — олицетворение силы и могущества — имело религиозно-символическое значение и служило своему владельцу в качестве апотропея. Такую же роль играли головки баранов и пальмовые шипки на завершении дужек серег³². Различают-

ся детали изображения головок львов: на трех украшениях они имеют волнистую гриву, на четвертом — грива намечена только на темени мелкими косыми ромбами, на пятом — грива на темени и на шее обозначена бугристой поверхностью. Контуры глаз, ушей, складки на носу выделены, как правило, рельефным тиснением. Лишь в одном случае глаза и уши были обрамлены зернью (рис. 3, 3) и заполнены голубой эмалью. Ее остатки были видны при раскрытии погребения³³.

Среди ольвийских украшений архаического периода это единственный известный случай примесения техники эмали, которая нашла широкое распространение в ювелирных изделиях V—IV вв. до н. э., обнаруженных в Северном Причерноморье. Погребения с серьгами, украшенными эмалью, датируются 530—520 гг. до н. э. Следовательно, серьги изготовлены не позднее середины VI в. до н. э. Они представляют один из наиболее древних образцов применения эмали греческими ювелирами. Полагают, что эта техника была заимствована у ассирийцев ионийскими мастерами. Наиболее древние образцы греческой работы с эмалью известны с начала VI в. до н. э. (украшение хрисэлефантинной статуи из Дельфы)³⁴.

По-разному выполненные детали указывают на индивидуальную манеру мастеров. Три пары близки по стилю (рис. 3, 1), две другие резко от них отличаются. Одна из них наиболее богато украшена зернью (рис. 3, 2), другая, наоборот, обнаруживает более низкий по сравнению с другими уровень мастерства, о чем говорят невысокое качество зерни и только самые простые приемы филигранной техники (напаивание простой проволоки и отсутствие плетенки).

Кроме ольвийских известна еще одна пара таких серег, найденная в кургане у села Емчиха Киевской губернии³⁵. Они, по общему мнению, попали туда в результате торговых связей с Ольвией³⁶. Композиция серег из Емчихи полностью совпадает с одной парой ольвийских серег (рис. 3, 1).

Б. В. Фармаковский писал, что названные серьги сделаны в одном из ионийских городов. Его мнение поддержива-

ется большинством современных исследователей. Утверждения С. И. Капошиной и Е. О. Прушевской о том, что такие серьги исполнены ольвийскими мастерами³⁷, неубедительны³⁸.

Действительно, головки львов на ольвийских серьгах близки по характеру и технике изображения того же животного на ионийских архаических подвесках, которые известны по находкам не только в Ольвии, но и в других городах Северного Причерноморья. Например, на подвеске из погребения № 10, открытого в 1913 г. (рис. 2, 11) так же, как и на серьгах из погребения № 100 того же года (рис. 3, 2), грива льва представлена косыми ромбами, в одном и том же стиле изображены глаза, нос, усы и складки на носу рычащего животного.

Из Ольвии, по словам продавца, происходят серьги такой же формы, но с гладкими щитками*. Других прямых аналогий рассмотренным серьгам не найдено, хотя по произведениям архаического изобразительного искусства можно заключить, что серьги с крупными круглыми щитками были в Греции широко распространены. Достаточно напомнить серьги в ушах архаических кор из раскопок афинского Акрополя. Однако по орнаментации подобных серег изобразительное искусство не дает представления, показывая обобщенно лишь их контуры. Сочетание же головки льва на плоском щитке и украшения зернью можно видеть на золотых подвесках из некрополя Родоса³⁹.

Среди серег, обнаруженных на территории Ольвийского полиса, есть находки единичных экземпляров. В богатом архаическом погребении на Березани, открытом Г. Л. Скадовским, лежала золотая серьга в виде кольца с привешенным к нему на меньшем колечке тоже золотым шариком (рис. 1, 10)⁴⁰. Такого же характера серьга из погребения № 99 1911 г.: на серебряном кольце был шарик — бусина из египетского фаянса**.

Можно предположить, что несохранившиеся медные и бронзовые серьги часто имели незамысловатые формы

* ГЭ, инв. № Д-210.

** Там же, инв. № 0.1911381.

колечек с шариками и бусинками. Однако сохранившиеся два экземпляра бронзовых серег имеют иной вид. В одном из ольвийских архаических погребений (1911 г., погребение № 46) пагодились гвоздевидные серьги (рис. 1, 11), подобные тем, которые встречаются в скифских курганах. Такие серьги были распространены в VI в. до н. э.⁴¹ Другая бижутерическая сережка с петлей найдена на Ягорлыцком поселении (рис. 1, 12). По форме она схожа с серьгами, встречающимися на Северном Кавказе на рубеже VI—V вв. до н. э.⁴²

Коллекция архаических серег с территории Ольвийского полиса показывает, что серьги из драгоценных металлов привозили из восточногреческих центров. Известные нам образцы из бронзы и олова сделаны ольвийскими мастерами. Это не означает, конечно, что среди импортных серег не было изделий из недрагоценных металлов, которые, вероятно, имели широкое распространение, но мало известны из-за плохой сохранности в земле мелких бронзовых изделий.

Золотые и серебряные серьги представляют чисто греческие украшения, работы же ольвийских мастеров в недрагоценных металлах воспроизводят греческие и скифские формы. В этом отражается характер меднолитейного ольвийского ремесла, с самого начала своего возникновения работавшего как на внутренний, так и на внешний рынок и учитывавшего вкусы своих торговых партнеров. Это проявлялось не только в украшениях, но также во многих других изделиях, например, в изготовлении стрел скифского типа или зеркал, украшенных в зверином стиле.

Бусы — наиболее массовый тип украшений, которые встречаются при раскопках большинства археологических культур. Как и прочие украшения, их находят главным образом в погребениях. Скопления бус бывают также на развалинах мастерских, где их изготавливали⁴³. Подобная мастерская обнаружена у Ягорлыцкого залива на территории Ольвийского полиса архаического периода⁴⁴. Достаточно часто бусы (особенно единичные и недорогие экземпляры) встречаются в слоях поселений.

Бусы (и их разновидности подвески

и пронизы), вероятно, самое древнее из украшений, произошли от магических амулетов. Они уже в глубокой древности стали приобретать чисто декоративные функции. Однако магическое значение отдельных видов бус и подвесок сохранялось и в античности. Например, охранительная и магическая сила приписывалась фигурным подвескам и глазчатым бусам⁴⁵, постоянно попадающим в архаических слоях поселений Ольвийского полиса.

Известно, что в античности драгоценные камни наделяли разнообразными магическими и целительными свойствами. Мастера, изготовлявшие дешевые стеклянные бусы, часто делали их похожими по цвету на драгоценные и полудрагоценные камни. Таким образом, эти изделия могли заменить небогатым людям соответствующий камень.

Находки бус в нетронутых грабителями погребениях показывают, как их носили в древности. Чаще всего из них составляли ожерелья, иногда браслеты. Крупные бусины использовали в качестве пуговиц, режее — как застежки и украшения обуви. Кроме того, бусами расшивали пояса и края одежды. Например, в богатом архаическом погребении воина па Березани золотые и сердоликовые бусы украшали пояс⁴⁶.

Бусы присутствуют главным образом в женских погребениях, но встречаются также в мужских и детских захоронениях. Для последних характерны особые паборы, различающиеся присутствием украшений из египетского фаянса, наличием амулетов, фигурных подвесок и пронизей⁴⁷.

Среди архаических бус, найденных на территории Ольвийского полиса, самую многочисленную и разнообразную по формам и цветам группу составляют изделия из стекла и египетского фаянса, затем следуют бусы из металла, далее из обработанных полудрагоценных и прочих камней, из кости, наконец, единичные экземпляры из янтаря, гагата и прочих редко встречающихся материалов. Все виды бус собраны нами в типологической таблице (рис. 4).

Во время долгого нахождения в земле стеклянные бусы и подвески покрываются толстым белым налетом, и все они появляются перед глазами архео-

Рис. 4. Типологическая таблица бус, подвесок и пронизей.

логов одинакового белого цвета. Лишь после тщательной очистки можно судить об их первоначальной окраске. То же самое надо сказать и об янтаре. Его истинный цвет скрывает окислительная корка красновато-бурого цвета.

В отличие от современных древние ожерелья не всегда охватывали всю шею, а состояли из небольшого числа и даже из единичных бусин и подвесок, нанизанных на нитку или проволочку. Таким образом, бусы и подвески чаще всего украшали лишь переднюю часть шеи. Поэтому в погребениях передно находят лишь по нескольку бусин, а иногда и по одной бусине или подвеске.

Раскопки погребений позволяют представить, каковы были небольшие ожерелья архаического периода: например, ожерелье из восьми округлых лиловых бусин одноцветного стекла (1912 г., погребение № 31), ожерелье из четырех округлых сердоликовых бусин (1911 г., погребение № 102), ожерелье из пяти веретенообразных бирюзовых бусин египетского фаянса (1912 г., погребение № 39), ожерелье из двух белых и пяти красных бусин египетского фаянса (1911 г., погребение № 96). В такие ожерелья включались скарабей. Например, один скарабей входил в ожерелье вместе с одной буро-красной и

пятью бирюзовыми бусинами из египетского фаянса (1914 г., погребение № 18).

Наряду с этим встречаются ожерелья, составленные из многочисленных бусин. Например, в ожерелье из погребения № 16 1907 г. входило 122 бисерные бусины белого, красного и бирюзового цвета, 8 округлых и 9 веретенообразных бирюзовых бусин из египетского фаянса. По наблюдениям Е. М. Алексеевой, достаточно обычным в античном ожерелье является сочетание от двух до пяти форм бус из египетского фаянса, изредка встречается шесть — восемь форм⁴⁸.

Следует отметить, что в греческих колониях Северного Причерноморья разнообразны бусы и подвески из египетского фаянса архаического периода находят только на территории Ольвийского полиса, лишь отдельные веретенообразные бусины из этого материала встречаются в Фанагории и Пантикапее⁴⁹. До недавнего времени считалось, что изделия из египетского фаянса изготовлялись исключительно в Навкратисе и попадали в Ольвию через посредство Милета, Родоса и Кипра. Навкратийские мастерские существовали до персидского завоевания Египта, то есть до начала последней четверти VI в. до н. э. Бусы же из египетского фаянса встречаются в Ольвии и в V в. до н. э. Это объясняется не только тем, что одни и те же изделия столь долго находились в употреблении, но и тем, что на территории Ольвийского полиса было налажено производство бус из стекла и египетского фаянса. При исследовании остатков производства бус на Ягорлыцком поселении обнаружены три их вида: биконические различных оттенков зеленого цвета, округлые — синие и голубые, глазчатые; основа последних темно-коричневая, на которой помещены слоистые-кольчатые глазки: бирюзовые и зеленые глазки в кольцах белого и серого цветов⁵⁰.

В состав ожерелья могли входить бусы из разных материалов, например две бесцветные стеклянные бусины, две желтые с красно-желтыми глазками из египетского фаянса и две костяные (1909 г., погребение № 18). Отдельные бусины из янтаря и горного хрусталя

включали в середину ожерелий из более дешевых материалов, таких, как стекло и египетский фаянс (1910 г., погребение № 75; 1911 г., погребение № 309 из раскопок Скадовского на Березани).

Наиболее ценные бусины (не всегда по материалу, а и по своему магическому назначению) иногда оплетались золотой проволочкой и таким образом выделялись в ожерелье. Таковы две глазчатые бусины в золотой оправе из погребения начала V в. до н. э. (1913 г., погребение № 29). Как известно, глазчатым бусинам была свойственна функция амулетов. Однако роль амулетов от дурного глаза, болезней и прочих напастей играли главным образом подвески и пронизы всевозможных форм. Часто их делали из египетского фаянса.

Среди пронизей из этого материала наиболее распространенными были скараabei и скарабеоиды (рис. 4, 49, 50) встречаются также фигурки лежащего льва (рис. 4, 52) ⁵¹. Подвески бывают в виде шишек и голов животных. Тонкостью работы выделяется голубая головка барана со знаком скорпиона на обратной стороне (рис. 4, 54); ширина подвески 1,2 см, диаметр основания шеи животного 1 см. Хорошо моделированы морда и закрученные рога барана. Обратная сторона подвески имеет форму гладкого круга, на котором вырезан скорпион, «хорошо известный и понятный знак для отвращения пагубной силы дурного глаза и влияния злых сил» ⁵². В архаический период скараabei и подвески выполняли, по-видимому, функцию не столько украшений, сколько амулетов, отвращающих те или иные злые силы.

По единодушному мнению исследователей, скараabei, скарабеоиды и подвески из египетского фаянса, найденные на Березани и в Ольвии, сделаны в VI в. до н. э. по египетским образцам в греческой колонии Навкратисе. Остатки мастерской, где изготовлялись подобные предметы, были обнаружены и опубликованы Ф. Петри ⁵³. По мнению М. Э. Матье ⁵⁴, подвеска в виде головы барана из некрополя Ольвии столь похожа на сходные подвески из Навкратиса, что кажется, будто все они сделаны по одной форме. В работе

М. Э. Матье описаны скараabei и две подвески из египетского фаянса, найденные Б. В. Фармаковским в Ольвии. Исследовательница нашла некоторым из них полные аналогии в Навкратисе, другие же оказались новыми, еще не известными вариантами. Березанские скараabei и скарабеоиды из раскопок Г. Л. Скадовского в 1900—1901 гг. исследованы в статье Б. А. Тураева ⁵⁵.

Скараabei из египетского фаянса бывают желтоватого, голубого и сипего цветов. Все они проткнуты для напизывания. Выпуклая их сторона оформлена в виде жука, на гладкой обратной стороне вырезаны иероглифы и разные изображения. По публикациям известно 19 скарабеев и 3 скарабеоида из раскопок Березани и Ольвии.

Скараabei были заимствованы греками у египтян и использовались в функции печатей и амулетов. В древнем Египте скараabei появились в конце III тысячелетия до н. э. Чаще всего их изготавливали из стеатита, а также из всевозможных камней, изредка из металлов. Широкое распространение получили у египтян, а затем и у греков скараabei из стекловидной массы, которую принято называть «египетским фаянсом».

Выпуклая сторона изделия представляет жука, которого египтяне считали олицетворением бессмертия. В этом была заключена функция скараabei как амулета. Другое его назначение — служить печатью владельца — выполняла противоположная овальная гладкая сторона, где вырезали изображения и надписи. На надписях часто бывают начертаны имена царей, чиновников, частных лиц. Иногда надписи отражают важные события государственного значения. Многочисленны скараabei, повторяющие слова папируса «Книги мертвых». Есть, наконец, зашифрованные тексты-криптограммы, предназначенные охранять человека от злых сил ⁵⁶. Долгое время египтологи считали иероглифы на этих скарабеех бессмысленным набором знаков, и только в 30-х годах XX в. французский египтолог Этьен Дриатон предложил дешифровку криптографических скарабеев. С этой точки зрения теперь требуется пересмотр надписей на скарабеех, найденных на Березани: изданные Б. А. Тураевым в

1911 г., некоторые из них были определены ученым как безграмотные, но теперь им можно дать иное истолкование.

На ряде скарабеев из Ольвии и Березани есть изображения людей и животных. В представлении египтян многие животные были наделены сверхъестественной силой и воплощали то или иное божество. Изображение животного на скарабее должно было охранять его владельца от злых сил, болезней, несчастий.

Для архаического периода редкостью являются две стеклянные подвески, представляющие мужскую бородатую голову (рис. 4, 43). Лицо выполнено желтым цветом, волосы, брови, круги вокруг глаз, зрачки и борода окрашены синей краской, белый цвет присутствует только в белках глаз. Подвеска худшей сохранности найдена в архаическом погребении Ольвии, более хорошо сохранившаяся — приобретена из хищнических раскопок⁵⁷. Недавно было высказано предположение, что местом производства этих подвесок был Карфаген⁵⁸.

Подвеска в форме головы собаки (или волчьего хищника?) найдена в 1981 г. на поселении Козырка 9 в слое первой четверти V в. до н. э. Это единственная сохранившаяся стеклянная подвеска такого вида в Северном Причерноморье. Глаза животного составлены из четырех щитков: на белом фоне тонким ободком очерчен глаз, затем на белом щитке, обозначающем белок, темный выпуклый щиток изображает зрачок. В раскрытой пасти видны зубы, помеченные мазками белого стекла (рис. 4, 51).

Золотые подвески из Ольвии и с Березани разнообразны. Часто они сходны по форме с подвесками, выполненными из иных материалов: таковы головки животных и амфорки. На Березани найдены широко распространенные по всему греческому миру подвески в виде бутылов (рис. 4, 8; 5, 1). В архаический период их делали более широкими, чем в V—IV вв. до н. э., когда они приобрели изысканную удлинненную форму.

Больше других в Ольвии встречаются золотые подвески, изображающие голову рычащего льва: две подобные подвески происходят из архаических погребений и три куплены из хищниче-

ских раскопок⁵⁹. Тонкой работой с прекрасной проработкой деталей выделяется лев из погребения № 10 1913 г. (рис. 2, 11). Шерсть его на шее обозначена условно косыми ромбами, зато реалистично и старательно показаны зубы и клыки, высунутый язык и собравшиеся складки на осклизшей морде животного. Выше было отмечено сходство приемов изображения льва на одной паре серег и на данной подвеске. Она относится к наиболее ранним изделиям этой группы подвесок, которые Б. В. Фармаковский датировал первой половиной VI в. до н. э. и считал сделанными в понийской мастерской⁶⁰.

Подвеска в виде головы быка — единственная из архаических находок такого рода в Северном Причерноморье⁶¹. Она интересна еще и тем, что по ней можно определить технику изготовления подобных изделий: внутри сохранились остатки деревянной основы, на которую с помощью тиснения была набита тонкая золотая пластинка⁶². К верхней части подвески, как и к другим головкам животных, прикреплено рифленое колечко для подвешивания (рис. 2, 9).

Для хранения какого-то драгоценного благовония была сделана крошечная золотая амфоровидная подвеска (рис. 2, 4)⁶³. Высота этого миниатюрного изделия всего 0,8 см. В горлышке и пробочке сосудика имеются дырочки, через которые продевалась нить или проволока для подвешивания, а пробка таким образом надежно соединялась с горлышком. Следует отметить, что это единственная амфоровидная подвеска из Ольвии, представляющая собой настоящий сосуд. Остальные подвески такой формы (бронзовые и костяные) сплошные, без полости внутри. Серебряная подвеска найдена всего одна, она имеет вид песочкутого проволочного овала с петелькой для подвешивания*.

Бронзовые бусины и пронизи сохранились в многочисленных экземплярах. Они обычно входят в состав ожерелий и бус из египетского фаянса и представляют собой более или менее широкие колечки. Бусы такого вида

* ГЭ, инв. № 0.1911382.

встречаются при раскопках других греческих центров, например Олинфа⁶⁴. В некрополе Ольвии обнаружены три бронзовые подвески в виде амфорок (рис. 2, 3)⁶⁵. Бронзовые амфоровидные подвески VI в. до н. э. известны также по раскопкам в Греции⁶⁶.

Костяные подвески, как и золотые, довольно разнообразны, однако формы у них иные: в виде ноги, зуба, цилиндра с нарезками (рис. 4, 32—35)⁶⁷. Общие по виду с прочими подвесками только амфоровидные*. Подвески в виде ноги и зуба наиболее архаичны. Над декоративной функцией в них явно преобладает магическое содержание.

В состав ожерелий нередко включали изделия из камня. Бусы изготавливали главным образом из полудрагоценных камней, а подвески из обыкновенных. В ольвийском некрополе обнаружены подвеска из белого пористого камня овальной формы и подвески из серого камня в виде усеченной пирамидки (рис. 4, 28—29)⁶⁸; все они имеют дырки для подвешивания.

Бусы из полудрагоценных камней чаще всего круглые из светлого и темного сердолика (рис. 4, 20—22)⁶⁹. Попадаются единичные бусины из горного хрусталя разных форм: одна в виде четырехгранного цилиндра, другая круглая желобчатая, третья — овальная⁷⁰. В ольвийских погребениях архаического периода найдены крупные бусины из янтаря (рис. 4, 18—19): две округло-ребристые с мелкими дольками и одна круглая**. В дневнике Г. Л. Скадовского отмечены янтарные бусы в архаических погребениях Березани: например, в погребении № 309 вместе с зеркалом, украшенным фигуркой пантеры на конце ручки, которое датируется рубежом VI—V в. до н. э.⁷¹

Самые ранние образцы бус из гагата (смолистой разновидности ископаемого угля) в Северном Причерноморье найдены в Ольвийском погребении рубежа VI—V вв. до н. э.⁷² Это две бочковидные неорнаментированные бусины. Многие древние пароды включали в ожерелья ракушки; они иногда встре-

чаются и в ольвийских архаических украшениях (рис. 4, 30)⁷³.

Во второй половине VI в. до н. э. ожерелье окончательно превращается из простого собрания разных бус, подвесок и пронизей в единое художественное произведение с ритмичным чередованием элементов. Такие изделия отнесены на второй план характерные для предыдущей эпохи украшения с разнообразными подвесками. Архаические ожерелья из Ольвии дают прекрасные экземпляры переломного периода в формировании шейных украшений: здесь есть и ожерелья с многочисленными подвесками-амулетами, здесь же появляются законченные художественные произведения прикладного искусства. Три драгоценных ожерелья представляют ранние образцы ритмического чередования элементов с ярко выраженными декоративными чертами: в одном поочередно наизаны темные сердоликовые и светлые золотые бусы, в другом — золотые дольчатые бусины перемежаются розетками, в третьем — черные лигнитовые пронизи обрамляют золотые пронизи той же формы.

Первое из названных ожерелий обнаружено в погребении, датируемом 30-ми годами VI в. до н. э. (1911 г., погребение № 96); оно состоит из 35 крупных сердоликовых бусин, между которыми наизаны по две 50 мелких золотых.

Ожерелье редкой формы происходит из погребения конца VI в. до н. э. (1910 г., погребение № 75)⁷⁴. В нем чередуются ромбовидные звенья из золота и лигнита с двумя параллельными каналами отверстий. Среди восьми неорнаментированных черных лигнитовых звеньев выделяются семь золотых, каждое из которых украшено в центре напаянным проволочным колечком, обрамленным четырьмя пирамидками зерни (рис. 5, 4).

В погребениях архаического периода встречаются короткие и длинные ожерелья из мелких золотых круглых бусинок (1913 г., п. 97, 102; 1911 г., п. 81). Правда, о них не всегда можно с уверенностью сказать, представляли ли они ожерелье или ими была распита одежда у ворота, так как их местонахождение у шеи или на груди погребенного может свидетельствовать о

* Там же, инв. № 0.1911181.

** ГЭ, инв. № 0.190990; 0.1910313; 0.1911172.

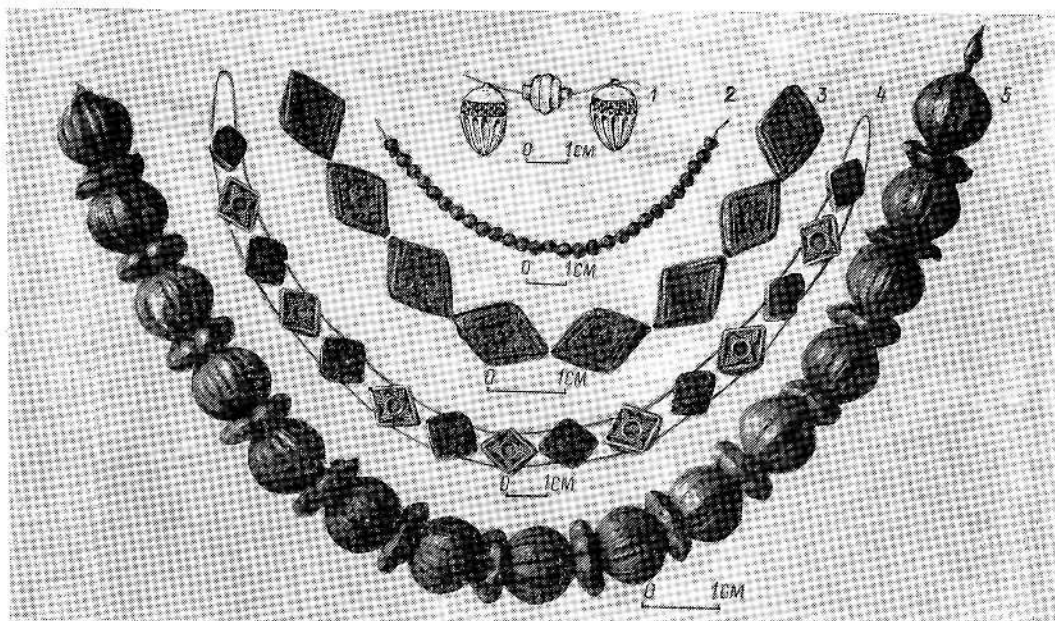

Рис. 5. Ольвийские золотые ожерелья.

двух названных различных функциях (рис. 5, 2).

Распространенной формой золотых бус архаического периода были дольчатые бусины с тисненым орнаментом в виде точек, имитирующих зернь, между ребрами. Эти и другие золотые бусины и пронизы, подобно серьгам-калачикам, были полыми внутри и спаивались из двух половинок. Из некрополя Ольвии происходит прекрасное золотое ожерелье, найденное в 1913 г. в богатом погребении № 97 третьей четверти VI в. до н. э.⁷⁵ 15 дольчатых золотых бусин чередуются с 14 уплощенными золотыми розетками (рис. 5, 5). В том же погребении находилось ожерелье (или пекторальное украшение?)⁷⁶ из 8 ромбовидных звеньев, украшенных геометрическим орнаментом из зерни, трижды повторяющим контуры звена (рис. 5, 3).

Круглая бусина и две бутопообразные подвески из березапского клада 1975 г., по-видимому, тоже составляли небольшое шейное украшение, реконструкцию которого мы предлагаем (рис. 5, 1).

Анализ серег и ожерелий из Ольвии и Березани приводит к следующим выводам.

1. Колонисты в Нижнем Побужье в

VI — первой половине V в. до н. э. носили главным образом восточногреческие украшения. Сюда доставляли все основные виды серег и ожерелий, которые были распространены в метрополии.

2. Среди привозных серег и ожерелий встречаются выдающиеся образцы античного прикладного искусства, особенно торевтики; на них можно проследить все виртуозные приемы древних ювелиров: литье, ковку, чеканку, штамповку, технику работы с зернью и филигранью. Раскопки в Ольвии и на Березани дали наиболее разнообразные по сравнению с другими центрами образцы бус, подвесок и пронизей из египетского фаянса архаического периода.

3. Вследствие важной роли украшений в торговле греков со скифами на территории Ольвийского полиса в VI в. до н. э. возникли мастерские, где производились для внешнего рынка массовые серьги и бусы из сравнительно недорогих материалов: стекла, египетского фаянса, бронзы, олова и, вероятно, кости и камня.

4. В архаический период многие украшения наряду с декоративной ролью выполняли функции амулетов и амулетов. Об этом свидетельствует масса фигурных подвесок и пронизей

в составе ожерелий, изображение на серьгах рычащих львов. Ту же роль могли играть бусы из драгоценных металлов и камней, так как этим веществам в древности приписывались магические свойства. Наконец, стеклянные бусы, имитирующие цвет того или иного камня, по-видимому, также имели для своих владельцев определенный смысл.

- 1 Скудниова В. М. Архаический некрополь Ольвии.— Арх. ант. отд. ГЭ, 1963/4.
- 2 Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1975, Г1-12; 1978, Г1-12; 1982, Г1-12.
- 3 Фармаковский В. В. Архаический период в России.— МАР, 1914, № 34, с. 32; Прушевская Е. О. Художественная обработка металла.— АГСП, с. 331; Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— САИ, 1966, Д1-27, с. 31; Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.— САИ, 1978, Д 4-5, с. 24.
- 4 Силантьева Л. Ф. Спиралевидные подвески Боспора.— ТГЭ, 1976, т. 17, с. 125—129.
- 5 Marschall F. H. Catalogue of the Jewellery Greek, Etruscan and Roman in the Department of Antiquities British Museum.— London, 1911, p. XXXIII, fig. 47.
- 6 Силантьева Л. Ф. Указ. соч., с. 125.
- 7 Hadaček K. Der Ohrschmuck der Griechen und Etrusker.— Wien, 1903, S. 21—24; Marschall F. H. Op. cit., p. XXXIII; Higgins R. A. Greek and Roman Jewellery.— London, 1961, p. 115.
- 8 Карышковский П. О., Далин В. В. Денежно-вещной клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 105.
- 9 Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея.— МИА, 1959, № 69, рис. 38, 2.
- 10 ОАК за 1909/10 г. Спб., 1913, с. 94, рис. 116, 117; ОАК за 1913/15, Спб., 1918, с. 40, рис. 50.
- 11 Островерхов А. С. Обработка цветных металлов на античных поселениях.— Археология, 1981, 36, с. 26—37.
- 12 АА, 1912, S. 334, fig. 18.
- 13 Музей исторических драгоценностей УССР, инв. № 6095 и 1875. Одна серьга происходит из собрания В. Н. и В. Н. Ханенко (древности Приднепровья и побережья Черного моря, 1907, вып. 6, № 599), другая — случайная находка в Ольвии во время раскопок 1947 г.
- 14 ОАК за 1911 г., Спб., 1914, с. 40, рис. 73; Силантьева Л. Ф. Указ. соч., 1959, с. 36, рис. В, 2.
- 15 ОАК за 1903 г., Спб., 1906, с. 148, рис. 288.
- 16 Петренко В. Г. Указ. соч., с. 29.
- 17 АА, 1913, S. 201, fig. 46.
- 18 Петренко В. Г. Указ. соч., с. 33—34.
- 19 Там же, с. 34.

- 20 Hadaček K. Op. cit., S. 3—4.
- 21 Силантьева Л. Ф. Указ. соч., 1976, с. 124.
- 22 Hadaček K. Op. cit., S. 15.
- 23 Philipp H. Bronzeschmuck aus Olympia.— Berlin, 1981, № 998, 399.
- 24 Там же, с. 115.
- 25 Robinson D. M. Excavation at Olynthus.— London, 1941, pt. 10, p. 58—90.
- 26 Higgins R. A. Op. cit., p. 50.
- 27 Furtwängler A. Archaischer Goldschmuck.— AA, 1884, S. 110, Taf. IX, 9—10; Marschall F. H. Tombs at Praison.— Ann. Brit. School Athens, 1905/6, 12, p. 62, fig. 3.
- 28 Philipp H. Op. cit., S. 115, Ann. 287.
- 29 Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии.— МИА, 1956, № 50, с. 235, рис. 14; Силантьева Л. Ф. Указ. соч., 1976, с. 125, рис. 1а, б.
- 30 ОАК за 1909/10, Спб., 1913, с. 94, рис. 118; ОАК за 1913/15 г., Спб., 1916, с. 41, рис. 51; Фармаковский В. В. Указ. соч., табл. XI; Силантьева Л. Ф. Указ. соч., с. 125, рис. 1в, 2б, в.
- 31 Фармаковский В. В. Указ. соч., с. 32, табл. IX — изображения всех известных серег этого вида; литературу о них см. прим. 3.
- 32 Фармаковский В. В. Указ. соч., с. 25, 26.
- 33 АА, 1913, S. 202.
- 34 Higgins R. A. Op. cit., 1961, p. 26, 119.
- 35 Фармаковский В. В. Указ. соч., табл. IX, № 6, 7.
- 36 Петренко В. Г. Указ. соч., с. 170—172; Прушевская Е. О. Указ. соч., с. 331.
- 37 Капошина С. И. Указ. соч., с. 170—172; Прушевская Е. О. Указ. соч., с. 331.
- 38 Онайко Н. А. Античный импорт в Среднее Поднепровье.— СА, 1970, № 2, с. 34.
- 39 Clara Rhodos. Studie materiali pubblicati a cura del Istituto storico-archeologico di Rodi.— Bergamo, 1923, t. 3, p. 73, fig. 63.
- 40 Капошина С. И. Указ. соч., с. 250, рис. 14.
- 41 Петренко В. Г. Указ. соч., с. 21, 24.
- 42 Островерхов А. С. Указ. соч., с. 33.
- 43 Petrie W. Naucratis.— London, 1886.— Vol. 1.
- 44 Островерхов А. С. Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье.— СА, 1981, № 4, с. 214—228.
- 45 Алексеева Е. М. Указ. соч., 1975, с. 11.
- 46 Горбунова К. С. Древние греки на острове Березани.— Л., 1969, с. 24.
- 47 Алексеева Е. М. Указ. соч., 1975, с. 11.
- 48 Алексеева Е. М. Предметы из египетского фаянса VI—IV вв. до н. э. в Северном Причерноморье.— КСИА АН СССР, 1972, № 130, АН СССР, с. 6.
- 49 Там же, с. 6.
- 50 Островерхов А. С. Указ. соч., с. 216.
- 51 Алексеева Е. М. Указ. соч., 1975, с. 42.
- 52 Фармаковский В. В. Указ. соч., с. 26, табл. VIII, 3.
- 53 Petrie W. Op. cit., p. 110—120.
- 54 Matthieu M. Some Scarabs from the South Russia.— Ancient Egypt, 1926, N 3, p. 69.
- 55 Тураев В. А. Скарабей с острова Березани.— ИАК, 1911, № 40, с. 118—119.
- 56 Ходжаш С. И. Собрание скарабеев в Музее

- производительных искусств им. А. С. Пушкина.—Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1980, Л., 1981, с. 417—418.
- ⁶⁷ ОАК за 1909/10 г. Спб., 1913, с. 97, рис. 126—127.
- ⁶⁸ *Городовская Л. П., Циркин Ю. Б.* Северное Причерноморье и Карфаген.—В кн.: Материалы III Всесоюз. съезда по древ. истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье»: Тез. докл. и сообщ. Тбилиси, 1982, с. 19—20.
- ⁶⁹ ОАК за 1904 г. Спб., 1907, с. 122, рис. 210; ОАК за 1913—Спб., 1918, с. 41, рис. 51; ОАК за 1903 г., Спб., 1906, с. 148, рис. 287; *Фармаковский Б. В.* Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 году.—Сообщ. ГАИМК, 1926, 5, с. 163. Возможно, еще одна такая же ольвийская подвеска была в коллекции И. А. Хойновского. Однако по описанию без фотографии об этом судить трудно (*Хойновский И. А.* Краткие археологические сведения о предках славян и Руси.—Киев, 1896, с. 42, № 229).
- ⁷⁰ *Фармаковский Б. В.* Указ. соч., 1926, с. 163.
- ⁷¹ АА, 1914, S. 257, fig. 51.

- ⁶² Там же.
- ⁶³ ОАК за 1913/15 гг., Спб., 1918, с. 40, рис. 53—54.
- ⁶⁴ *Robinson D. M.* Op. cit., tabl. X, N 55—61.
- ⁶⁵ *Алексеева Е. М.* Указ. соч., 1982, с. 25.
- ⁶⁶ *Philipp H.* Op. cit., N 1290—1298.
- ⁶⁷ *Алексеева Е. М.* Указ. соч., 1982, с. 32.
- ⁶⁸ Там же, с. 28.
- ⁶⁹ Там же, с. 17.
- ⁷⁰ Там же, с. 9; ГЭ, инв. № О 1910 313; О 1912 30; О 1911 172.
- ⁷¹ *Лавин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья.—Киев, 1966, с. 104.
- ⁷² *Алексеева Е. М.* Указ. соч., 1978, с. 8.
- ⁷³ *Алексеева Е. М.* Указ. соч., 1982, с. 30.
- ⁷⁴ ОАК за 1909/10 г., Спб., 1913, с. 94, рис. 119.
- ⁷⁵ ОАК за 1913/15 гг., Спб., 1918, с. 41, рис. 52.
- ⁷⁶ Р. А. Хиггинс указывает, что некоторые золотые украшения из небольшого числа звеньев нашивали на край одежды у шеи на груди (*Higgins R. A.* Op. cit., p. III). Вероятно, и в нашем случае ожерелье из дольчатых бусин и розеток было надето на шею, а 8 ромбовидных звеньев украшали платье на груди.

В. И. Назарчук

ФРАГМЕНТИРОВАННЫЙ КИЛИК ИЗ ОЛЬВИИ

Фрагментированный килик, найденный в 1975 г. в Ольвии, привлек наше внимание архаичной для его времени композицией и необычными шитовыми эмблемами*.

Восстанавливаемая по фрагментам форма килика сомнений не вызывает: он относится к наиболее распространенному в 40-х годах VI—начале V в. до н. э. типу А¹. Диаметр вместилца 18,3 см.

Почти все сохранившиеся фрагменты принадлежат одной стороне килика, но благодаря имеющимся зонам обеих ручек с остатками крайних фигур другой стороны повторяющаяся композиция росписи восстанавливается полно (рис. 1, 3).

Сюжет росписи обычен для конца VI в. до н. э.: килик расписан сценами прощания с воинами («воины и юноши») ². С каждой его стороны помещены четыре одинаковые пары обращен-

ных друг к другу юношей и голлитов. Юноши, обращенные влево, одеты в длинные гиматии и плащи, накинутые на плечи и правую руку, с которой край плаща свешивается почти до ног. Гиматии украшены в талии рядом белых точек и ниже бедер — белой полоской. Направление обоих орнаментов и нижнего края гиматия подчинено движению согнутой в локте правой руки, которой юноши опираются на стоящее вертикально копьё. Кисть руки закрыта накинутым плащом.

Глаза фигур переданы простыми овалами, исполненными гравировкой. Длинные волосы также трактованы упрощенно одной гравированной линией с выделенным местом уха. Одна двойная линия гравировок отделяет шею фигур от края одежды; другая такая же линия украшает нижний край гиматия и плаща.

Голлиты, стоящие перед юношами (лицом направо) почти полностью закрыты большими круглыми щитами. Копья их наклонены назад, за спину. На головах голлитов — коринфские шлемы с высоким гребнем, ноги защищены кнемидами. Нижний край пле-

* Инв. № 0-75, ЮЗА, 537; состоит из 11 фрагментов, частично склеен; найден в заполнении полуземлянки № 198 с материалом конца VI—начала V в. до н. э. Фрагменты хранятся в Археологическом музее АН УССР.

мов и неподвижные большие нащечники подчеркнуты гравировками. Нашечники несколько вытянуты вперед: изпод шлема видны только нос и глаза, передающие, как и у юношей, небрежным овалом. Щиты диаметром 34 мм моделированы циркулем. Циркулем же диаметр щита диаметром 28 мм отделен от его обода. Эмблемы щитов выполнены широкими четкими линиями, нанесенными плотной белой краской на центральную часть. Кнemiды гоплитов выделены гравировкой.

Возможно, индивидуальным для мастера является изображение высокого и как бы откинутого назад гребня шлема с коротко остриженным «султаном» — *λόφος*, наведенным тонкой белой полоской. Такой высокий гребень наиболее характерен для аттических племов³ (обычен на изображениях Афины). Он встречается и на коринфских, как в нашем случае, шлемах⁴, однако почти всегда верхняя часть гребня закруглена вперед и *лоφος* свешивается вниз как спереди, так и сзади⁵. На шлемах же ольвийского килика гребень укреплен на тонком, почти вертикальном держателе⁶ и весь помещен позади него, выделенный гравированным штрихом. При равной высоте фигур килика форма не позволяла сделать гребень достаточно высоким, и решение мастера представляется оригинальным.

Копья в руках юношей являются как бы осью в каждой паре фигур и выполнены толстой линией; в то же время за спинами гоплитов они проведены тонко и не везде доведены до ног. Ступни ног фигур переданы упрощенно, лак в этой части чаши имеет светло-коричневый оттенок.

Под обеими ручками килика изображены лебеди. Обе птицы спокойны, клювы прижаты к груди. Глаз одного лебедя (повернутого вправо) моделирован большим овалом. Его крылья, передающие широкой, ограниченной гравировками полосой и нанесенными в этой же технике перьями, сложены вдоль тела. Правая нога показана в спокойном движении впереди левой. Лак на ногах птицы полупрозрачный, коричневатого оттенка. Глаз второй птицы закрыт, как у спящей. Сложенные крылья ее несколько приподняты. Ноги

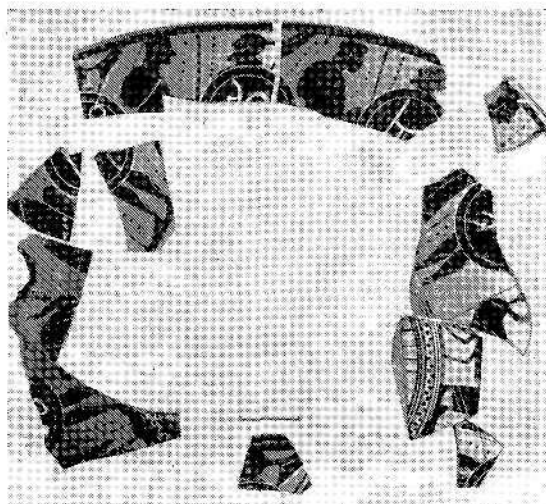

Рис. 1. Фрагменты килика, найденные в Ольвии.

фигуры не сохранились, моделировка крыльев аналогична первой. Птица повернута влево.

Мастер пользовался пурпуром, покрывая им большие поверхности. Им полностью окрашены шлемы гоплитов, плащи юношей, крылья лебедей и ободы щитов. Для мелкого декора он использовал белую краску: ею выполнены орнаменты гиматиев, верхний край плащей (бахрома?), *лофосы* гребней племов и эмблемы щитов.

Декор нижней части килика восстанавливается по двум фрагментам. Очевидно, вокруг ножки располагалась «корзинка лучей», переданная вытянутыми, залитыми лаком треугольниками. Выше следовали три тонкие полоски лака, разделенные незалитыми промежутками той же ширины. Над ними располагалась оставленная в цвете глины лента с нанесенными в два ряда точками, поставленными зигзагообразно. Сверху располагалась еще одна лента из узких полос, идентичная первой, на которой уже размещался сам рисунок. Полосы декора и верхушки треугольников выполнены разбавленным лаком.

К декору килика следует также отнести ряды точек — псевдобукв, расположенные вдоль всех фигур между ногами гоплитов и копиями в руках юношей и по обе стороны верхних половин этих копий. Еще один ряд псевдобукв помещен между *лофосом* гребня и на-

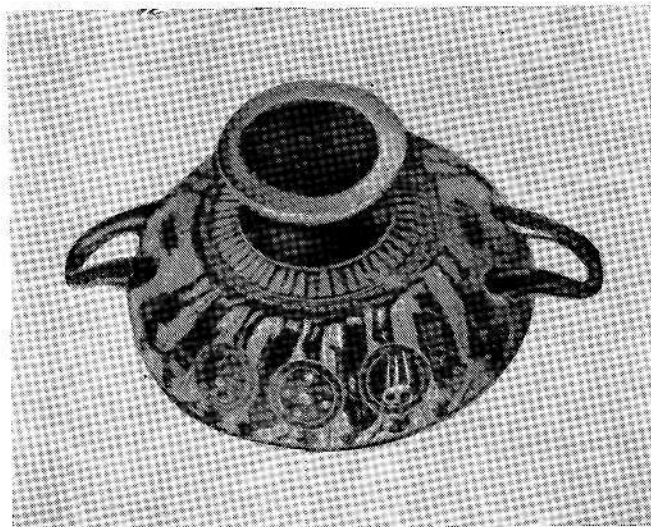

Рис. 2. Килик, хранящийся в Национальном музее в Таранто.

клоненным копьём второго слева гоплита. Очевидно, этот элемент обозначает середину всей композиции одной стороны килика.

Завершая описание, следует указать на наличие сдвоенной полоски лаком ниже края венчика (на которую заходят макушки юпошей, накопечники копий и верхушки гребней шлемов) и такую же, но оставленную в цвете глины, полоску с внутренней стороны чаши под краем. Изнутри вместилище залито черным лаком хорошего качества. О наличии или отсутствии небольшого медальона в чаше судить нельзя.

В общем рисунок килика выполнен аккуратно, но некоторая небрежность и скудость гравировок (на нижней части гиматиев, крыльях птиц и кнемидах воинов), упрощенная трактовка глаз и волос наряду со схемой декора, использованием псевдобукв и самим сюжетом росписи позволяют отнести этот килик к последней четверти VI в. до н. э.⁷

Ближайшей аналогией нашему килику является чаша из Национального музея в Таранто⁸, найденная в погребении в 1928 г. (рис. 2). Схема композиции этого килика отлична от рассматриваемого, сюжет тот же.

В средней части композиции помещены три пары обращенных друг к другу гоплитов и юпошей в гиматиях и плащах, опирающихся на копьё. Постановка этой группы идентична ольвийской. Еще один юноша в гиматии и

плаще с копьём, повернутый влево, стоит за крайним правым гоплитом. Всю группу с обеих сторон фланкируют фигуры двух юпошей в одних плащах, наброшенных на правое плечо. Обе фигуры повернуты влево, но правая дана в полуобороте: лицом и поднятой рукой юноша обращен к центральной композиции. Эмблемы на щитах гоплитов (на среднем) — семь точек пурпуром и белой краской, на обеих крайних — треножники. Роспись обеих сторон килика идентична.

Трактовка фигур и изображение ряда деталей — лица, моделировка причесок юношей и особенно шлемы — абсолютно совпадают с нашим киликом. Сходство обеих киликов простирается до диаметра шитов (34 мм) и диаметра самой чаши (18,5 см — диаметр килика из Таранто). Идентичны также, но на рассматриваемой чаше несколько более аккуратно, декор нижней части и расположение псевдобукв, с той лишь разницей, что на килике из Таранто у двух фигур точки расположены слева от нижней части копий юпошей, а в верхней части — лишь по правую сторону от копий. Так же, как и на ольвийском килике, присутствует ряд псевдобукв за лодосом гребня центрального гоплита, обозначающий середину композиции.

Близки изображенные под ручками обеих чаш лебеди. Оба лебедя на килике из Таранто выполнены со сложными крыльями, как на фигуре под

правой ручкой изучаемого килика, но стоящими на месте. Трактовка крыльев и перьев совпадает в обоих случаях, но опять проявляется чуть большая аккуратность килика из Ольвии.

За исключением отсутствующих в схеме ольвийского килика фланкирующих фигур главным различием их центральных групп являются гиматии юношей. На килике из Таранто они украшены в верхней части двумя розетками белых точек, а выделенный гравировками пурпурный плащ лишней раз обернут вокруг бедер к лопаткам. Верхний и нижний края одежды передапы как на ольвийском килике. Щит левого гошлита килика из Таранто имеет на ободке ряд пурпурных точек; щит правого окрашен пурпуром целиком. Оба лебедя килика из Таранто повернуты к зрителю правой стороной.

На корни ручек (как в нашем случае) фигуры не заходят, но поставлены настолько тесно, что фигуры юношей частично закрыты щитами с обеих сторон. Здесь, кстати, надо отметить, что такая накладка, очевидно, имела место и на килике из Ольвии: при обычном расстоянии между верхушкой гребня гошлита и головой юноши соседней пары 8—10 мм, на одном фрагменте это расстояние — 3 мм.

Близко стоят оба килика и по использованию пурпура (пятна его на щитах килика из Таранто довольно большого размера). В обоих случаях он накладывался широкими мазками, не везде доходя до ограничивающих его гравировок.

Несмотря на перечисленные различия, вполне допустимые в творчестве поздних мастеров, большое сходство и даже идентичность в передаче характерных деталей, постановке фигур тождественных композиций, декоре и технике исполнения позволяют, на наш взгляд, достаточно уверенно отнести оба килика к руке одного мастера, не связываемого Дж. Бизли ни с одной из выделяемых групп поздних мастеров, очевидно, вследствие единичности килика из Таранто.

В обоих случаях этот мастер использует различные, но архаичные для его времени схемы композиции и постановку фигур. Схема повторяющихся пар на

килике из Ольвии восходит к схемам «пионеров» чернофигурных чаш второй четверти VI в. до н. э., повторяющиеся статичные пары⁹ и «хороводы»¹⁰ фигур которых еще связывают с влиянием мастерских Коринфа¹¹. В позднее время эта схема используется редко.

Не менее архаичной, но использовавшейся гораздо шире первой и потому претерпевшей ряд изменений, является и вторая схема этого мастера. Изображение статичных фигур «зрителей», зеркально расположенных вокруг центральной композиции в средней части каждой стороны, также восходит к «пионерам»¹², является одной из основных в творчестве миниатюристов и имеет целый ряд подражателей в конце второй — начале последней четверти VI в. до н. э., в том числе и на киликах типа А¹³. Это «архаизирующее» направление композиции, состоящих большей частью из сходных фигур в статичных позах, постепенно замирает к концу VI в. до н. э. и в начале V в. до н. э. подобные схемы с присутствием «зрителей» встречаются редко¹⁴, полностью вытесненные динамичными композициями. Интересно отметить, что военные сюжеты на киликах нашего типа и синхронных ему, начиная уже от появления их у Экзекия¹⁵ — чаще всего амазономания или столкновения гошлитов, выполнялись в динамике. Среди поздних мастеров — современников архаизирующего направления — примерами динамичных композиций могут служить вазы мастера Призраков¹⁶, мастера Берлина 1697¹⁷, мастера Родоса 12264¹⁸. Полный переход мастеров чернофигурной техники к динамичным композициям, как и в сюжете — к преобладанию Дионисийских сцен, связывается с демократизацией Афинского общества и его вкусов в конце VI в. до н. э.¹⁹, что, как представляется, совпадает и взаимосвязано с сокращением творчества архаистов, обычными сюжетами которых были военные или мифологические сцены.

Очевидно, к последним представителям этого направления можно отнести и мастера киликов из Ольвии и Таранто. Бесспорно, и это особенно видно на килике из Таранто, что образцами ему служили не ранние чаши, а работы

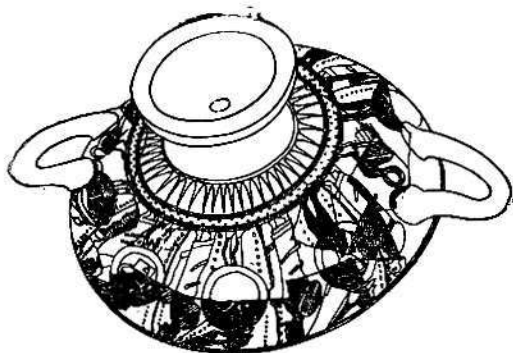

Рис. 3. Реконструкция килика из Ольвии.

предшествовавших ему имитаторов. Так, некоторое сходство в постановке фланкирующих фигур обнаруживается между этим киликом и киликом мастера Нью-Йорка 06.1021.159, использовавшего в центре композиции явно архаичную фигуру Nike в «коленопреклоненном» беге²⁰. Декор нижней части обоих рассматриваемых нами киликов аналогичен декору, использовавшемуся другим архаистом — мастером Лувра Ф28²¹. Сам выбор этого декора мастером интересующих нас чаш в какой-то мере показателен.

Мотив залитых треугольников («корзинки лучей») и пояса с точками, разделенными рядом тонких полосок, встречается как нижний элемент декора уже на чашах типа Сиана С-мастера²² и самостоятельно присутствует на чашах второй четверти VI в. до н. э.²³ Мелкожидким орнаментом украшен один чернофигурный килик²⁴. На киликах типа А его использует Саконид, помещая между обоими элементами еще широкую залитую полоску²⁵, современный мастер Лувра Ф28 — мастер Призраков²⁶, помещая над этим орнаментом обычную для него черную ленту с зигзагом ромбов или лепестков и др. Но для последних десятилетий VI в. до н. э. представляется, что в моду начинает входить использование в декоре чередования черных треугольников с незалитыми²⁷ или целиком оставленными в цвете глины²⁸ в орнаменте, подобном нашему, и вообще при декорировании низа чернофигурных чаш треугольниками²⁹. Не исключено, что мастер сознательно выбирает (или подражает) именно устаревшую форму орна-

мента, что в данном случае может подчеркнуть его связь с архаистами.

Трактовка фигур лебедей под ручками киликов, особенно на килике из Таранто, близка к их изображению на одной чаше мастера Призраков³⁰ (хотя он обычно помещал под ручками чаш другие фигуры)³¹. В данном случае и он, и мастер киликов из Ольвии и Таранто использовали изображение лебедей, рисунком восходящее к середине VI в. до н. э.

Архаические схемы композиций, статичность фигур, использование характерного декора, на наш взгляд, представляют мастера обоих киликов как архаиста-имитатора, а возможный синкретизм применяемых элементов и опосредованная предшественниками схема килика из Таранто при сопоставлении с техникой исполнения позволяют думать о нем, как об одном из последних представителей этого направления аттических мастеров.

Значительный интерес представляют также помещенные на килике из Ольвии щитовые эмблемы. На нем при одинаковых фигурах повторяющихся пар мастер нанес на щиты различные, судя по имеющимся у нас фрагментам, не повторяющиеся эмблемы. В нашем распоряжении оказалось 7 фрагментов эмблем, принадлежащих, очевидно, 6 из 8 изображенных на килике щитов (рис. 4). В трех случаях имеется верхняя часть эмблемы, в остальных — только нижняя. Полностью не сохранилась ни одна эмблема. Между тем щиты с нанесенными на них эмблемами являются наиболее эффектным элементом росписи ольвийского килика. Равномерно и близко друг к другу расположенные большие черные круги с контрастными белыми знаками резко выделяются на светлом фоне аттической глины и представляют собой основной объект внимания, особенно при положении килика подвешенным на стене. При этом создается впечатление, что ярко-белые эмблемы, нанесенные на щиты, играют главную роль.

На килике из Таранто мастер украшает щит среднего гошпита простыми пятнами (кругами), а на обоих крайних помещает треножники. Эта же эмблема восстанавливается по трем фрагментам

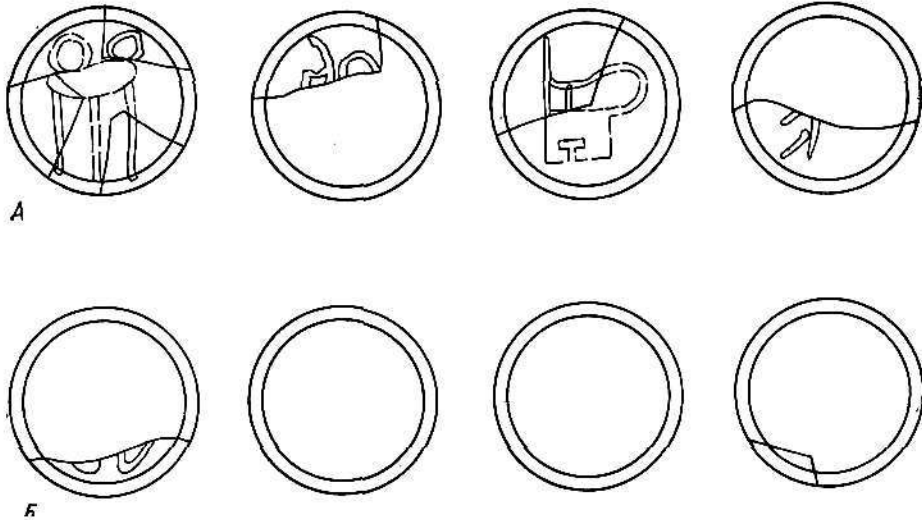

Рис. 4. Щитовые эмблемы килика из Ольвии.

ольвийского килика (не исключено, что от щитов разных его сторон). Причем любопытно отметить один и тот же дефект: пятка одной из ножек треножника у мастера на обоих его киликах заходит на обод щита. Эмблема третьего от «носителя треножника» гоплита на килике из Ольвии также успешно дополняется, как хорошо известный в аттической геральдике «колесничный кузов»³².

Остальные фрагменты не позволяют восстановить изображения на щитах: ни один из учтенных нами свыше 60 знаков смысловых эмблем (как в чернофигурной, так и в краснофигурной технике) не содержит таких элементов.

Сами по себе щитовые эмблемы — *ἐπίθματα* — разрабатывались редко. Чейз в одном из первых специальных исследований³³ писал о них, как о бытовавших в современной жизни, но допускал большую роль фантазии мастера в выборе и передаче их³⁴. После исследований Ч. Селтмана стало принятым связывать сами эмблемы с фамильными знаками аристократических родов, а их выбор мастерами ваз — с заказами и популярностью³⁵. Ряд этих знаков украшал и действительные боевые щиты³⁶. Попытка Ч. Селтмана связать некоторые эмблемы с конкретными родами была подвергнута критике³⁷, но сама идея нашла блестящее подтверждение у Дж. Томсона, усматривавшего

в щитовых эмблемах древние тотемы родов³⁸. Таким образом, смысловая нагрузка этих знаков в греческом обществе, где значение происхождения рода играло большую роль, должна была быть велика.

В поисках аналогий эпиграмм ольвийского килика нами были сопоставлены около 300 изображений щитов на краснофигурных и чернофигурных вазах. Прямых аналогий обнаружить не удалось, но сам анализ щитовых эмблем привел к интересным наблюдениям. Они представляют самостоятельный сюжет, и в рамках настоящей публикации мы помещаем ряд предварительных выводов в той мере, в которой они могут иметь отношение к заинтересовавшим нас знакам.

Интерес аттических мастеров к щитовым гербам особенно широко проявляется в 50-х—30-х годах VI в. до н. э., но достигает высшей точки лишь в последней его четверти. В конце этого периода, однако, ряд прежде популярных эмблем исчезает (трискелес); в то же время появляется новая, достаточно многочисленная и более характерная уже для краснофигурных ваз группа эпиграмм: это изображенные в профиль (обычно вправо) фигуры животных, подведенные снизу горизонтальной чертой и этим напоминающие статуи на постаментах. Наряду с этими эпиграммами в конце VI—V в. до н. э.

продолжают бытовать (также переходя и в краснофигурную технику) и некоторые старые эмблемы, в число которых входят обе восстанавливаемые эмблемы килика из Ольвии. (Здесь, кстати, показателна передача изображения интересующего нас треножника на черте-подставке мастера Берлинской чаши 2268³⁹.) На непродолжительное время в конце VI в. до н. э. возникает и ряд уникальных, единичных эмблем, состоящих из комбинаций элементов старых, или, как представляется, не имеющих отношения к геральдике. В V в. до н. э. наблюдается более вольное отношение к щитовым гербам.

Исчезновение ряда старых, известных, щитовых эмблем и появление целой группы новых, статуарных, можно связать лишь с глубокими изменениями в социальной жизни Атики в конце VI в. до н. э. и, в частности, с заменой Клизифеном прежних — родовых — аттических фил территориальными⁴⁰. Их эпохи стали другими племенные аттические герои⁴¹ и граждане составивших их третей собрались на собрания у статуй этим эпохиам⁴², что, как нам представляется, и выразилось в появлении статуарных щитовых эписем. Таким образом, возможно, что щитовые эмблемы смогут явиться самостоятельным, независимым от стилистики дополнительным источником при датировании ваз последней четверти VI в. до н. э.

Однако ольвийский килик, приведший нас к столь неожиданным выводам, сам по себе их не иллюстрирует. Обе его эмблемы — треножник и колесничный кузов — переходят на вазы V в. до н. э. Но манера исполнения и их, и невозможных знаков на пштах — несколькими широкими четкими линиями — характерна для «старой» группы эписем-символов. Все знаки ольвийского килика нанесены достаточно уверенно, как известные мастеру в равной мере. Сам же общий облик начертания сближает их со «старой» группой эписем дореформенного времени⁴³.

По стилистическим особенностям мы определили мастера обеих чаш как младшего современника или последователя мастеров-имитаторов поздних чаш последней трети-четверти VI в. до н. э.

Приведенные же выше рассуждения о щитовых эмблемах, возможно, позволяют исключить из этого периода его последнее десятилетие. Таким образом, нам представляется возможным отнести найденный в Ольвии фрагментированный килик к 20-м — 10-м годам VI в. до н. э., вероятно, ближе к концу этого промежутка, что согласуется и со стилистическим анализом его рисунка.

- ¹ Richter G. Attic black-figured kylikes.— CVA USA, f. 11, p. 13—14; Boardman J. Athenian Black Figure vases.— London, 1974, p. 106—107.
- ² Boardman J. Op. cit., p. 207—208.
- ³ CVA DDR, f. 2, Leipzig 2, taf. 24, 1, 3, p. 26—27.
- ⁴ CVA DDR, f. 2, taf. 24, 2, 23, p. 26—27.
- ⁵ CVA Great Britain, f. 9, pl. III He, VI, p. 98; Boardman J. Op. cit., p. 207.
- ⁶ Ibid.; реконструкцию таких шлемов см. Conolley P. The Greek Armies.— London, 1980, p. 34.
- ⁷ Boardman J. Op. cit., p. 106—107.
- ⁸ CVA Italia, f. 18, III He, tav. 7, 1, p. 5.
- ⁹ CVA Italia, f. 3, III He, tav. 26, 3, 4, p. 17; ABV-55, 74; С-мастер.
- ¹⁰ CVA USA, f. 5, tabl. XIV; ABV, 55, 71.
- ¹¹ Beazley J. D. The development of Attic Black-Figure.— London, 1951, p. 22—23.
- ¹² CVA USA, f. 4, tabl. XX, 1, a, b; XXI, 1, b; ABV, 70, 1 — мастер Сандала; CVA Belgique, f. 1, III He, pl. 1—2, p. 1; ABV, 63, 7 — мастер Гейдельберга; CVA France, f. 7, III He, pl. 48, 1—3, p. 33; ABV, 65 — группа Спана II; Beazley J. D. The development ..., pl. 15, 2, p. 47, 48 мастер Лидос.
- ¹³ CVA USA, f. 11, tabl. XXII, 36, a—f, p. 13. Дж. Бизли относит эту чашу к мастеру Лувра Ф28-ABV, 199, 2; Дж. Бордман связывает ее с творчеством мастера пикозийской ольпы (Boardman J. Op. cit., p. 108, pl. 175). CVA Pays-Bas, f. 1, III He, pl. 1, 3, p. 3; ABV, 199, 2 — мастер Нью-Йорка 06.1021. 159.
- ¹⁴ CVA France, f. 10, III Hf, pl. 55, 8, 9, 13, p. 41; ABV, 646, 119 — группа Лефлес.
- ¹⁵ Boardman J. Op. cit., p. 107.
- ¹⁶ Ibid., pl. 174; Bothmer D. von. Amazons in Greek art.— Oxford, 1957, vol. 1, pl. LIV, 3—4; ABV, 201, 12, 14; CVA Italia, f. 7, III He, tav. 30, 1, 4; ABV, 200, 10.
- ¹⁷ CVA USA, f. 11, tabl. XXV, 39, a—d.
- ¹⁸ Ibid., tabl. XXI, 34 a—b, p. 12; ABV, 192, 3.
- ¹⁹ Горбунова К. С., Передольская А. А. Мастера греческих расписных ваз.— JL, 1961, с. 25, 31.
- ²⁰ CVA Pays-Bas, f. 1, III He, pl. 1, 3, p. 3; ABV, 199, 2.
- ²¹ CVA USA, f. 11, tabl. XXII, 36, a—f, p. 13; ABV, 199, 2.
- ²² CVA Great Britain, f. 2, III He, pl. 8, 1a, 2a; ABV, 55, 91; 60, 20.
- ²³ Ibid., pl. 7, 3a—b, p. 3.
- ²⁴ Ibid., pl. 16, 7, p. 6 (возможно, кожнояталейская имитация).

- ²⁵ CVA Great Britain, f. 6, III He, tabl. XVIII, 1a—b, p. 24.
- ²⁶ *Bothmer D. von.* Op. cit., pl. LIV, 3—4; ABV, 201, 12, 14; *Boardman J.* Op. cit., pl. 174.
- ²⁷ CVA France, f. 17, III He, pl. 99, p. 90—91; ABV 231, 6 — класс Никосфена и Памфай; *ibid.*, pl. 100, 1, p. 19, фрагмент С 10354; CVA Great Britain, f. 2, III He, tabl. 20, 2a—b, p. 7.
- ²⁸ CVA France, f. 17, III He, pl. 114, 15, p. 100—101; ABV, 646, 200 — поздние чаши, группа Лефлес; *ibid.*, pl. 101, 1, p. 92; ABV, 207, 235, 1 — Памфай.
- ²⁹ CVA France, f. 17, III He, pl. 95, 6; ABV, 262, 4a — чаша мастера Лисипида; pl. 100, 4, p. 92; pl. 101, 4, p. 92; ABV, 232, 1 — Памфай; pl. 106, 7, p. 94; ABV, 231, 7 — мастера группы Никосфена и Памфай; pl. 107, 1, 4, p. 94—95.
- ³⁰ *Boardman J.* Op. cit., pl. 174.
- ³¹ *Bothmer D. von.* Op. cit., pl. LIV, 34; ABV, 201, 12, 14; CVA Italia, f. 7, III He, tav. 30, 1, 4; ABV, 200, 10.
- ³² CVA Great Britain, f. 3, III He, tabl. XXXV, 4, p. 27; CVA Great Britain, f. 6, III He, tabl. XVI, 3; XXIV, 2, p. 23; CVA Great Britain, f. 5, III He, tabl. XLVII, p. 3; CVA Great Britain, f. 11, III He, tabl. XXV, 1; XXVIII, 4, 5, p. 46.
- ³³ *Chase G. H.* The shield devices of the Greeks.—Harvard studies in classical Philology, 1902, vol. 13, p. 61—127;
- ³⁴ *Chase G. H.* Op. cit., p. 79.
- ³⁵ *Seltman Ch.* Greek coins, reprint.—London, 1960, p. 46—48, fig. 7; *Seltman Ch.* Athens, its history and coins.—Cambridge, 1924, p. 44.
- ³⁶ *Snodgrass A. M.* Arms and armour of the Greeks.—London, 1967, p. 54—55.
- ³⁷ *Ibid.*, p. 96; *Зюграф А. Н.* Античные монеты.—МИА, 1951, № 16, с. 61—62.
- ³⁸ *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества.—М., 1958, с. 117—120.
- ³⁹ CVA Great Britain, f. 11, III He, tabl. VI, p. 55—56.
- ⁴⁰ *Herod, V, 66.*
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Колобова К. М.* Древний город Афины и его памятники.—Л., 1961, с. 250; История древней Греции / под ред. Авдиева В. И. и др.—М., 1972, с. 134.
- ⁴³ Единственным известным нам пока предельтом для более позднего времени, возможно, является лекиф мастера Диосфоса (*Boulter C. G.* Graves in Lenormant Street, Athens.—Hesperia, 1963, vol. 32, 2, p. 115, tabl. 36, A—J; ABV, 509, 1). Эмблема на фото просматривается плохо, но стилистически, очевидно, примыкает к группе ранних. Не исключено, что выбор ее связан с погребальным назначением сосуда.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия	ИАК	— Известия археологической комиссии
АГ-1, АГ-2	— Античная Греция.— М.: Наука, 1983.— Т. 1—2	ИБАИ	— Известия на Българския археологически институт
АГСН	— Античные города Северного Причерноморья.— М.; Л.: Изд-во АН УССР, 1955	ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
АДУ	— Археологічні дослідження на Україні	ИКАМ	— История и культура античного мира.— М.: Наука, 1977.
АИУ	— Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР.— Днепропетровск, 1980	ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории и материальной культуры
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР	ИА АН УРСР	— Институт археології АН УРСР
АПАИ	— Актуальные проблемы археологических исследований в УССР: Тез. докл. конф.— Киев, 1981	КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа	КСИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ВДИ	— Вестник древней истории	КСОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея.— Одесса, 1974.
ВКУ	— Вісник Київського університету	МАО	— Московское археологическое общество
ВОКК	— Вісник Одеської комісії краєзнавства	МАР	— Материалы по археологии России
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры	МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья.— Одесса
ДИП-II	— Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ДСС	— Древности степной Скифии	НА ИА АН УССР	— Научный архив Института археологии АН УССР
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград	НнС	— Нумизматика и сфрагистика
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества	НО	— Надписи Ольвии.— Л., 1968
ИААСП	— Исследования по античной археологии Северного Причерноморья.— Киев, 1980	НОСА-1, НОСА-2	— Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф.— Киев, 1975.— Ч. 1—2
ИЛАЮЗУ	— Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР.— Киев, 1980	НС	— Нумизматический сборник
		ОАК	— Отчет Археологической комиссии
		ОАМ	— Одесский археологический музей
		ОДУ	— Одесский державний університет

ОМАУ	— Открытия молодых археологов Украины.— Киев, Наук. думка, 1976	ABV	— <i>Beazley J. D. Attic Black-figure Vase-painters.</i> — Oxford, 1956
ПГКСЭП	— Проблемы греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья	AUB	— <i>Analele Universității București</i>
ПИСПАЭ	— Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху.— М.: Изд-во АН СССР, 1959	AIIN	— <i>Annali Instituto Italiano di Numismatica</i>
СА	— Советская археология	BCH	— <i>Bulletin de correspondance hellénique.</i> — Paris
САИ	— Свод археологических источников	BSNR	— <i>Buletinul Societății numismatice Române</i>
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа	CVA	— <i>Corpus Vasorum Antiquorum</i>
СИК-1	— Сборник статей по археологии и византиковедению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова	Hesperia	— <i>Journal of the American School of Classical Studies of Athens</i>
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа	IG	— <i>Inscriptionum graecarum</i>
ТомГУ	— Томский государственный университет	IPE	— <i>Inscriptiones Antiquae orae Septentrionali Ponti Euxini</i>
ХКААМ	— Художественная культура и археология античного мира.— М.: Наука, 1976	JHS	— <i>Journal of the Hellenic Studies</i>
ХС	— Херсонесский сборник	MN	— <i>Museum Notes. American Numismatic Society</i>
УИЖ	— Украинский исторический журнал	NC	— <i>The Numismatic Chronicle</i>
АА	— <i>Archäologischer Anzeiger. Beiblatt zum Jahrbuch des Archäologischen Instituts.</i> — Berlin	RA	— <i>Revue Archéologique</i>
		SAN	— <i>Journal of the Society for Ancient Numismatics</i>
		SCN	— <i>Studii si cercetari de numismatica</i>
		SGDI	— <i>Sammlung der griechischen Dialektschriften</i>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Крыжицкий С. Д., Огрешко В. М.</i> К проблеме формирования Ольвийского полиса	3	<i>Виноградов Ю. А., Марченко К. К.</i> Античное поселение Луцарско 2	59
<i>Буйский С. Б.</i> Некоторые вопросы пространственно-структурного развития Ольвийской хоры (VI—II вв. до п. э.)	17	<i>Анохин В. А.</i> Монеты-стрелки	68
<i>Лейпунская Н. А.</i> Жидой район Ольвии к юго-западу от агоры (1972—1977 гг.)	29	<i>Ольговский С. Я.</i> Металл литых монет Нижнего Побужья	89
<i>Русяева А. С., Мазараги С. Н.</i> Археологические исследования у Широкой Балки близ Ольвии	47	<i>Крапивина В. В.</i> Архаические весовые гири Березани и Ольвии	105
		<i>Скрябинская М. В.</i> Греческие серьги и ожерелья архаического периода	112
		<i>Назарчук В. И.</i> Фрагментированный килик из Ольвии	126
		Список сокращений	134

ОЛЬВИЯ И ЕЕ ОКРУГА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР

Редактор

А. А. ЗОЛОТАРЕВА

Художественный редактор

И. М. ГАЛУШКА

Технический редактор

А. М. КАПУСТИНА

Корректоры

И. С. ВОРОДЯНСКАЯ, Н. А. ЛУЦКАЯ

ИБ № 7503

Сдано в набор 06.09 85.
Подп. в печ. 10.03.86. БФ 01038.
Формат 70×100/16.
Бум. тип М 2.
Обыкн. нов. гарн. Выс. печ.
Усл. печ. л. 11,05. Усл. кр. отг. 11,54.
Уч.-изд. л. 13,38. Тираж 2 200 экз.
Заяв. № 2927 Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наукова думка».
252601 Киев 4, ул. Революц. 3.

Отпечатано с матриц
Головного предприятия
республиканского производственного
объединения «Полиграфкнига».
252057. Киев, ул. Довженко, 3.
в областной книжной типографии.
290000, Львов, ул. Стефаника, 11.